

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СОЧИНЕНИЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ И К^о),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1867.

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СОЧИНЕНИЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ И К^о),
НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.
1867.

Ч Т Е Н І Я

**въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1866 г., кн. 3 и 4-я.**

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462 — 1508.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Князья.

Завѣщаніе Василя Васильевича Темнаго. — Отношенія Ивана III къ Князьямъ Удѣльнымъ и своимъ братьямъ. — Возстаніе Князей Андрея Большаго и Бориса Васильевичей противъ Ивана III изъ за Новгорода. — Уничтоженіе Верейскаго Княжества и паденіе независимости Твери; участіе во всѣхъ этѣхъ событіяхъ Короля Казимира. — Поиманіе Андрея Васильевича Углицкаго. — Положенія договора Василя Васильевича Темнаго съ Казимиромъ о Князьяхъ вообще и служебныхъ въ особенности. — Служебные Князья, ихъ занятія и отношенія къ своимъ Государямъ. — Отъѣзды Князей съ отчинами изъ Литовской службы въ Московскую; сношенія Ивана Васильевича съ Казимиромъ по поводу отъѣздовъ Князей. — Княжеская война. — Отъѣзды Князей Шемячича, Можайскаго, Семена Бѣльскаго и другихъ. — Положеніе Князей отъѣзчиковъ въ Московскомъ подданствѣ и ихъ занятія во время войны и мира съ Литвою. — Способы, которыми Московскіе Государи удержали въ своей службѣ Князей. — Исторія вражды Шемячича и Можайскаго и судьба ихъ. — Заключеніе.

Государствованіемъ Ивана III блестящимъ образомъ заканчивается средневѣковая Русская Исторія и еще блестяще открывается новая. Препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію Русской общественной жизни въ XV столѣтіи была, такъ называемая, Удѣльная система. Московскіе Государи, сооружая одною рукою Государственное зданіе, въ то же время другою, подъ вліяніемъ старыхъ

понятій, клали препятствіе къ дальнѣйшему развитію своего дѣла, посредствомъ поддержанія въ своей семьѣ Удѣльныхъ порядковъ. Ко времени Ивана III лицъ, заинтересованныхъ въ укрѣпленіи этѣхъ порядковъ, въ сѣверной Россіи было много; на первомъ планѣ здѣсь являются братья Великаго Князя, потомъ Князья не изъ семьи Василія Темнаго, владѣвшіе независимыми Княжествами, какковы: Тверской, Верейской, Рязанской, далѣе огромная масса Князей служебныхъ, и наконецъ, опора старины, Новгородъ, а за нимъ, младшій его братъ, Псковъ.

Къ концу великокняженія Василія Темнаго система Московскихъ Князей восторжествовала надъ ихъ врагами; но умирая Василій Васильевичъ оставилъ завѣщаніе, старинное по формѣ и почти по сущности. Приказывая своимъ дѣтямъ жить за одинъ и слушаться своей матери, а младшимъ сыновьямъ — и своего старшаго брата, въ отца мѣсто, завѣщалъ старшему своему сыну, Ивану, держать братьевъ меньшихъ въ братствѣ безъ обиды, и, въ заключеніе всего, Василій Васильевичъ раздѣлилъ свои владѣнія между всѣми дѣтьми, хотя старшему, при этомъ дѣлежѣ, досталась наибольшая часть. Ко всему этому, какъ препятствіе дѣлу всей своей жизни, Василій Васильевичъ поручилъ блюсти свою вдову и своихъ дѣтей, представителю всякихъ старыхъ порядковъ, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, Казимиру.¹

Вскорѣ послѣ смерти Василія Темнаго, его сыновья, Иванъ Васильевичъ съ братьями, заключили, въ подтвержденіе прежняго, договоръ съ Тверскимъ Великимъ Княземъ, Михайломъ Борисовичемъ, и Тверскими Князьями. Иванъ Васильевичъ и Михаилъ Борисовичъ, какъ равные, обязались взаимно вездѣ другъ другу добра хотѣть и подъ владѣнія не подыскиваться, а быть вездѣ за одинъ, на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и на Нѣмцевъ; Князей враговъ одного Великаго Князя другому не принимать, а при отъѣздѣ служебныхъ Князей въ ихъ отчины не вступаться; Боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля; съ Новгородомъ Великимъ жить по старинѣ.² Въ то же время Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ братьями, заклю-

¹ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 86 и 87.

² Тамъ же, №№ 88 и 89.

чилъ договоръ съ Верейскимъ Княземъ, Михайломъ Андреевичемъ, который, по родовой лѣстницѣ, приравнивался къ третьему брату Московскаго Великаго Князя и обязывался держать Великое Княженіе честно и грозно, безъ обиды, а его Московскіе Князья обязывались держать въ братствѣ, любви и чести, безъ обиды же; всѣ внѣшнія отношенія, къ Ордѣ, къ Великимъ Князьямъ и такъ далѣе, лежатъ на Московскомъ Великомъ Князѣ, который съ этой стороны долженъ заботиться объ интересахъ Верейскаго Князя, а этотъ обязывался, если съ кѣмъ находится въ крестномъ цѣлованіи, то его сложить; Боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля, но Князей служебныхъ другъ отъ друга договаривающіеся не должны принимать.³ Только съ Рязанью у Московскихъ Князей не было заключено договора, по тому что Иванъ Васильевичъ, какъ было при его отцѣ, оставался опекуномъ Рязанскаго Великаго Князя, который въ 1464 году поѣхалъ въ свои владѣнія и въ томъ же году женился на сестрѣ Ивана Васильевича. Спустя около трехъ лѣтъ послѣ договора Московскихъ Князей съ Верейскимъ, съ послѣднимъ Иванъ Васильевичъ заключилъ еще два новые договора. По одному изъ нихъ Михайло Андреевичъ поступался самъ Ивану Васильевичу Вышгорода съ волостями, путями и селами и обѣщался въ него не вступаться. Этотъ Вышгородъ былъ пожалованъ Верейскому Князю Васильемъ Темнымъ, и потомъ самимъ Иваномъ Васильевичемъ. По другому договору Верейскій Князь долженъ былъ по старшинству считать себѣ старшими не только двоихъ сыновей Василья Васильевича, но всѣхъ пятерыхъ.⁴

Относясь къ каждому самостоятельному Князю отдѣльно, Иванъ Васильевичъ сталъ относиться точно также и къ своимъ братьямъ. Второй изъ нихъ, Андрей Васильевичъ Большой, Князь Углицкій, былъ въ постоянномъ соперничествѣ съ Великимъ Княземъ, начиная особенно со времени походовъ на Новгородъ. Лѣтописецъ, въ числѣ неправдъ Андрея Углицкаго противъ старѣйшаго своего брата упоминаетъ, что онъ думалъ палихо Великаго Князя съ своими братьями, Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ, и для этого приводилъ ихъ къ крестному цѣлованію. Очень можетъ быть, онъ что

³ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 90 и 91.

⁴ Тамъ же, №№ 92 и 93.

ни будь задумывалъ послѣ перваго похода Ивана Васильевича на Новгородъ, и вотъ до насъ отъ этого времени дошелъ договоръ (въ копіи) съ нимъ. Въ этомъ договорѣ мы не видимъ ни какихъ особенностей относительно владѣній договаривающихся, и онъ какъ бы составляетъ середину между договоромъ съ Тверскимъ Великимъ Княземъ и Княземъ Верейскимъ.⁵ Но вскорѣ послѣ этого явился случай, еще болѣе разстроившій миръ между братьями. Въ 1472 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, скончался второй сынъ Василія Васильевича, Юрій. Подъ вліяніемъ, должно быть, обстоятельствъ, онъ, въ своей духовной грамотѣ, точно распорядился о своей движимости, о поминоvení своей души, но ничего не сказалъ опредѣленнаго о своемъ Удѣлѣ. Братья разсорились за Удѣлъ Юрія Васильевича, по тому что старшій все взялъ себѣ. Иванъ Васильевичъ пошелъ на сдѣлки: самому младшему своему брату далъ Тарусу; съ Борисомъ заключилъ договоръ, въ Февралѣ слѣдующаго 1473 года, по которому Удѣлъ Юрія Васильевича остался за Иваномъ Васильевичемъ, а онъ пожаловалъ брату Вышгородъ. Но съ Андреемъ такой же договоръ былъ заключенъ только въ Сентябрѣ этого же 1473 года: его за Удѣлъ Юрія Васильевича вознаградила мать, Великая Княгиня Марья, давши Романовъ на Волгѣ. Въ предшествующемъ договорѣ Андрея Васильевича съ старшимъ братомъ, сынъ послѣдняго, Иванъ, назывался просто Княземъ, а теперь братья Великаго Князя называютъ Ивана Ивановича Великимъ Княземъ и обязуются его имѣть себѣ старшимъ братомъ.⁶

Окончательное подчиненіе Новгорода снова разсорило братьевъ. Недовольными оказались Андрей Большой и Борисъ Васильевичи, Андрей же Меньшой не принималъ участія въ ихъ дѣлѣ. Поводъ къ ссорѣ подалъ отъѣздъ отъ Великаго Князя Князя Оболенскаго-Лыко. Оболенскій, не стерпѣвши излишне строгаго суда за взятки, отъѣхалъ къ Борису Васильевичу. Иванъ Васильевичъ приказалъ силою схватить Оболенскаго среди Княжескаго двора, но когда его отняли изъ рукъ Великокняжескаго чиновника, то Великій Князь приказалъ сказать брату, чтобы тотъ выдалъ

⁵ С. Г. Г. и Д. т. I, № 95.

⁶ Тамъ же, №№ 96—100; Типогр. Лѣт. стр. 284.

Оболенскаго головою, тотъ же отвѣчалъ предложеніемъ суда о дѣлахъ отѣзчика. Вмѣсто этого Иванъ Васильевичъ приказалъ Боровскому Намѣстнику схватить Оболенскаго тайно; приказаніе было исполнено, и Оболенскаго закованнаго привезли въ Москву. Услышавъ это, Борисъ Васильевичъ послалъ къ Андрею Углицкому, жалуясь на Великаго Князя, что онъ вотъ какую силу надъ ними чинить, что невольню никому отѣхать къ нимъ; что они молчали, когда князь Юрій умеръ, Великому Князю вся его отчина досталась, а онъ имъ изъ той отчины не далъ ни какого надѣла; Новгородъ Великій вмѣстѣ съ ними взялъ, и ему все досталось, а имъ жеребья изъ него не далъ; а нынче и здѣсь силу чинить: кто отѣдетъ отъ него къ нимъ, и тѣхъ безсудно хватаетъ; ужъ ни за Бояръ началъ считать свою братью; а духовные отца своего забылъ, какъ тотъ написалъ, по чему имъ жить, да также забылъ и докончанья, что на чемъ кончали послѣ отца своего.

Борисъ Васильевичъ разсердился на старшаго брата собственно по поводу дѣла Оболенскаго, и при этомъ припомнилъ всѣ другія обиды. Но въ это время готовилось противъ Ивана Васильевича общее возстаніе всѣхъ его враговъ. Новгородъ, подчиненный въ 1478 году, хотѣлъ подняться снова; помощь ему обѣщаль Казимиръ, вступившій для этой цѣли въ сношенія съ Ахматомъ, Ханомъ Золотой Орды. Во всѣхъ этѣхъ замыслахъ участвовалъ Андрей Васильевичъ Углицкій, и въ этомъ его обвиняетъ лѣтописецъ, пересчитывающій его неправды предъ Великимъ Княземъ; по этому жалобы Бориса Васильевича были для враговъ Московскаго Государя весьма кстати, и Андрей началъ съ нимъ уговариваться о возстаніи. Объ общихъ замыслахъ противъ себя Иванъ Васильевичъ не зналъ; онъ только узналъ, что Новгородцы приготавливаются къ возстанію, и по этому, пріѣхавши, въ самомъ началѣ 1480 года, въ Новгородъ, началъ свой страшный розыскъ. Здѣсь крамольники сказали, что они имѣли ссылки съ Князьями Андреемъ и Борисомъ; Иванъ Васильевичъ не сказалъ объ этомъ никому, но скоро скрывать было нечего, по тому что въ Новгородъ пришла вѣсть, что братья отъ него отступили. Порѣшивъ Новгородское дѣло, Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ въ Москву; сюда онъ пріѣхалъ предъ великимъ заговѣньемъ, и его пріѣзду всѣ были рады, по тому что люди въ страхѣ отъ возстанія Князей

бѣгали по лѣсамъ и отъ стужи многіе мерли; города же были въ осадахъ; но возстаніе не было въ полномъ разгарѣ. Около тѣхъ же дней, когда Иванъ Васильевичъ прибылъ въ Москву, Борисъ Васильевичъ изъ своего удѣла, Волока, пришелъ къ брату Андрею въ Угличъ (на Масленой недѣлѣ). Изъ Углича Князья, побросавши свои города, направились чрезъ Тверскую область къ Ржевѣ, куда прежде, изъ Волока, была отправлена жена Бориса Васильевича вмѣстѣ съ дѣтьми. Иванъ Васильевичъ послалъ къ Князьямъ въ Ржеву Боярина, приглашая ихъ возвратиться, но они не возвратились и пошли изъ Ржевы въ верхъ по Волгѣ, къ Новгородскимъ волостямъ. Войска Князей сопровождали ихъ жены и дѣти, такъ же жены и дѣти ихъ Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. На дорогѣ въ Новгородъ, въ Молвятицахъ, догналъ Князей другой посланный изъ Москвы, Ростовскій Владыка, Вассіанъ. Въ Новгородскихъ областяхъ Князья могли убѣдиться, что они пришли сюда поздно, потому что все было погромлено и, можетъ быть, по этому повернули, съ дороги въ Новгородъ, къ Литовскому рубежу, и, въ то же время, по Архіепископскимъ рѣчамъ, послали, для переговоровъ со старшимъ братомъ, двухъ своихъ Бояръ, Князей Оболенскихъ, вмѣстѣ съ Архіепископомъ. Вассіанъ, вмѣстѣ съ Княжескими Боярами, пріѣхалъ въ Москву на Страстной недѣлѣ; Великій Князь отпустилъ Княжескихъ Бояръ къ ихъ Князьямъ, и при томъ отправилъ къ нимъ опять Архіепископа Вассіана, вмѣстѣ со своими Боярами, наказавъ сказать братьямъ: «Идите въ свои отчины, а я васъ во всемъ хочу жаловать!» Кромѣ этого, Бояре должны были предложить Князю Андрею прибавку къ его отчинѣ и къ тому, что ему дала мать, города Калугу и Алексинъ. Въ слѣдствіе весенняго пути посланные къ Князьямъ ѣхали долго, а когда прибыли въ Великіе Луки, то всѣ ихъ предложенія были отвергнуты. Мать Великаго Князя, Архіепископъ Вассіанъ и многія другія лица хлопотали о примиреніи братьевъ, и Иванъ Васильевичъ, стѣсняемый другими обстоятельствами, вступилъ съ ними въ переговоры. Онъ много сердился на свою мать, подозрѣвая, что она потакала его братьямъ, такъ какъ особенная ея любовь къ Андрею Большому была извѣстна, но она, прося Великаго Князя за младшихъ своихъ сыновей, посылала въ то же время къ нимъ, чтобы они не ходили къ Королю. Но дѣла Князей не были въ блестящемъ положеніи: вѣроятно, въ надеждѣ на помощь Казимира, они отвергали предло-

женія Ивана Васильевича, но Король имъ не помогъ. Когда они пришли въ Великіе Луки, то послали къ Королю бить челомъ, чтобы онъ управилъ ихъ въ обидахъ съ Великимъ Княземъ и помогалъ, но Король отмовилъ имъ, а только Княгинямъ ихъ далъ на прожитокъ городъ Витебскъ. Приготовляясь защищать берегъ Оки противъ Татаръ, Иванъ Васильевичъ оставилъ братьевъ въ Новгородскихъ областяхъ, но видя, что изъ ихъ бунта ни чего не выходитъ, отказалъ и тогда имъ, когда они прислали и къ нему своихъ дьяковъ бить челомъ, и не принялъ ихъ челобитья. Большую часть лѣта Иванъ Васильевичъ стоялъ на берегу въ Коломнѣ, ожидая нашествія Ахмата, а Князья ходили по Новгородскимъ и Псковскимъ областямъ, гдѣ отъ ихъ людей былъ грабежъ, точно какъ отъ невѣрныхъ. Когда Ахматъ пришелъ подъ Угру, то Иванъ Васильевичъ пріѣхалъ изъ Коломны въ Москву, 30-го Сентября, для того, чтобы сдѣлать различныя распоряженія: въ это время пришли послы отъ Князей о мирѣ. Говорятъ, будто бы этѣ послы предложенія своихъ Князей высказали не въ формѣ челобитья, а слѣдующимъ образомъ: «Если исправишься къ намъ и силы надъ нами не почнешь чинить, а будешь держать насъ какъ братью свою, то мы придемъ къ тебѣ на помощь.» И будто бы Иванъ Васильевичъ, подъ вліяніемъ страха Татарскаго, дался во всю волю Князей, и они поѣхали къ нему на помощь, давши сначала помощь Псковитянамъ на Нѣмцевъ; хотя, впрочемъ, этой помощи они и не давали, и Псковитяне именно и говорятъ, что Князья грабили ихъ какъ невѣрные, и они на силу могли подарками привести ихъ къ тому, чтобы они ушли назадъ въ Новгородскія земли. Невраждебная лѣтопись къ Ивану Васильевичу говоритъ, что онъ пожаловалъ свою братью, по печалованью своей матери, Архієпископа Вассіана и Верейскаго Князя, отпустилъ ихъ пословъ, приказавъ Князьямъ ити къ нему быстро. Князья пришли къ Великому Князю, когда онъ былъ въ Кременцѣ, и потомъ пошли къ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ, примирившись съ братьями, далъ Андрею Васильевичу не Калугу и Алексинъ, какъ прежде предлагалъ, а Можайскъ; говорятъ, что и Борису Васильевичу при этомъ примиреніи даны села, но въ заключенныхъ вскорѣ послѣ этого примиренія (2 Февраля, 1481 года) договорахъ, Можайскъ укрѣплень за Андреемъ Васильевичемъ, а о Борисовыхъ селахъ ни чего не сказано. Вскорѣ послѣ этѣхъ договоровъ умеръ млад-

шій сынъ Василя Темнаго, Андрей, не принимавшій участія въ замыслахъ старшихъ братьевъ; онъ отдалъ свой Удѣлъ Ивану Васильевичу, при чемъ возложилъ на него и всѣ свои долги; остальнымъ своимъ братьямъ завѣщалъ по селу и нѣкоторыя вещи.⁷

1480 годъ во многомъ разъяснилъ, кто чему сочувствуетъ. Иванъ Васильевичъ примирился съ братьями и покуда не трогалъ ихъ. Но первой Удѣльной Князь, который потерялъ окончательно свои владѣнія, былъ Михайло Андреевичъ Вереѣскій. Этотъ примиритель Князей уступилъ, въ 1482 году, Ивану Васильевичу часть своихъ владѣній, Бѣло Озеро, послѣ своей смерти; Иванъ же Васильевичъ обязался за себя и за своихъ потомковъ, которые будутъ владѣть Бѣлымъ Озеромъ, поминать душу Михайла Андреевича.⁸ Спустя нѣкоторое время послѣ этого, тотъ случай, что Иванъ Васильевичъ хотѣлъ дарить вещами свою сноху, родившую ему перваго внука, а этѣ вещи оказались отданными, безъ его спроса, Софьею Ѳоминичною въ приданое за ея племянницею, вышедшею замужъ за сына Михайла Андреевича, Василья, повелѣ къ тому, что Иванъ Васильевичъ разсердился на Вереѣскихъ Князей. Онъ послалъ къ Василью Михайловичу взять у него приданое его жены и грозился при этомъ посадить его въ заключеніе. Василій Михайловичъ побѣжалъ въ Литву, а посланная за нимъ погоня не догнала его. Отецъ Василя Михайловича заключилъ съ Иваномъ Васильевичемъ договоръ (12 Декабря, 1483 года), по которому обязался не ссылаться съ своимъ сыномъ ни которою хитростію, и если тотъ, кого пришлетъ къ нему, то онъ долженъ былъ отослать присланнаго къ Великому Князю; Верея съ волостями была отобрана у Князей, и Иванъ Васильевичъ отдавалъ ее во владѣніе Михайлу Андреевичу до его живота, и послѣ его смерти обѣщался, какъ и прежде, поминать душу Михайла Андреевича. Михайло Андреевичъ дѣйствительно скоро скончался, завѣщавъ своему Господину и Государю свою душу поминать и долги платить.⁹

⁷ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 106—112; Лѣтописи Никоновская, Софійская, Архангельская и Татищевъ.

⁸ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 113 и 114.

⁹ Тамъ же, №№ 118, 121 и 122.

За Вереею очередь паденія наступила для Твери. До восьмидесятихъ годовъ оба Великіе Князья жили мирно; обстоятельства, при которыхъ они заключили первый свой договоръ, къ послѣднему времени совершенно перемѣнились: уже почти кругомъ Тверскихъ владѣній находились Московскія. Съ другой стороны, Казимиръ, не помогшій въ 80-мъ году ни одному врагу Московскаго Великаго Князя, готовялъ теперь новое нашествіе Татаръ на Москву. Но это дѣло пошло къ тому, что двѣ Орды, Крымская и Золотая, начали между собою воевать, а въ Ордахъ случился голодъ, въ слѣдствіе чего всѣ степныя дѣла перепутались. Этого Казимиръ не могъ, конечно, предвидѣть; но въ связи съ Татарскимъ нашествіемъ, для полнаго вреда Московскому Государю, при ничтожныхъ волненіяхъ въ Новгородѣ, было полезно возстановить на него Князя, могшаго при этомъ нанести ему вредъ. Около того времени, когда Иванъ Васильевичъ порѣшилъ съ Вереею, между Тверскимъ Великимъ Княземъ и Казимиромъ былъ заключенъ договоръ, по которому, если Тверскому Великому Князю прійдется съ кѣмъ ни будь быть немирнымъ, то Казимиръ обязывался пособлять ему думою и помощью безъ хитрости, и стоять имъ вездѣ за одно на всѣхъ враговъ, не исключая никого.¹⁰ Это нарушеніе предшествующаго договора съ Московскими Князьями со стороны Михайла Борисовича, естественно, вело къ тому, что Казимиру необходимо было скоро исполнять свой договоръ. Этотъ союзъ на всѣхъ, хотя безъ имени, не укрылся отъ Ивана Васильевича, и онъ, зимою 1484—85 года, послалъ въ Тверь сложить съ себя крестное цѣлованіе и приказалъ порубежной рати воевать Тверскія области. Помощь изъ Литвы не приходила, Татары не нападали на Московскія Украйны, и Михайло Борисовичъ прислалъ къ Ивану Васильевичу Тверскаго владыку бить челомъ о мирѣ. Миръ былъ данъ на всей волѣ Московскаго Государя: Михайло Борисовичъ отказывался отъ союза съ Казимиромъ, долженъ былъ сложить къ нему крестное цѣлованіе предъ Московскимъ посломъ, во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ слѣдовать политикѣ Московскаго Государя; вмѣсто прежняго равенства Михайлъ Борисовичъ приравнивался брату Ивана Васильевича, Андрею Углицкому.¹¹ Лѣтописецъ рассказываетъ, что

¹⁰ Ак. З. Р. т. I, № 79.

¹¹ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 119 и 120.

послѣ этого мира Московскіе Бояре и Дѣти Боярскіе, гдѣ ихъ рубежи сходились съ Тверскими, позволяли себѣ обижать Тверитянъ, и этѣ ихъ дѣла оставались безнаказанными, а гдѣ обидятъ Тверичи, то Великій Князь посылаетъ въ Тверь съ поношеніями и угрозами, отвѣтамъ не вѣритъ и на своихъ обидчиковъ суда не даетъ. Такое состояніе дѣлъ вело къ тому, что сначала двое служебныхъ Князей, а потомъ и всѣ Тверскіе Бояре отъѣхали на службу въ Москву. Отъѣзчикамъ такое дѣло было выгодно, — въ Москвѣ ихъ наградили: такъ, одному служебному Князю, Дорогобужскому, Великій Князь далъ Ярославль, а другому, Микулинскому, Дмитровъ. Нашествіе Татаръ должно было произойти лѣтомъ 1485 г., но, какъ уже сказано, въ Ордахъ произошелъ голодъ, а между тѣмъ въ Москвѣ узнали, что Тверской Князь не прекратилъ своихъ связей съ Литвою: былъ схваченъ гонецъ Тверскаго Князя, и у него выняты грамоты, посланныя съ нимъ въ Литву. Михайло Борисовичъ на угрозы изъ Москвы послалъ туда къ Великому Князю опять своего Владыку съ челобитьемъ, но теперь челобитье не было принято, а явившійся съ тѣмъ же изъ Твери, послѣ Владыки, Князь Михайло Холмскій не былъ пущенъ на глаза Великому Князю. Въ это лѣто, кромѣ возможности нашествія Татаръ изъ степей, у Ивана Васильевича было на рукахъ еще Казанское дѣло. Къ 20 Іюлю съ Казанью было порѣшено, и послѣ этого Иванъ Васильевичъ приговорилъ походъ на Тверь. Въ Августѣ большое Московское войско пошло къ Твери; Бояре отъ Михайла Борисовича уѣзжали, помощи не являлось ни откуда, и когда Москвичи осадили Тверь, то ея Великій Князь, оставивъ свой родной городъ, побѣжалъ въ Литву, къ Казимиру.¹²

Какъ Новгородомъ, такъ и Тверью Иванъ Васильевичъ овладѣлъ вмѣстѣ съ своими братьями, но и изъ Тверскаго прибытка онъ не подѣлился съ ними. Въ слѣдующемъ году (1486), послѣ взятія Твери, Иванъ Васильевичъ заключилъ сначала договоръ съ Борисомъ Васильевичемъ, 20 Августа, а потомъ, 20 Ноября, съ Андреемъ Васильевичемъ. Оба этѣ договора отличались одинъ отъ другаго: оба Князя обязались не вступаться во владѣнія старшаго своего брата и его прибытки: Тверь, Кашинъ, Новгородъ, Псковъ,

¹² Разряды; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 236—237.

Верею; но въ договорѣ съ Борисомъ Васильевичемъ враги Ивана Васильевича названы по именамъ, именно: «съ недругомъ нашимъ, Королемъ и Великимъ Княземъ Казимиромъ, съ Великимъ Княземъ Михайломъ Борисовичемъ, Литовскими панами и ни съ кѣмъ не ссылатся ни какою хитростію, а быть вездѣ за одинъ и неотступнымъ отъ Великаго Князя»; въ договорѣ же Ивана Васильевича съ Андреемъ Васильевичемъ враги не упоминались по именамъ, а говорилось только вообще о союзѣ.¹³ Подобная выгода свободы дѣйствій Андрея Васильевича имѣла свои опасности. Прошелъ послѣ этого договора только одинъ годъ, и Андрею Васильевичу случилось быть въ Москвѣ. Здѣсь его Бояринъ сказалъ ему, что Великій Князь хочетъ его схватить и заключить. Андрей Васильевичъ испугался и хотѣлъ тайно бѣжать съ Москвы. Но когда его мысли отвратились отъ этого, то онъ послалъ къ Князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, велѣвши ему объявить то Великому Князю, и спросить, за что онъ хочетъ это сдѣлать надъ нимъ. Князь Патрикѣевъ отрекся отъ порученія, и тогда Андрей Васильевичъ самъ пошелъ къ брату и объявилъ все. Князь Великій началъ клясться ему небомъ, и землею, и Богомъ сильнымъ, Творцомъ всея твари, что и въ мысли у него того не бывало. По обыску оказалось, что Боярскій Сынъ, служившій Великому Князю, Мунтъ Татищевъ, пришелъ къ Боярину Образцу и пошутилъ, а Образецъ поворотилъ то въ правду и сказалъ объ этомъ Князю Андрею, желая прислужиться ему, по тому что тотъ не держалъ его въ любимцахъ. За эту шутку Татищевъ былъ подвергнутъ торговой казни. Великій князь хотѣлъ ему велѣть и языкъ вырѣзать, но Митрополитъ выпечаловалъ то. Въ 1491 году Ивану Васильевичу необходимо было послать своихъ Воеводъ противъ Татаръ: онъ послалъ и къ братьямъ, чтобы и тѣ послали такъ же своихъ Воеводъ. Борисъ Васильевичъ исполнилъ требованіе, но Андрей Васильевичъ не послалъ своихъ Воеводъ. Въ этомъ отношеніи Андрей Васильевичъ поступилъ не по договору, по тому что и въ договорѣ съ нимъ условіе, о посылкѣ Воеводъ вмѣстѣ съ Великокняжескими, было помѣщено. Иванъ Васильевичъ въ это время начиналъ войну съ Литвою, по этому существованіе въ Сѣверной Россіи такого Князя, который не хочетъ дѣйствовать съ нимъ

¹³ С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 123—126.

заодно, было опасно. И вотъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ этого событія, Андрею Васильевичу опять случилось быть въ Москвѣ. Великій Князь его принялъ съ почетомъ. На другой день Иванъ Васильевичъ послалъ къ брату своего Дворецкаго и велѣлъ пригласить къ себѣ хлѣба ясти. Андрей Васильевичъ хотѣлъ за эту честь челомъ ударить своему брату старѣйшему, и когда онъ пришелъ къ Великому Князю въ комнату, называемую западнею, и билъ челомъ Великому Князю на чести, то послѣдній, не много посидѣвъ съ нимъ и мало поговоривши, вышелъ въ другую комнату, приказавши ему подождать себя, а Боярамъ Князя Андрея приказалъ ити въ Гридню. Когда Бояре вышли сюда, то были здѣсь пойманы и разведены розно. Князя Андрея Великій Князь велѣлъ поймать Князю Семену Ряполовскому. Князь Семень со многими Боярами и Князьями вошелъ въ западню, остановился предъ Андреемъ Васильевичемъ, но отъ слезъ не могъ ни чего выговорить и наконецъ, уже рыдая, сказалъ: «Государь, Князь Андрей Васильевичъ! пойманъ еси Богомъ да Государемъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Васильевичемъ, всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ.» Князь Андрей всталъ и сказалъ: «Воленъ Богъ да Государь, братъ мой старѣйшій, Князь Великій, Иванъ Васильевичъ, а судъ мнѣ съ нимъ предъ Богомъ, что меня неповинно имаетъ». Это было въ первомъ часу дня; до вечеренъ сидѣлъ Андрей Васильевичъ въ западнѣ, послѣ его свели на казенный дворъ и приставили стеречь многихъ Князей и Бояръ. Кромѣ этого, Иванъ Васильевичъ послалъ въ Угличъ, подъ начальствомъ двухъ Князей, тысячу человекъ Дѣтей Боярскихъ, схватить сыновей Андрея Васильевича, Ивана и Дмитрія; они были схвачены и посажены въ Переяславль въ желѣзахъ. Дочерей Андрея Васильевича оставилъ въ покоѣ, на самого его, на первой недѣлѣ послѣ поиманья, надѣты были оковы, а сторожа, охранявшіе его темницу, были приведены къ крестному цѣлованью. Андрей Васильевичъ скончался въ темницѣ, младшій же его братъ, Борисъ, спокойно дожидъ свой вѣкъ, по тому что главнымъ заводчикомъ смутъ былъ наслѣдникъ владѣній Шемяки и всѣхъ его наклонностей, Князь Андрей Васильевичъ Углицкій. Лѣтопись высчитываетъ его вины предъ Великимъ Княземъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ думалъ на Великаго Князя лихо вмѣстѣ съ своими братьями, Князьями Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ, и для этого приводилъ ихъ къ крестному

цѣлованью; кромѣ того, грамоты посылалъ въ Литву къ Королю къ Казимиру, одиночасъ съ нимъ на брата своего старѣйшаго; отъѣзжалъ отъ Великаго Князя вмѣстѣ съ Княземъ Борисомъ; посылалъ грамоты свои къ Царю Ахмату Большія Орды, приводя его на Великаго Князя Русскую землю ратію, да съ Великаго Князя ратію на Ордынскаго Царя своихъ Воеводъ не посылалъ, и всѣмъ тѣмъ чинилъ измѣну Великому Князю, преступая крестное цѣлованье.» ¹⁴

Поиманьемъ Князя Андрея Васильевича дѣятельность сильныхъ Удѣльныхъ Князей Сѣверной Россіи прекратилась, и всѣ средства, которыми они распоряжались, сосредоточились въ рукахъ одного Великаго Князя. Это дѣло уничтоженія Князей при Иванѣ Васильевичѣ продолжалось почти тридцать лѣтъ. Какъ ни была подкопана всею предшествовавшею исторіею Удѣльная система, но этотъ тридцатилѣтній срокъ не былъ длиненъ, если вспомнимъ, что въ это же время Ивану Васильевичу приходилось имѣть постоянно множество другихъ дѣлъ: съ Степняками, съ Новгородомъ, не говоря уже о томъ, что нужно было имѣть постоянно въ виду и отношенія къ Литвѣ.

Мы видѣли, что Князья, притѣсняемые Великимъ Княземъ, надѣялись на Литву, и въ крайнемъ случаѣ бѣжали туда. Это вело къ тому, что въ договорныхъ грамотахъ Великаго Князя съ Князьями имя Казимира Короля упоминается почти постоянно, какъ врага Ивана Васильевича, и особенно въ этомъ прямомъ смыслѣ начинается оно упоминаться послѣ нашествія Ахмата подъ Угрю, или, лучше сказать, послѣ 1482 года. Основой опредѣленій всякихъ отношеній Москвы къ Литвѣ служилъ союзный договоръ Василія Васильевича Темнаго съ Казимиромъ, заключенный въ 1449 году. ¹⁵ О Князьяхъ, значительныхъ по своей силѣ, въ этомъ договорѣ было сказано, что Казимиръ обязуется не принимать Дмитрія Юрьевича Шемяку. Но послѣ смерти Шемяки это условіе теряло значеніе, а союзники Шемяки, или подозрѣваемые въ томъ, бѣжали все таки въ Литву. Объ Рязанскомъ Великомъ Князѣ въ этомъ договорѣ было сказано, что если онъ захочетъ слу-

¹⁴ Лѣтописи: Архангельская, Софійская и Новгородская четвертая подъ 7000 годомъ.

¹⁵ Ак. З. Р. т. I, № 50.

жить Казимиру, Московскій Великій Князь не долженъ за это гнѣваться на него и не мстить ему за то. Но мы выше видѣли отношенія Ивана Васильевича къ Рязанскому Князю, а въ 1483 году съ новымъ Рязанскимъ Княземъ былъ у него уже заключенъ договоръ, по которому послѣдній обязывался быть съ Московскими Великими Князьями на Казимира и вездѣ за одинъ, а если Великіе Князья будутъ дѣлать докончанье съ Королемъ, то и его, Рязанскаго Великаго Князя, въ немъ помѣститъ.¹⁶ О Тверскомъ Великомъ Князѣ въ договорѣ Казимира съ Василиемъ Васильевичемъ сказано, что его считать на сторонѣ Казимира, а съ Великимъ Княземъ Василиемъ онъ въ докончаньѣ. Но послѣ паденія Твери такое условіе тоже почти ни къ чему не вело, какъ увидимъ сейчасъ.

Участіе Казимира въ дѣлахъ Князей Сѣверной Россіи мы видѣли выше, а какъ объ этѣхъ дѣлахъ объяснялися между собою Иванъ Васильевичъ съ Казимиромъ, это можетъ намъ указать дошедшее до насъ посольство Казимира въ Москву, по случаю дѣла Тверскаго Князя. Въ посольскихъ рѣчахъ Литовцевъ говорится отъ имени Казимира: «Я уже посылалъ къ тебѣ о Тверскомъ Великомъ Князѣ, а съ чѣмъ посылалъ, то тебѣ вѣдомо; теперь же говорю о томъ; извѣстно, что Михайло Борисовичъ съ нами въ докончаньѣ и крестномъ цѣлованьѣ, и теперь онъ пріѣхалъ въ Литву, мы его приняли, онъ билъ намъ челомъ, чтобы мы ему помогли, а мы думали, какъ бы онъ до своей отчины дошелъ мирно, безъ кровопролитья, и по докончанью нашему съ твоимъ отцомъ, которое мы заключили и на дѣтей, мы Михайлу Борисовичу помощи на васъ не дали, хлѣба же и соли ему не бородили, и покуда была его воля, до тѣхъ поръ онъ у насъ и былъ, и какъ добровольно пріѣхалъ въ нашу землю, такъ мы добровольно его и отпустили.»¹⁷

Отъѣзжая изъ Сѣверной Россіи въ Литву, Князья уносили туда съ собою только одни притязанія; Казимиръ, какъ видимъ, не хотѣлъ имъ помогать въ желаніи возвратить ихъ прежнее

¹⁶ С. Г. Г. п. Д. т. I, №№ 115 — 116.

¹⁷ Ак. З. Р. т. I, № 89.

значеніе, а только не отказывалъ въ хлѣбѣ и соли. Эту хлѣбъ соль давали имъ въ видѣ владѣній, и при этомъ Князья изъ самостоятельныхъ превращались въ служебныхъ. Самыми важными изъ нихъ, сыгравшими роль въ Исторіи, были потомки старыхъ отъѣзчиковъ изъ Сѣверной Россіи, Шемячичъ и Можайскій. Ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ въ Удѣль Черниговъ, Стародубъ и другія мѣста, подѣ бокомъ у Московскаго Государства и на границѣ степей. Къ этимъ отъѣзчикамъ Иванъ Васильевичъ относился такъ, что почти во всѣхъ своихъ союзныхъ договорахъ поставлялъ условіемъ не принимать этѣхъ Князей и не ссылаться съ ними.

Служебныхъ Князей, находившихся въ службѣ у Московскаго Великаго Князя и у значительныхъ Удѣльныхъ Князей, было весьма значительное количество. Разрядныя книги ¹⁸ показываютъ намъ, что въ Сѣверовосточной Россіи почти весь верхній слой общества состоялъ изъ Князей. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли цѣлыми городами, съ окружавшими этѣ города мѣстами. Верховная власть надъ владѣніями служебныхъ Князей принадлежала Великому, или Удѣльному, Князю, и по этому въ договорныхъ грамотахъ временъ Ивана III встрѣчаемъ постояннымъ условіемъ, что Князей служебныхъ съ ихъ отчинами на службу не принимать и въ отчины ихъ не вступаться. Это условіе было необходимо не только по тому, что Князья имѣли особенную способность переходить изъ службы отъ одного Князя къ другому, но и по тому, что верховные Князья областей, принимая на службу Князей, давали имъ во владѣнія свои города, и, такимъ образомъ, послѣ такого пожалованья, если не было бы вышесказаннаго условія въ договорныхъ грамотахъ, Князь, переходя въ службу, переходилъ бы съ чужими отчинами.

Какъ этѣ Князья жили въ своихъ отчинахъ, намъ извѣстно очень мало. У каждаго изъ этѣхъ служебныхъ Князей была своя дружина или, по крайней мѣрѣ, дворня. Основная спеціальность этѣхъ Князей была война. Родовые счеты и споры за границы давали поводъ къ борьбѣ между ними, но съ усиленіемъ одного Великаго Князя этѣ рѣшенія споровъ мечемъ должны были пре-

¹⁸ Я пользовался Разрядами, находящимися въ Архивѣ Министерства Иностран-
ныхъ Дѣлъ.

кратиться, по тому что онъ не могъ допустить въ своихъ владѣніяхъ войны всѣхъ противъ всѣхъ. Но, съ другой стороны, сосредоточеніе огромной массы безпокойныхъ служебныхъ Князей подъ властію одного Великаго Князя, ставило его въ такое положеніе, что онъ, для водворенія въ своемъ Государствѣ покоя, не имѣлъ возможности и средствъ постоянно разбирать ихъ дѣла, и по этому долженъ былъ дать имъ занятіе. Съ этой стороны отношенія Московскаго Государства къ сосѣдямъ были таковы, что для этѣхъ военныхъ спеціалистовъ было много дѣла. На границахъ со степью была постоянная война: отъ Галича Костромскаго по Московскимъ границамъ, на юго-востокъ до Калуги, по нѣскольку разъ въ году перемѣнялись войска, и все большею частію подъ начальствомъ Князей; съ другой стороны на западъ и сѣверо-западъ шла почти безостановочно война съ Нѣмцами и въ Финляндіи. Давая занятіе и упражненіе своимъ служебнымъ Князьямъ, по собственному усмотрѣнію, Великій Князь вмѣстѣ съ тѣмъ и развивалъ ихъ силы и въ то же время, возможностью имѣть занятіе и вознагражденіе за него, привлекалъ ихъ отъ другихъ. Исполнять волю Московскаго Государя и воевать, гдѣ онъ укажетъ, Князья готовы были съ великою ревностію, по тому что они знали, что за свои подвиги будутъ вознаграждены. Такъ, послѣ голодныхъ войнъ съ Татарами, Иванъ Васильевичъ задавалъ Князьямъ, какъ пиръ, самые прибыточные походы, каковыми были два Новгородскіе похода, въ которыхъ Князья значительно обогатились; а когда силы Сѣверной Россіи положительно всѣ сосредоточились въ рукахъ Ивана Васильевича, то онъ началъ безконечныя Польско-Литовскія войны. Но и этѣ войны начались по поводу все тѣхъ же служебныхъ Князей.

Отношенія Князей Сѣверной Россіи къ своему верховному господину, Московскому Государю, остались навсегда неопредѣленными. Но мы несравненно болѣе знаемъ объ опредѣленіи отношеній къ верховному господину тѣхъ Князей, которые жили въ Литовскихъ владѣніяхъ. Граница Московскаго Государства съ Литвою при Иванѣ III до девяностыхъ годовъ XV столѣтія была опредѣлена договоромъ Василія Темнаго съ Казимиромъ. Такъ какъ тогда Новгородъ и Тверь не были подчинены Москвѣ, то Московская граница съ Литвою соприкасалась не во многихъ мѣ-

стахъ: не входя въ подробности, ее можно опредѣлить такъ, что она шла отъ города Калуги и рѣки Угры почти прямою линіею къ городу Ржеву. На юго-западъ отъ этой границы къ Днѣпру находились владѣнія многочисленныхъ Князей, по большей части Рюриковичей; все это пространство земель носило офиціальное названіе страны Князей. Одни изъ этѣхъ Князей имѣли родовыя владѣнія, а другіе пожалованныя имъ Литовскими Великими Князьями. Тѣ Князья, которые имѣли родовыя владѣнія опредѣляли, свои отношенія къ своему Верховному Господину посредствомъ договоровъ; договоры съ Князьями Новосильскими, Одоевскими и Воротынскими показываютъ, что они заключались такъ, что въ нихъ стояли, съ одной стороны, Великій Князь Литовскій, а съ другой нѣсколько Князей вмѣстѣ. Этѣ договоры въ сущности сходны одинъ съ другимъ; вотъ ихъ содержаніе: «Били мы челомъ Королю Казимиру, Государю Великому Князю, чтобы принялъ онъ насъ въ службу по докончанью дяди своего, Великаго Князя Витовта. Намъ ему служить вѣрно во всемъ, безъ всякой хитрости, и во всемъ быть послушнымъ, а ему насъ въ чести держать и въ жалованьѣ и въ докончаньѣ, какъ держалъ дядя его, Великій Князь Витовтъ. Поступать намъ по Королевской волѣ, и съ кѣмъ онъ будетъ миренъ, съ тѣмъ и мы мирны, и съ кѣмъ онъ немиренъ, съ тѣмъ и мы не мирны. Королю и Великому Князю насъ защищать, какъ и своего. Намъ безъ Королевской и Великаго Князя Казимира воли ни съ кѣмъ въ докончаньѣ не вступать и никому не помогать. Послѣ смерти Королевской намъ и нашимъ дѣтямъ служить тому, кто будетъ на Литовскомъ престолѣ; если послѣ насъ не будетъ потомковъ, то нашей землѣ отъ Великаго Княжества Литовскаго не отступить. Королю, или кто по немъ будетъ на Литовскомъ престолѣ, въ наши земли, которыя за нами, ни у насъ, ни у нашихъ потомковъ, не вступаться. Когда мы помремъ, то нашимъ дѣтямъ Король, а потомъ и его дѣти, должны дать такое же доканчанье, какъ теперь, и держать по немъ; если же при нашей жизни Божья воля станется надъ Королемъ, то его дѣти, что будутъ на Литовскомъ Великомъ Княжествѣ, должны дать намъ такое же докончанье. Если докончанье не будетъ дано, или по немъ насъ не будутъ держать, то съ насъ крестное цѣлованіе долой и намъ воля. Судъ намъ съ сосѣдями по

старинѣ; а сопремся въ судѣ, то положить все дѣло на Короля.»¹⁹ Князь, вступающій въ службу къ Литовскому Великому Князю, уже кромѣ того, что, само по себѣ разумѣется, давалъ присягу въ вѣрности, за вотчину, которую ему жаловали, и обязывался служить вѣрно съ того Удѣла, еще долженъ былъ управлять вотчиной по старинѣ, а жителямъ ея приказывалось служить своему Князю и быть ему послушнымъ, какъ самому Великому Князю.²⁰ Но такъ какъ въ докончаньяхъ служебныхъ Князей съ Великимъ Княземъ, кромѣ ясныхъ опредѣленій, когда они освобождаются отъ присяги, было и то, что если Великій Князь не будетъ ихъ держать въ чести, жалованьѣ, защищать ихъ отъ всякаго, то подобныя условія давали Князьямъ возможность очень часто перемѣнять своего Господина.

Но такъ какъ въ девяностыхъ годахъ XV столѣтія такими Верховными Господами были только двое, Московскій и Литовскій Великіе Князья, то могли ли они принимать къ себѣ изъ службы другаго Князей? Въ договорѣ Василя Ивановича съ Казимиромъ о Князьяхъ служебныхъ было сказано только: «которые Князья служатъ тебѣ, Казимиру Королю, съ своихъ отчинъ и мнѣ, Великому Князю, и моей братьѣ младшей, блюсти ихъ и не обижать, точно также и тебѣ, Королю, блюсти и не обижать Князей, которые мнѣ служатъ.» Такое неопредѣленное условіе давало возможность многое дѣлать, и Казимиръ поспѣшилъ исправить эту ошибку относительно Князей: въ договорѣ его съ Тверскимъ Великимъ Княземъ, заключенномъ въ одинъ годъ съ договоромъ съ Василемъ Темнымъ, о Князьяхъ было сказано, что которой изъ нихъ отъѣдетъ, отъ одного Великаго Князя къ другому, тотъ своей отчины лишентъ.²¹ Но это обязательно было только въ отношеніяхъ къ Твери, а въ отношеніи Московскаго и Литовскаго Государя было то, что каждый изъ нихъ, не нарушая договора, могъ принимать служебныхъ Князей и съ отчинами, хотя это могло вести къ запутаннѣйшимъ спорамъ. Впрочемъ, когда Государи были въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ и при томъ равной силы, то Князья не могли

¹⁹ Ак. З. Р. т. 1, №№ 42 и 63.

²⁰ Тамъ же, № 52.

²¹ Тамъ же №№ 50 и 51.

имѣть особеннаго значенія въ ихъ отношеніяхъ, но совсѣмъ другое могло произойти, если Государи изъ друзей превратятся въ враговъ и силы ихъ не будутъ равны.

Литовскій Великій Князь и въ то же время Король Польской, какъ Государь двухъ Государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои особенные интересы, естественно долженъ былъ быть Государемъ слабымъ по своей силѣ, по тому что каждое изъ его Государствъ относилось къ другому враждебно и притомъ ни одно изъ нихъ не было на столько слабо, чтобы съ разу вполне подчиниться другому. Занятый постоянно этой внутренней борьбой, своихъ насильственно склеенныхъ вмѣстѣ Государствъ, Литовскій Великій Князь по этому не имѣлъ возможности, подобно Московскому Государю, сдавливать способности Князей враждовать между собою; но къ этому еще Литовскій Государь, обремененный своими семейными дѣлами, необходимо долженъ былъ поставить себѣ ихъ на первомъ планѣ, такъ какъ Государственные дѣла его Государства не были въ его въ рукахъ, по этому и не направлялъ способностей Князей въ ту или другую сторону. Тѣ Вельможи и тѣ Князья, владѣнія которыхъ находились внутри Литовско-Русскаго Государства, то есть, на западной сторонѣ Днѣпра и на южной сторонѣ Западной Двины, ссорами между собою могли вредить Государству только съ той стороны, что нельзя было ожидать внутри его порядка и покоя; но тѣ Князья, которыхъ владѣнія находились на другихъ сторонахъ выше сказанныхъ рѣкъ, могли быть опасны и другимъ образомъ.

Что дѣлали этѣ пограничные Князья и чѣмъ занимались, мы подробно узнаемъ только съ конца 80-хъ годовъ XV столѣтія, по тому что съ этого времени начинаются записанныя дипломатическія сношенія Московскаго Государства съ Польско - Литовскимъ, и начало этѣхъ Государственныхъ бумагъ все поглощено этѣми Княжескими дѣлами. Оказывается, что Князья ссорились между собою какъ за границы своихъ владѣній, такъ и за владѣнія своими городами по роду и по старѣйшинству. Этѣ Князья въ своихъ ссорахъ за рѣшеніемъ дѣлъ обращались, на основаніи своихъ договоровъ, къ своему Верховному Господину. Какъ занимались Литовскіе Государи этѣми Княжескими дѣлами, объ этомъ одинъ

изъ служебныхъ Князей хотѣлъ высказать Великому Князю, Александру Казимировичу, слѣдующее: «Тебѣ, Господине, вѣдомо, что отецъ твой за мою отчину не стоялъ и не оборонилъ, и мнѣ противъ той отчины городовъ и волостей не измыслилъ. И къ тебѣ, Господине, я посылаю бити челомъ, чтобы ты меня пожаловалъ, въ dokonчанье принялъ, городовъ мнѣ измыслилъ противъ моей отчины, чѣмъ бы могъ я тебѣ служить: и твоя милость меня не жаловалъ, городовъ не далъ, въ dokonчанье не принялъ, а за отчину мою не стоялъ, Бояръ моихъ не жаловалъ и не чтилъ. Ино, Господине, не я выступилъ, а твоя милость, Государь, и по этому, на основаніи dokonчанья съ твоимъ отцемъ, крестное цѣлованіе съ меня долой.»

Почти чрезъ годъ послѣ того, какъ Андрей и Борисъ Васильевичи поднялись противъ своего старшаго брата, въ 1480 году, и обратились за помощію къ Королю Казимиру, въ лѣтописи мы читаемъ, подъ 1482 годомъ, слѣдующее извѣстіе: «Быль мятежъ въ Литовской землѣ: захотѣли вотчичи Ольшанской, Омельковичъ да Князь Ѳеодоръ Бѣльской отсѣсти Литовской земли по Березыню на Великаго Князя; ихъ обговорили и Король Ольшанскаго да Омельковича схватилъ, а Князь Ѳеодоръ прибѣжалъ къ Великому Князю, и онъ его пожаловалъ, далъ ему городъ Демонъ въ отчину да Мореву со многими волостями.»²² Это дѣло Князей было со стороны Ивана Васильевича месть и вмѣстѣ съ тѣмъ проба, на сколько можно разсчитывать на Литовскихъ служебныхъ Князей.

Король не обращалъ вниманія и не вступался въ дѣла своихъ служебныхъ Князей, и по этому Князья рѣшали свои дѣла посредствомъ собственной силы. Отъ этого въ странѣ Князей,

²² Далѣе лѣтописецъ рассказываетъ, что Князь Ѳеодоръ Бѣльской прибѣжалъ въ Москву и не успѣлъ захватить съ собой жену, на которой только что женился и едину ночь спалъ съ нею. Король захватилъ Княгиню и послѣ въ теченіи около двадцати лѣтъ происходила между Государями пересылка объ этой Княгинѣ Бѣльской. Иванъ Васильевичъ требовалъ отпуска ея къ мужу, по дѣло кончилось тѣмъ, что, при Великомъ Князѣ Александрѣ, прямо объявляли, что свободныхъ людей не держатъ въ Литвѣ, но Княгиня сама не хочетъ ѣхать къ своему мужу.

на восточной сторонѣ Днѣпра, происходила постоянная война. Въ ссоры и дѣла Литовскихъ служебныхъ Князей вмѣшивались сосѣдніе имъ Московскіе служебные Князья. Въ 1487 году Королевскій посолъ въ Москвѣ говорилъ, что Одоевскіе Князья, служащіе Москвѣ, предъ Успеневымъ днемъ приходили на отчину Князей Мезецкихъ, городъ осадили, но не взяли; потомъ, захвативъ много плѣнныхъ, ушли, пограбивши волость; Князья Мезецкіе, чтобы отнять этотъ плѣнъ, погнались за Одоевскими, но тѣ противъ нихъ бои поставили. Въ Москвѣ отвѣчали, что Князья Одоевскіе сами жаловались на Князей Мезецкихъ, что этѣ нападали на ихъ отчину и много лиха сдѣлали, женъ и дѣтей головами въ плѣнъ повели, а Князья Одоевскіе не могли того стерпѣть, послали за ними погоню, и съ этого у нихъ начались ссоры.

Ссоры Князей Литовскихъ не разрѣшалъ ихъ Государь, и за это дѣло взялся Иванъ Васильевичъ. Когда Сѣверная Россія была объединена окончательно около Москвы, когда тамъ не поднималось ни какого шума, все было тихо, а извнѣ спокойно, Литовскій же Великій Князь, по прежнимъ своимъ дѣламъ, сдѣлался настоящимъ врагомъ Московскаго Государя, который уже называлъ себя «Государемъ всея Руси,» то начались такіа дѣла: къ ссорящимся Литовскимъ служебнымъ Князьямъ являлся Московскій посланецъ и объявлялъ, что Государь хочетъ ихъ жаловать, взять ихъ къ себѣ въ службу съ ихъ отчиною и ихъ беречи, они могутъ воевать за свою обиду своихъ враговъ, и которые города возмутъ, на тѣхъ городахъ имъ сидѣть; въ этѣ завоеванные города и въ ихъ собственные Великій Князь не будетъ вступаться, а будетъ только защищать. Соглашавшимся Князьямъ на этѣ предложенія, въ подтвержденіе этѣхъ словъ, посланецъ Великаго Князя давалъ правду; эту правду потомъ подтверждали Бояре. Князья при этомъ обязывались иного Государя, кромѣ Московскаго Великаго Князя, себѣ не искать, и надъ Воеводами, которыхъ къ нимъ пошлютъ, ни какого лиха и хитрости не учинить. Для пріѣзда въ Москву Князьямъ давались опасныя грамоты. Эту Боярскую присягу и опасныя грамоты сами Князья считали въ уровень съ тѣми договорами, которые они заключали прежде съ Великими Князьями Литовскими; Московское же Правительство ко-

нечно на это смотрѣло другими глазами. Обѣщаніе, что тѣ города, которые Князья завоюютъ, будутъ имъ принадлежать, исполнялось Московскимъ Правительствомъ: этѣми городами Князей жаловали.²³

Съ конца восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія начинаются отъѣзды Князей изъ Литовской службы въ Московскую. Князья отъѣзжали при этомъ съ своими отчинами, Московскій Государь ихъ принималъ, и этѣмъ, какъ уже сказано, не нарушалъ договора. Первый, начавшій это дѣло, былъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій. Послѣ отъѣзда онъ послалъ къ Королю своего чело-вѣка сложить за себя свое крестное цѣлованье. Король Князя Воротынскаго изъ крестнаго цѣлованія не выпустилъ, а еще жаловался Ивану Васильевичу, что Князь Иванъ Михайловичъ, передъ отъѣздомъ, пограбилъ Смоленскихъ мѣщанъ (впрочемъ, этотъ грабежъ былъ не совсѣмъ удаченъ, по тому что Королевскіе Воеводы пришли на Князя Воротынскаго изгономъ и захватили многихъ въ плѣнъ). Отвѣчая на жалобы Короля по поводу дѣла Воротынскаго, Иванъ Васильевичъ говорилъ: «Король Казимиръ напрасно называетъ Князя Ивана Михайловича своимъ слугою и не хочетъ его выпустить изъ присяги; этѣ Князья и прежде служили на обѣ стороны.» За отъѣздомъ Ивана Михайловича пріѣхалъ служить къ Московскому Государю другой Князь Воротынскій, Дмитрій Ѳедоровичъ (въ 1490 году): онъ перешелъ служить своими отчинами. Послѣ этого еще пріѣхалъ служить Князь Иванъ Васильевичъ Бѣльскій. Король не выпускалъ и этѣхъ Князей изъ своей службы и объяснялъ Московскому Государю, что это онъ дѣлаетъ на основаніи dokonчанья Князей съ нимъ; тѣмъ болѣе онъ не признавалъ права отъѣзда съ отчинами по тому, что по dokonчанью этѣ отчины, если и родъ Князей прекратится, должны принадлежать Литовскому Великому Княжеству, да наконецъ у Князей владѣнія не всѣ родовыя, а многія пожалованы Королемъ имъ и ихъ отцамъ за службу. Королевскій посолъ кончалъ это объясненіе слѣдующими словами отъ Короля къ Ивану Васильевичу: «Самъ того посмотри, гораздо ли такъ дѣлаешь:

²³ С. Г. Г. и Д. т. 2, №№ 28 и 29; Рус. Врем. ч. 2, стр. 216 — 217; Ак. Арх. Эк. т. I, № 289 стр. 339, и Стрііковскій т. 2, стр. 308, изд. 1846 года.

слугъ нашихъ принимаешь съ ихъ отчинами и нашими городами и волостями, а мы отъ тебя твоихъ слугъ не принимаемъ по докончанью съ твоимъ отцомъ, которое мы кончали и на васъ.» На этѣ слова послѣдовалъ отвѣтъ, подобный отвѣту, по поводу отъѣзда Князя Ивана Михайловича Воротынскаго: «Этѣ Князя прежде служили, какъ нашимъ предкамъ, такъ и Королевскимъ, и теперь они пріѣхали служить намъ съ своими отчинами, и по этому теперь они наши слуги.»

Когда отъѣзжалъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, то Королевской посолъ жаловался, что онъ произвелъ грабежи; теперь же, по поводу отъѣзда послѣднихъ Князей, Королевскій посолъ говорилъ: «Князь Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій, запамѣтовавши свое крестное цѣлованіе, билъ тебѣ челомъ въ службу со всею своею отчиною и съ удѣломъ брата своего, Семена Ѳедоровича Воротынскаго; онъ казну его всю взялъ, а Бояръ и слугъ его поималъ и къ присягѣ привелъ насильно, приказавши имъ служить себѣ. Да кромѣ того онъ нашихъ пановъ и слугъ города и волости за себя побралъ и Намѣстниковъ своихъ посажалъ; этѣ города: Серепекъ, Бышковичи, а волости Лычино, Недоходово.» На эту жалобу въ Москвѣ отвѣчали, что «не знаютъ того, точно ли это владѣнія чужія, а сначала опитаютъ, а потомъ отвѣтъ дадутъ.»

Опираясь на обѣщаніе Московскаго Государя, Князя, отъѣхавшіе изъ Литовской службы, вмѣстѣ съ Князьями, давно служившими Московскому Государю, и при помощи пограничныхъ Московскихъ войскъ, начали мстить своимъ врагамъ и родственникамъ въ Литовскихъ владѣніяхъ. Князь Воротынскій, со многими Татарами и людьми Калужскими и Черемышльскими, ограбилъ волости Брянскіе. Князь Иванъ Васильевичъ Бѣльскій когда убѣжалъ изъ Литвы, то тайно напалъ со многими людьми на отчину своего брата, Андрея Васильевича, и изловилъ тамъ третьяго своего брата, Князя Василья, привелъ его силою къ крестному цѣлованію, чтобы онъ не служилъ Королю, а отчину Андрея за себя забралъ и заставилъ Бояръ и слугъ присягнуть себѣ. Кромѣ жалобъ на этѣхъ Князей, и о Князьяхъ Одоевскихъ посолъ Казимира въ Москвѣ говорилъ, въ 1492 году: «Билъ намъ челомъ слуга нашъ, Иванъ

Оедоровичъ Одоевскій, что когда онъ уѣхалъ съ Одоева, то его братья, которые тебѣ служатъ, захватили его мать, застѣли его отчину, половину города Одоева, волости и казну побрали, а Бояръ къ цѣлованью привели, такъ ты бы ихъ сказнилъ за ихъ дѣла, и чтобы они мать ихъ освободили и въ отчину нашихъ слугъ не вступались, предоставляя имъ владѣть подлугъ давнаго обычая.» На это въ Москвѣ отвѣчали: «Наши слуги, Князья Одоевскіе, сказываютъ намъ, что они ничего не дѣлали, на что жалуются ихъ родственники, а есть у нихъ слово о вотчинѣ, о большомъ Княженіи по роду и старшинству, пригоже, сказываютъ, быть на Княженіи нашему слугѣ, Ивану Семеновичу Одоевскому, и они посылали къ брату своему, Князю Оедору, чтобы онъ о большомъ Княженіи съ ними смолву учинилъ. По этому Король приказалъ бы Князю Оедору смолву учинить и выслать для рѣшенія дѣла своего Пана, а Великій Князь вышлетъ своего Боярина.»

Такъ Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ о Князьяхъ Одоевскихъ, о другихъ же прямо требовалъ, чтобы Король разрѣшилъ ихъ отъ присяги, а своимъ людямъ приказалъ бы не дѣлать обидъ отчинамъ этѣхъ Князей. Король отвѣчалъ, что не выпустить ихъ изъ присяги, что Князья грабятъ, а Великій Князь беретъ земли, принадлежащія Великому Княжеству Литовскому. Король упирался въ своемъ, но силою не поддерживалъ своихъ словъ, тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ нему настоящій вызовъ. 18 Мая, 1492 года, поѣхалъ Московскій посолъ, Берсень, къ Королю; посолъ долженъ былъ говорить ему отъ имени Великаго Князя: «Мы не знаемъ, какіе кривды дѣлаются отъ нашихъ земель твоимъ землямъ, и гдѣ наши люди начали твоимъ людямъ лихо чинять; а волостей, земель и водъ твоихъ за собою не держимъ, а съ Божіею помощію держимъ земли и воды, которые намъ далъ Богъ. Ты говоришь, что отъ нашихъ земель дѣлаются тебѣ кривды, а того не памятуешь, какіе кривды дѣлаются нашимъ землямъ отъ твоихъ людей: наши города, волости и земли за собою держишь, такъ ты бы намъ нашихъ земель поступился, а обиднымъ дѣломъ далъ управу.» Берсеню дана была память, что если взмолвятъ: «Которые волости Великаго Князя за собою держитъ Король?» то отвѣчать: «Городъ Хлѣпень съ волостями, да Рогачевъ и иные волости.» Какія это иныя волости?

Наказъ Берсеню не говоритъ, да и Казимиру не пришлось слышать словъ этого посольства, этѣхъ тайныхъ намековъ. Берсень Короля не заѣхалъ, по тому что Короля не стало, ²⁴ и онъ воротился, а къ Королевичу Александру не поѣхалъ. Этому Королевичу когда отправилось къ нему первое посольство изъ Москвы, то посолъ говорилъ уже прямо, и Иванъ Васильевичъ такъ же въ вѣрющей грамотѣ писалъ, что Московской Государь есть Государь всея Руси. Въ послѣдствіи объяснили значеніе этого титула, что города Кіевъ, Смоленскъ и другіе Русскіе города суть отчина Московскаго Государя.

Послѣ смерти Казимира Москвичи рѣшились разорвать свои сношенія съ Литвою, и Княжеская война пришла въ полный разгаръ уже при помощи Московскихъ войскъ. Наши лѣтописи какъ будто бы считаютъ Ивана Васильевича въ постоянной войнѣ съ Литвою и не относятъ начала ея къ началу государственія Александра Казимировича въ Литвѣ. Но обѣ стороны смотрѣли на это дѣло такъ: Литовцы относили всѣ этѣ враждебныя дѣйствія къ пограничнымъ ссорамъ и не хотѣли признавать существованія войны, Иванъ же Васильевичъ хотѣлъ представить дѣло такъ, что у него съ Литвою война, хотя, впрочемъ, онъ ея не объявлялъ и не посылалъ, какъ бы слѣдовало по обычаю, сложить съ себя крестное цѣлованіе къ Литовскимъ Государямъ, а это было необходимо, такъ какъ договоръ Василія Темнаго съ Казимиромъ былъ заключенъ и на дѣтей. Ивану Васильевичу нужна была война, по тому что за войною долженъ слѣдовать миръ, а этѣмъ миромъ Литва должна утвердить не только теперешнія пріобрѣтенія отъ нея, но признать за Москвою и многія другія права.

Эта Княжеская война, со времени вступленія на Литовской престолъ Александра Казимировича, шла слѣдующимъ образомъ. Осенью 1492 года отъѣхалъ изъ Литовской службы въ Московскую Князь Семень Ѳедоровичъ Воротынскій, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Михайловичемъ; они отъѣхали съ отчинами. Князья Воротынскіе, ѣдучи въ Москву, заѣли, на

²⁴ «А Короля не стало тоя жъ весны, по Великомъ Дни на шестой недѣлѣ, въ четвергъ, на четвертомъ часу дни.»

имя Великаго Князя, города Серпейскъ да Мещовскъ. Смоленскій Воевода, вмѣстѣ съ Литовскимъ служебнымъ няземъ, Семеномъ Ивановичемъ Можайскимъ, пришедши со многою силою, заняли опять этѣ города. Тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ Воротынскимъ на помощь уже своихъ Воеводъ, вмѣстѣ съ Княземъ Рязанскимъ, возвращать разъ занятые на его имя города: Серпейскъ и Мещовскъ были отняты, но Воеводы зашли по дорогѣ къ Опакову, городъ сожгли, жителей привели къ крестному цѣлованью на имя Великаго Князя, а Литовцевъ и Смолянъ захватили въ плѣнъ. Кромѣ Князя Семена Воротынскаго перешелъ изъ Литовской въ Московскую службу Князь Михайло Романовичъ Мецецкой; онъ захватилъ силою двухъ своихъ братьевъ, Князей Семена и Петра, и привелъ ихъ въ Москву. Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Князя Михайла Романовича его же отчиною и приказалъ себѣ служить, а его братьевъ сослалъ въ Ярославль. Но самое важное пріобрѣтеніе, сдѣланное при помощи этѣхъ Княжескихъ ссоръ, была Вязьма. Князь Андрей Юрьевичъ Вяземской былъ въ ссорѣ съ другими Князьями Вяземскими; онъ объявилъ желаніе поступить въ службу къ Московскому Великому Князю; Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Вязмѣ своихъ Воеводъ, и городъ Вязьма былъ взятъ; Вяземскіе Князья были приведены въ Москву, ихъ пожаловали городомъ Вязмою же и приказали служить своему новому Государю. Этѣ новыя Московскія подданныя продолжали свои дѣла подъ видомъ набѣговъ, имъ ихъ враги отвѣчали тѣмъ же, но кромѣ этого этѣ Князья дѣлали грабежи, съ цѣлію вознаградить себя за потерянные ими имѣнія, которыя находились внутри Литовскихъ владѣній.²⁵

Всѣ этѣ дѣла Литовцы не хотѣли признавать войною Московскаго Правительства. Но, чтобы сдержать Ивана Васильевича, они начали сватовство своего Государя къ дочери Московскаго. Во время пересылокъ по этому поводу, когда отправилось изъ Москвы первое посольство къ Александру, то Иванъ Васильевичъ требовалъ отъ Литовскаго Государя признанія всѣхъ Князей, отъѣхавшихъ въ Московскую службу изъ Литовской, Московскими подданными. Но одинъ изъ этѣхъ Князей, слагая съ себя присягу

²⁵ П. С. Р. Лѣт. т. 4, стр. 161—162.

къ Александру Казимировичу, хотѣлъ объяснить предъ Литовскимъ Государемъ причину своего отъѣзда: то былъ Князь Семень Ѳедоровичъ Воротынскій. Его отъѣздъ замѣчателенъ тѣмъ, что при Казимирѣ его родной братъ, отъѣзжая въ Московскую службу, ограбилъ и занялъ его Удѣлъ. Казимиръ только требовалъ у Московскаго Государя возвращенія занятаго и ограбленнаго, но самаго Семена Воротынскаго ни чѣмъ не вознаградилъ, не вознаградилъ его точно также и Александръ. Тогда Семень Ѳедоровичъ рѣшился искать управы уже указанною дорогою, отъѣхалъ въ Московскую службу и занялъ Серпейскъ и Мещовскъ. Грамоту Семена Ѳедоровича Воротынскаго, въ которой излагалъ онъ причины своего отъѣзда, мы выше привели, какъ указаніе общихъ причинъ отъѣздовъ Князей. Но эта грамота не попала по назначенію. Человѣкъ Князя Воротынскаго, который долженъ былъ за него сложить крестное цѣлованіе къ Великому Князю Литовскому, ѣхалъ съ Московскимъ посломъ, Дмитріемъ Давидовичемъ Загряжскимъ. Послѣдній, узнавши о существованіи такой грамоты, не дозволилъ подать ее въ руки Великому Князю, а отобралъ ее и привезъ въ Москву.²⁶ Московское Правительство не хотѣло, чтобы Князья выставляли такія причины отъѣздовъ; оно само объявляло, что Князья пріѣхали служить къ своимъ прежнимъ Государямъ.

Кромѣ выше исчисленныхъ Князей и пріобрѣтеній Москвичей при помощи ихъ, другихъ отъѣздовъ и пріобрѣтеній, въ началѣ девяностыхъ годовъ XV столѣтія, больше не совершалось. Когда между Москвою и Литвою былъ заключенъ миръ, то Литовскіе послы потребовали внесенія въ договорныя грамоты условія, чтобы вообще Князей служебныхъ съ отчинами не принимать. Москвичи согласились на это условіе. Но количество служебныхъ Князей, могшихъ нанести такой же вредъ своимъ отъѣздомъ,

²⁶ Эта грамота Князя Воротынскаго напечатана въ Актахъ Западной Россіи т. 1, № 106. Издатели Актовъ перепечатали эту грамоту изъ Исторіи Князя Щербатова. Въ Актахъ Западной Россіи эта грамота, какъ отрывокъ изъ цѣльнаго посольства и съ самопроизвольными объясненіями издателей, теряетъ во многомъ свое значеніе. Посольство Загряжскаго отправилось изъ Москвы 5-го Генваря, 1493 года; крестное цѣлованіе человѣкъ Князя Воротынскаго слагалъ за своего Господина въ 1493 году, 6 Февраля.

какъ и отѣзчики девяностыхъ годовъ, въ Литвѣ было еще довольно значительное количество. При началѣ второй войны Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ начались тоже отѣзды Князей. Отѣхали: Князь Семень Бѣльской, Шемячичъ, Можайской и другіе, съ своими отчинами. Московское Правительство при началіи войны не только нарушило условіе прежняго договора съ Литвою, но и отказалось отъ старой своей вражды къ роду Шемяки и Можайскаго. Сами этѣ Князья, какъ ни выгодны были условія отѣзда, могли опасаться, что Иванъ Васильевичъ можетъ вспомнить обиды себѣ и своему отцу, происшедшія отъ отцовъ и дѣдовъ этѣхъ Князей. Но Иванъ Васильевичъ предупредилъ это; такъ, на примѣръ, Шемячичъ получилъ такого рода опасную грамоту: «что какое лихо учинилось отъ твоего дѣда, Князя Дмитрія Шемяки, нашему отцу, Великому Князю, Василию Васильевичу, то мы тебѣ даемъ опасную грамоту, что намъ за то на тебя недюбки не держать». Но для того, чтобы показать, что пріемомъ въ службу этѣхъ Князей Московское Правительство не нарушало условія своего договора съ Литвою, то этотъ пріемъ оно объясняло такимъ образомъ: Иванъ Васильевичъ, принявши на себя роль защитника Православія отъ притѣсненій Латинства, и начавши по этому поводу войну, объявилъ, что и Князей онъ принялъ въ службу по тому, что они пріѣхали къ нему, не стерпя гоненій за вѣру. Князь Семень Бѣльской, когда его человекъ отправился къ Александру Казимировичу слагать за своего Господина крестное цѣлованіе, послалъ съ нимъ, съ согласія Московскаго Правительства, грамоту, въ которой, какъ прежде Воротынской, объяснялъ свой отѣздъ немилостями къ нему Великаго Князя Александра, но при этомъ говорилъ, что этѣ немилости происходили отъ того, что его хотѣли обратить въ Римскую вѣру, а онъ на принятіе Римскаго закона не согласился и въ заключеніе уѣхалъ отъ насилія, подъ покровительство Православнаго Государя. Эта грамота попала по назначенію, т. е., была подана Александру Казимировичу. На объясненія Московскаго Правительства, по чему оно приняло въ свою службу Бѣльскаго, Литовцы отвѣчали, отъ имени своего Государя: «Бѣльской лихой человекъ и измѣникъ нашъ, мы уже его третій годъ и въ глаза не видали; у насъ лучше его есть Князья и Паны Греческаго Закона, и имъ ни какого принужденія нѣтъ въ вѣрѣ. Ради такого измѣнника ломать dokon-

чанье не стоитъ, а слѣдуетъ его выдать». Объ Можайскомъ и Шемячичѣ Литовцы говорили: «Отцы этѣхъ Князей пришли въ Литву, сдѣлавъ надъ самимъ Иваномъ Васильевичемъ и надъ его отцомъ извѣстно какую измѣну; ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ отчины на прожитокъ, а они, по привычкѣ, заимствованной отъ своихъ отцовъ-измѣнниковъ, измѣнили теперь и Литовскому Государю, да по той же привычкѣ навѣрно сдѣлаютъ тоже и съ своимъ новымъ Государемъ».

Князья Шемячичъ и Можайской были послѣдними Князьями съ чисто старымъ удѣльнымъ характеромъ. Ихъ отѣзды были для нихъ весьма удачны: владѣнія ихъ остались за Москвою. Но зато отѣзчикъ, послѣдовавшій ихъ примѣру, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ отѣзда, — Глинскій, не много выигралъ въ свою пользу. Не будучи служебнымъ Княземъ и въ то же время совсѣмъ не народный вождь, Глинскій представлялъ собою личность, въ которой выразился переходъ отъ прежнихъ средневѣковыхъ дѣятелей къ новымъ государственнымъ людямъ. Совсѣмъ другаго характера былъ современникъ и соговорищъ Глинскаго, Остафій Дашковичъ: онъ не былъ ни служебный Князь, ни народный вождь, ни государственный человѣкъ, а только Казацкій предводитель. Пока не попалъ на эту послѣднюю дѣятельность, онъ сначала управлялъ Литовскимъ городомъ Кричевымъ. Недовольный Литовскими порядками, онъ, въ 1504 году, можетъ быть, подъ вліяніемъ Можайскаго и Шемячича, съ нѣсколькими дворянами, ограбивъ прежде имъ управляемыхъ, убѣжалъ въ Московскія владѣнія, и здѣсь его приняли. Такъ какъ онъ отѣхалъ безъ всякихъ владѣній, то Литовское Правительство требовало его выдачи, какъ измѣнника, бѣглеца и лихова человѣка. На это требованіе данъ былъ отвѣтъ, что, по договорнымъ грамотамъ, слѣдуетъ выдавать татя, бѣглеца, холопа, раба, должника, но по исправѣ; Остафія же Дашковича вообще къ этѣмъ разрядамъ нельзя причислять, по тому что у Короля Александра онъ управлялъ значительными городами и, пріѣзжая служить, какъ говорятъ, ничего не дѣлалъ дурнаго, а служить и прежде ѣздили безъ отказа, и по этому Остафій Дашковичъ нашъ слуга. Но Остафію Дашковичу не понравились и Московскіе порядки; онъ, посланный, вмѣстѣ съ другими отѣзчиками, помогать Глинскому, во время его бунта, снова

перебѣжалъ въ Литовскую службу, но уже послѣ этого вскорѣ сдѣлался предводителемъ Казаковъ. ²⁷

Литовцы всѣхъ этѣхъ отѣзчиковъ называли измѣнниками и были преисполнены къ нимъ страшной ненависти, такъ какъ дѣйствительно этѣ отѣзды обошлись чрезвычайно дорого Литвѣ. Но мы не имѣемъ права сказать, чтобы не было измѣнъ и въ Москвѣ. Когда совершились первые отѣзды Князей, то зимою 1493 г. былъ казненъ Князь Лукомскій съ тремя товарищами за то, что пересылали вѣсти изъ Москвы къ Литовскому Великому Князю. Лѣтописецъ говоритъ, что Князь Лукомскій былъ посланъ Королемъ Казимиромъ служить Великому Князю Ивану Васильевичу, съ тайнымъ обязательствомъ отравить послѣдняго. У Лукомскаго было вынято зелье, данное ему Королемъ; когда Лукомскаго схватили, то онъ оговорилъ Князя, Оедора Бѣльскаго, что будто тотъ хотѣлъ бѣжать служить въ Литву; Бѣльскій былъ схваченъ и сосланъ въ заточеніе, въ Галичъ. ²⁸ Но болѣе знатный, чѣмъ этѣ люди, былъ измѣнникъ Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Онъ, взятый въ плѣнъ при Ведрошѣ, вступилъ потомъ въ Московскую службу, но во время бунта Глинскаго бѣжалъ въ Литву и сдѣлался предводителемъ войскъ въ войнѣ противъ Москвы. ²⁹

Но Острожскій бѣжалъ въ Литву, а не отѣхалъ изъ Московской службы въ Литовскую съ владѣніями; болѣе важныхъ измѣнъ нужно было ждать отъ другихъ, а именно: Князей служебныхъ отѣзчиковъ. По мѣрѣ того, какъ границы Московскихъ владѣній отодвигались на западъ, Князья отѣзчики начинаютъ исчезать въ толпѣ другихъ Князей. Но изъ числа ихъ о нѣкоторыхъ остались извѣстія, могущія дать понятіе объ ихъ положеніи въ Московской службѣ и ихъ занятіяхъ. Московскій Государь предоставилъ этѣмъ Князьямъ, въ продолженіи своихъ войнъ съ Литвою, сколько угодно воевать Литовскія владѣнія. Во время бунта Глинскаго Князья,

²⁷ Ак. З. Р. т. 1 № 192 и т. 2, № 41.

²⁸ П. С. Р. Л. т. 4, стр. 162.

²⁹ С. Г. Г. и Д. т. 1, № 146.

посланные ему на помощь, пробыли цѣлое лѣто за Днѣпромъ и дѣлали набѣги къ Вильнѣ и Гродну. Когда шли рати Московскаго Государя, то Князьямъ приказывалось приставать къ нимъ; но пока Князья не попали въ общій рядъ всѣхъ Московскихъ служилыхъ людей, то въ этѣхъ походахъ они почти и не занимали ни какого опредѣленнаго мѣста. Такъ, на примѣръ, когда пошли Воеводы выручать, прежде занятые Княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Воротынскимъ, города Серпейскъ и Мещовскъ, то Воеводы были разряжены по полкамъ, а Князьямъ Воротынскимъ, Одоевскимъ, Бѣлевскимъ и Князю Михайлу Мезецкому, велѣно присоединиться къ Воеводамъ и быть подлѣ передоваго полку, съ правой, или съ лѣвой, стороны, гдѣ похотятъ; только старшимъ изъ нихъ Князьямъ, Дмитрію и Семену Воротынскимъ, приказано быть подлѣ большаго полка, гдѣ прихоже.³⁰ Когда не было войны съ Литвою, то этѣ Князья постоянно упоминаются въ разрядахъ и лѣтописяхъ, какъ занимающіеся отогнаніемъ Татаръ отъ Русскихъ границъ. Въ этѣхъ дѣлахъ особенно отличался Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій. Заманить Татаръ внутрь страны, потомъ обойти имъ въ тылъ, и за тѣмъ гнать ихъ въ лѣса, въ болота, топтать на бродахъ рѣкъ—было обыкновеннымъ маневромъ Воротынскаго. Князья отѣзчики хорошо знали, что въ Литвѣ готовы воспользоваться ихъ измѣною, и Иванъ Михайловичъ Воротынскій употреблялъ и это въ свою пользу. Во время войны съ Литвою, въ 1516 году, Воротынскій съ своею дружиною отправился изъ своихъ владѣній къ Рославлю, объявляя, что бѣжитъ отъ Великаго Князя къ Королю; Рославцы повѣрили и дали ему съ города кормъ; онъ же подъ Рославлемъ не стоялъ даже и дня, а пошелъ далѣе, притворяясь, что идетъ къ Королю; отошедши верстъ тридцать, онъ сталъ на ночлегъ, а утромъ, снарядившись, со всею своею силою воротился къ Рославлю, гдѣ его не ожидали, и ему удалось захватить городъ; послѣ этого изъ подъ Рославля Воротынскій пошелъ съ пушками подъ Мстиславль. За всѣ этѣ подвиги Воротынскій получилъ похвалу отъ Государя.³¹

³⁰ Разряды.

³¹ Этотъ набѣгъ Воротынскаго разсказанъ въ Архангельской Лѣтописи (стр. 188—189) и въ Псковской (П. С. Р. Л. т. 4, стр. 290); но въ обѣихъ лѣтописяхъ сказано, что все это сдѣлалъ Псковской Намѣстникъ Сабуровъ; только въ Псков-

Во время мира и перемирья всѣ посольства Литовцевъ, въ которыхъ они излагали пограничныя обиды, полны жалобами, что Князья нападаютъ на Литовскія земли, жгутъ, грабятъ, рѣжутъ, людей въ плѣнъ ведутъ и волости засѣдаютъ на свое имя, а людей приводятъ къ крестному цѣлованію. Князья были недовольны, что между Москвою и Литвою существуетъ миръ, или перемирье, и готовы были разорвать ихъ. Они постоянно слѣдили за тѣмъ, что дѣлается въ Литвѣ; такъ въ 1503 году было заключено перемирье между Иваномъ III и Александромъ, и Московскіе послы отправились въ Литву, для снятія присяги съ Александра на договорѣ: тамъ они были задержаны; первый, давшій о томъ вѣсть въ Москву, былъ Князь Семенъ Бѣльскій. Въ 1504 году Александровы послы въ Москвѣ говорили о Князьяхъ слѣдующее: «Наши измѣнники, которые къ тебѣ отѣхали съ отчинами, не перестаютъ зацѣпки чинить: грозятъ нашимъ людямъ и отповѣдныя листы къ нимъ посылаютъ; по этимъ листамъ, которые мы къ тебѣ прислали, ты можешь уразумѣть, что этѣ измѣнники, которые никогда не бывали вѣрны своимъ Государямъ, хотятъ этѣми зацѣпками перемирье взрушить до урочныхъ лѣтъ.» На этѣ слова былъ данъ отвѣтъ: «Мы тѣ листы слушали, ино которые зацѣпки чинятъ тѣми листами наши слуги? »Къ сожаленію, этѣ отповѣдныя листы не дошли до насъ.

Литовскіе Государи, разъ не умѣвшіе удержать Князей въ своемъ подданствѣ, въ слѣдствіе того, что оставляли ихъ на произволъ судьбы, готовы были принять ихъ обратно къ себѣ, не обращая вниманія на то, что сами ихъ называли образцовыми измѣнниками. Къ этѣмъ Князьямъ подсылались Литовскіе агенты, на нихъ дѣйствовали и посредствомъ Крымскаго Хана, прося его передать, на примѣръ, Шемячичу, что если онъ перейдетъ въ Ли-

ской лѣтописи сказано, что Сабуровъ сжегъ Друю. Псковскій Намѣстникъ могъ сжечь Друю, но подъ Рославль совершить свой набѣгъ не могъ, по географическому положенію Рославля; Воротыньскому же Рославль былъ близокъ по мѣсту положенія его собственныхъ владѣній. Въ Крымскихъ дѣлахъ (№ 4), въ Наказѣ Шадрину, сказано: «Князь Воротыньской зарубилъ въ Литовской землѣ городъ Рославль, да изъ того города пошелъ подъ Мстиславль съ пушками.» Въ Ист. Г. Р. т. 7, пр. 168, сказано о лѣтописяхъ: «думаю, что здѣсь говорится о разныхъ походахъ, хотя и въ одномъ году.»

товскую службу, то Король, ему дастъ еще болѣе того, чѣмъ онъ теперь владѣетъ, особенно когда будетъ завоевана Москва. Но Московскіе Государи знали хорошо Польскія интриги и удерживали Князей различными средствами. Такъ какъ Князья были болѣе способны къ измѣнѣ во время мира, когда у нихъ не было занятій, то изъ Москвы старались возбуждать въ Князьяхъ патриотизмъ, потомъ привязывали ихъ къ себѣ посредствомъ родственныхъ связей. Такъ, Василій Ивановичъ выдалъ за Можайскаго свою свояченицу Сабурову. Болѣе вѣрнымъ средствомъ сдерживать Князей были Московскія войска, которыя не выходили изъ Сѣверы, подъ видомъ охраненія страны отъ Литовцевъ и набѣговъ Крымцовъ. Наконецъ, Князей постоянно окружали Московскіе шпіоны; но самыми лучшими шпіонами у Князей были сами же Князья. Мы видѣли что взаимныя ссоры Князей повели къ тому, что они отѣхали туда, гдѣ имъ давали возможность безнаказанно мстить своимъ врагамъ, но и этѣ враги въ заключеніе тоже переѣхали въ Москву. Московское Правительство не давало Князьямъ воевать между собою: тогда они начали постоянно слать въ Москву другъ на друга доносы, обвиняя враговъ въ измѣнѣ и ссылаяхъ съ Королемъ. Такъ, на примѣръ, кромѣ Воротынскихъ, и, одновременно отѣхавшіе въ Московскую службу, Шемячичъ и Можайскій были, въ постоянной ссорѣ, и вотъ исторія вражды. Князь Семенъ Ивановичъ Можайскій нѣсколько разъ присылалъ къ Ивану Васильевичу доносы, что Василій Ивановичъ Шемячичъ хочетъ измѣнить. Послѣ смерти Семена Ивановича сынъ его, Василій Семеновичъ, точно также доносилъ на Шемячича. Шемячичъ просилъ Великаго Князя, Василя Ивановича, чтобы онъ дозволилъ ему пріѣхать въ Москву и оправдаться, но ему отвѣчали, что пріѣзжать не нужно, ради Государскаго и Земскаго дѣла. Въ 1510 году Шемячичъ прислалъ просьбу въ Москву, что дошли до него слухи, что Князь Василій Семеновичъ хвалится, что Государь, по его обговору, хочетъ положить опалу на него, Шемячича, по этому послѣдній просилъ опять дозволенія пріѣхать въ Москву и оправдаться, при чемъ такъ же просилъ о присылкѣ къ нему опасной грамоты, чтобы можно было ѣхать въ Москву безъ боязни. Опасная грамота была дана, и Василій Ивановичъ при этомъ объявлялъ Шемячичу, что какъ онъ обоихъ Князей жаловалъ, такъ и теперь жалуетъ и не любви къ нимъ не держитъ. Шемячичъ пріѣхалъ въ

Москву, оправдался и снова былъ отпущенъ въ свои владѣнія. Но Василій Семеновичъ этѣмъ не довольствовался и въ 1517 году прислалъ двухъ своихъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ Литвѣ въ плѣну и слышалъ тамъ, что у Альбрехта Немировича, Кіевскаго Намѣстника, былъ гонецъ отъ Князя Василя Шемячича, который предлагалъ, что когда помирится Король съ Крымскими Царевичами, то Альбрехтъ шель бы съ Царевичами подъ города Шемячича, а онъ хочетъ Королю служить съ городами. Кромѣ этого доноса явился еще другой изъ Стародуба: оттуда прислалъ Князь Пронскій человѣка, говорившаго то же самое, что и человѣкъ Шемячича. Великій Князь по этѣмъ доносамъ отправилъ къ Шемячичу своихъ посланныхъ; они должны были объявить о доносахъ все и сказать потомъ: «Тебѣ хорошо вѣдомо, что и напередъ того къ намъ на тебя такіе безлѣпичныя рѣчи прихаживали, и мы имъ не вѣрили, а тебя жаловали; такимъ рѣчамъ мы и теперь не вѣримъ и хотимъ тебя жаловать. Ты теперь ѣхалъ бы къ намъ, и мы тебя укрѣпимъ въ томъ, чтобы тебѣ быть безъ мысли въ нашемъ жалованьѣ, и Боярамъ нашимъ велимъ тебѣ такъ же крѣпость учинить; а чтобы тебѣ ѣхать безъ всякаго опася, то наши посланные въ томъ тебѣ правду дадутъ». Но Шемячичъ, еще не дождавшись этого посольства, а узнавши, что Василій Семеновичъ послалъ на него доносъ, отправилъ къ Государю своего человѣка съ слѣдующими словами: «Государы! братъ мой, Князь Василій Семеновичъ, прислалъ къ тебѣ, и самъ нынѣ говоритъ: «Либо я этѣмъ своего брата, Василя Ивановича, уморю, или самъ отъ Государя буду подъ гнѣвомъ; лучше чему ни будь одному быть, а не оставаться такъ.» Государь, бюю тебѣ челомъ, позволь мнѣ быть у тебя и стать очю на очю съ тѣми людьми, которые обо мнѣ говорятъ, и обыщешь, Государь, въ томъ дѣлѣ мою вину, то голова моя передъ Богомъ и передъ тобою, а не обыщешь, Государь, и ты бы меня оборонилъ, по тому что братъ мой, Василій Семеновичъ, сталъ ужъ крѣпко на мой животъ наступать. Тебѣ, Государю, вѣдомо, сколько разъ онъ меня обговаривалъ; да также и то знаешь, что какіе присылки ко мнѣ ни были изъ Литвы, и я отъ тебя ни въ чемъ не утаивалъ; а если и въ самомъ дѣлѣ кто слышалъ такую нелѣпицу про меня въ Литвѣ, такъ, Государь, тамъ вельми ради, чтобъ насъ, твоихъ холопей, на Украйнѣ не было.» Князю Шемячичу было дозволено пріѣхать въ Москву, чтобы его укрѣпить и дѣло обыскать; но въ

тоже время посланные съ этѣмъ разрѣшеніемъ должны были явиться къ Князю Можайскому и сказать ему рѣчи о береженьѣ, а такъ же похвальную. Когда Шемячичъ пріѣхалъ въ Москву, то его приняли съ почетомъ и сказали, что прежде отъ Князя Василья Семеновича ни какихъ рѣчей доносныхъ не слышали, а сказали это простые мужики; а такъ какъ Государь не потакаетъ такимъ рѣчамъ, то по этому ему и выдается человѣкъ Князя Пронскаго. Шемячичъ просилъ, чтобы ему выдали и человѣка Князя Василья Семеновича, но на это отвѣтили, что его выдать нельзя, по тому что тотъ человѣкъ былъ въ плѣну въ Литвѣ и слышалъ тѣ рѣчи, и по этому какъ же было ему ихъ не сказать? Послѣ этого Шемячичъ былъ приведенъ къ крестному цѣлованію, Бояре ему дали противъ его правды то же правду.

Изъ этого дѣла мы можемъ видѣть, какъ Московское Правительство нянчилось съ Князьями; но, съ другой стороны, замѣчательно то, что Шемячичъ и другіе Князья, такъ легко отъѣхавшіе изъ Литовской службы съ отчинами, изъ Московской же Князь, владѣнія котораго были такъ далеки отъ Москвы, при томъ по доносу злѣйшаго его врага, могъ рѣшиться перейти на службу Королю съ отчинами только при помощи самихъ Литовцевъ, которые должны быть при томъ въ союзѣ съ Татарами. Князя Василья Семеновича хвалили за береженье, но въ томъ же году, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Шемячича въ Москву, ³² въ официальныхъ бумагахъ записано, что Князя Василья Семеновича Можайскаго не стало, и его владѣнія стали вполнѣ принадлежать Московскому Государю. Но не долго пришлось пользоваться свободою и Шемячичу. Осенью 1522 г., между Василиемъ Ивановичемъ и Сигизмундомъ было заключено перемиріе, а весною 1523 г. Шемячичъ «пойманъ бысть съ Княгинею его и съ дочерью.»

Воевать съ Литвою было уже не нужно, да въ Москвѣ и не желали, а съ Татарами Московскіе Государи могли управляться и безъ помощи такихъ Князей, какъ Шемячичъ. Уничтоженію Шемячича радовались многіе. Извѣстенъ рассказъ о Юродивомъ, хо-

³² Шемячичъ былъ въ Москвѣ въ двадцатыхъ числахъ Августа, а ниже приводимое извѣстіе отъ 16 Сентября.

дившемъ по Московскимъ улицамъ съ метлою, и на замѣчаніе объ этомъ говорившемъ проходящимъ, что «Государство еще нечисто, и пора изъ него вымести послѣдній соръ.» А Митрополитъ всея Руси, хотя прежде и былъ на сторонѣ Шемиича, послѣ его поиманья говорилъ: «Богъ избавилъ Государя отъ запазушнаго врага.» Около 1520 года къ Москвѣ было присоединено Великое Княжество Рязанское, Князья котораго были въ постоянной опецѣ у Московскихъ Государей, и когда послѣдній изъ нихъ захотѣлъ поднять значеніе своего Княжества при помощи Татаръ, то попалъ въ руки Московскаго Государя, а когда во время нашествія Татаръ на Москву (въ 1521 г.) бѣжалъ въ свои родовыя владѣнія, то не находя тамъ поддержки своимъ притязаніямъ, ушелъ въ Литву.³³

Въ то время, какъ часть Князей съ старымъ Удѣльнымъ пошибомъ только и знали, что воевать съ кѣмъ бы то ни было, лучшіе изъ нихъ старались тѣсниться около Московскаго Государя, чтобы принять участіе въ управленіи Русскими дѣлами. По видимому, служить Московскому Государю было невыгодно, такъ какъ онъ безпощадно истреблялъ всѣ стремленія, похожія на возстановленіе старыхъ порядковъ; но мы въ то же время видимъ, что Князья и Бояре ѣдутъ служить въ Москву. Скупость Ивана III прославлена, но это была скупость домохозяина, который боится истратить напрасно лишнюю копѣйку и въ то же время бросаетъ работникамъ тысячи, въ полной увѣренности, что отъ ихъ работы, не только его преемникамъ, но и ему самому, будетъ можно собирать милліоны. Во вкусъ хозяина входили и лучшіе изъ его работниковъ: не за деньги и вотчины продавали свое старое положеніе Князья и Бояре, не за блестящій дворъ, не за улыбку Московскаго деспота соглашались они служить ему, а за то, что этотъ деспотъ руководилъ великимъ дѣломъ: введеніе внутренняго порядка въ Государствѣ, сверженіе Татарскаго ига, стремленіе истребить степняковъ степняками; потомъ великая идея, выраженная

³³ С. С. Г. и Д. т. 2, №№ 28 и 29; Переписная книга Архива Посольскаго Приказа 1614 г., л. 18; Дѣла Турецкія № 1, 1512 годъ; Разряды; Ак. Ист. т. 1, №№ 124 и 127; Ак. Ар. Эк. т. 1, № 172; Ак. З. Р. т. 2, № 116; Архан. Лѣт. стр. 190; Типогр. лѣт., стр. 378; Дѣла Крым. № 3, л. 624; Ист. Рязанскаго Княжества, соч. Иловайскаго, стр. 232 и далѣе.

въ самой простой формѣ титула «Государя всея Руси», идея еди-наго Русскаго Государства, которое нужно собрать, Государства, въ которомъ долженъ быть одинъ Государь, окруженный всѣмъ Русскимъ народомъ, исповѣдывающимъ одну Православную Вѣру; собрать такое Государство, которое должно господствовать надъ потомками Чингисхана, свергнуть власть Польши съ братьевъ по вѣрѣ и народности, отобрать у Нѣмцевъ Русскія земли и не дать имъ осуществить ихъ замысловъ, превратить этѣ занятыя ими земли въ «Новую Германію;» и заимствовать у нихъ только то, что они выработали и приобрѣли изъ плодовъ цивилизаціи древняго міра; только сознаніе, что работа клонится къ осуществленію этѣхъ идей, могла собрать около Московскаго Государя всѣ силы Сѣверной Россіи. Главная роль въ этой колоссальной дѣятельности выпала на долю Русскихъ Князей и Боярѣ, а Иванъ III умѣлъ дать имъ въ этомъ отношеніи занятіе и много блестящихъ и славныхъ дѣлъ. Людей для этой работы Ивану III не нужно было искать, а только пользоваться ими; притомъ предшествующее время и смута при его отцѣ уяснили цѣль, къ которой нужно стремиться, и въ то же время выработали извѣстную, довольно точно опредѣленную, систему.

Не буду излагать подробно той борьбы, которая шла при Московскомъ Дворѣ за права и власть. По мѣрѣ того, какъ Государственный порядокъ бралъ всюду верхъ, этотъ порядокъ тронулъ и притязанія Князей, а потомъ и Боярѣ. Они главнымъ правомъ считали за собою управлять землею; Иванъ III во всѣхъ дѣлахъ совѣтовался съ ними, они всюду на первомъ мѣстѣ; въ совѣтѣ они прямо высказывали свои мнѣнія, и Иванъ Васильевичъ любилъ и жаловалъ тѣхъ, которые и противъ него говорили. Но первымъ дѣломъ его было отнятіе у Князей права отъѣзда отъ себя; еще въ 1474 г. Князь Данило Дмитріевичъ Холмской далъ на себя запись, что онъ обязуется Государю служить вѣрно и не отъѣхать отъ него ни къ кому, и что Государь за его вину въ казни его воленъ. Чѣмъ далѣе дѣло шло, тѣмъ болѣе Князья начинали терять свое значеніе. Исторія Князей Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ извѣстна, а общій ходъ обстоятельствъ привелъ къ тому, что при сынѣ Ивана III начинаютъ играть важную роль Дьяки, съ которыми Государь, запершись самъ третей, у постели рѣ-

шалъ дѣла. Въ это время на государствование Ивана III указывали, какъ на образецъ стараго правленія, когда Великій Князь былъ добръ и до людей ласковъ, и куда ни посылалъ людей, то вездѣ съ ними былъ Богъ. Очень важною причиною такой перемѣны представляли прибытіе въ Москву Грековъ, Софій Оминичны, которая, «какова бы она ни была, говорили ея враги, а къ нестроению нашему пришла.» ³⁴

Среди этой сильной дѣятельности Князей и Бояръ, на ихъ долю выпадали иногда печальные случаи для ихъ личности, и объ одномъ изъ нихъ считаю долгомъ здѣсь упомянуть, какъ событіи, словно выхваченномъ изъ Римской Исторіи и перенесенномъ въ Русскую. Въ 1481 году, послѣ нашествія Ахмата, былъ отправленъ въ Крымъ посломъ Бояринъ Тимоѣей Скрыба. Въ Наказѣ ему, подѣ вліяніемъ тогдашнихъ обстоятельствъ, было сказано, что Иванъ Васильевичъ ведетъ переговоры съ Королемъ Казимиромъ о мирѣ, и Менгли-Гирей пусть поступаетъ, какъ думаетъ. Менгли-Гирей послѣ этого объявилъ, что онъ помирился съ Королемъ, на основаніи словъ Великаго Князя. Но въ это время обстоятельства перемѣнились, и отвѣтомъ на посольство Менгли-Гирея было слѣдующее. Юрій Шестакъ поѣхалъ въ Крымъ и везъ съ собою Боярина Скрыбу, чтобъ выдать его Татарамъ, и говорилъ именемъ Ивана Васильевича къ Хану: «Я тебѣ ничего этого не приказывалъ, а если все это наговорилъ тебѣ нашъ Бояринъ Тимоѣей, то онъ это говорилъ не по нашему наказу: — вотъ онъ передъ тобою». Какъ поступили въ этомъ случаѣ Татары, мы не знаемъ, но знаемъ, что Бояринъ былъ выданъ имъ, и послѣ этого имени Тимоѣея Скрыбы въ офиціальныхъ Московскихъ бумагахъ не встрѣчается. ³⁵

Здѣсь должно сказать еще нѣсколько словъ о дружинахъ Княжескихъ. По мѣрѣ того, какъ Князья скучивались около Московскаго Государя, ихъ дружины необходимо должны были входить въ составъ Государственнаго войска, которое, въ слѣдствіе этого, естественно, значительно увеличивалось. Въ предшество-

³⁴ С. Г. Г. и Д. т. 1; №№ 103 и 104; Ак. Арх. Эк. т. 1, № 172.

³⁵ Д. Крым. № 1, 1481 и 82 года.

вавшее время всѣ безпокойные люди въ обществѣ собирались около Князей, которые своими усобицами давали имъ занятіе, и въ то же время этѣмъ же самымъ и создавали въ обществѣ этѣхъ безпокойныхъ людей. Этотъ воинственный духъ многихъ людей, при водвореніи Государственного порядка, не могъ скоро уничтожиться, по тому что Государственная власть не была такъ сильна, чтобы сдерживать этѣ бродящія въ низу силы. Войско временъ Иванъ III отличалось какою-то отчаянною удалю, начиная съ самихъ Воеводъ: съ запальчивостію бросалось оно на непріятеля, при этомъ часто теряло всякой порядокъ, и за это молодечество иногда платилось собственнымъ пораженіемъ. Но не всѣ люди, которые прежде шли къ Князьямъ на службу, готовы были теперь вступать въ Государственное войско, въ которомъ все должно было дѣлать по заранѣе обдуманной и опредѣленной свѣше формѣ. И мы, по мѣрѣ того, какъ Государство начинаетъ подбирать подъ себя Князей, начинаемъ получать все болѣе и болѣе извѣстій о Казакахъ. Ихъ весьма много находилось на службѣ какъ у Государя, такъ и у Князей. Занятіе ихъ было разъѣзды по степямъ, вывѣдываніе, не бродятъ ли гдѣ ни будь Татары, провожанье пословъ въ Крымъ. Въ числѣ Казаковъ много встрѣчается именъ Татарскихъ, и это можетъ намъ объясниться тѣмъ, что въ это время Орды ослабѣли, разбивались на ничтожныя шайки, а этѣ постоянно разгонялись, такъ что оставшіеся одни безъ предводителей, Татарскіе грабители вступали въ службу Московскаго Государя, или Князей, оставляя за собой свободу распоряжаться своею личностію, и смѣшивались съ Русскими Казаками. Людей, носившихъ имя Казаковъ, Севрюковъ, было много на службѣ Шемячича, и жили они около городовъ Путивля и Чернигова, на границѣ степи. Кромѣ того, появленію Казаковъ въ это время много способствовали Татарскіе набѣги. На Московской Украинѣ Татары останавливались у Оки, Литовская же и Польская Украны съ юга были открыты для Татаръ. Литовскіе Государи плохо защищали оружіемъ свои Украны отъ Татаръ, и изъ населенія страны необходимо должны были выставиться люди для борьбы съ степняками. Для этѣхъ людей около Днѣпра скоро отыскалось мѣсто, а также и предводитель: то былъ Остафій Дашковичъ. Еще на другомъ мѣстѣ Россіи, по видимому, должны были показаться Казаки, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ постоянно шли вой-

ны, здѣсь говорится о Бѣлоруссіи. Но во время войнъ Бѣлоруссія только терпѣла опустошенія, но до того, что города стояли почти въ пустынѣ, народонаселеніе было подавлено и разорено; Казаковъ оно не могло выставить, такъ какъ, во первыхъ, не знали, противъ кого ихъ выставлять, а во вторыхъ, здѣсь, Казаки были бы задавлены и Москвичами и Литовцами. ³⁶

~~~~~

---

³⁶ Источниками для Исторіи Князей отъѣзчиковъ, кромѣ выше указанныхъ, служили два статейные списка: Д. Пол., № 1 и Ак. З. Р. т. 1, № 192. При составленіи этой главы о Князьяхъ я во многомъ обязанъ двумъ сочиненіямъ: Исторія Россіи, т. 5, соч. С. М. Соловьева, и Духовныя и Договорныя грамоты Великихъ и Удѣльныхъ Князей, соч. Б. Н. Чпчерина.

ГЛАВА II.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

Новгородское самоуправление и участие въ немъ Князей.—Сравненіе судьбы Новгорода съ судьбою Казаковъ.—Отношеніе Новгорода къ Великому Князю въ началѣ гоеударствованія Ивана III.—Отступленіе Новгородцевъ отъ Московскаго Великаго Князя и союзъ ихъ съ Королемъ Казимиромъ; значеніе этого союза.—Посольство изъ Москвы въ Новгородъ, приготовленія къ войнѣ и походъ на Новгородъ.—Война и заключеніе мира.—Иванъ III судитъ Новгородцевъ.—Послы Новгородскіе называютъ Ивана III себѣ Государемъ.—Объявленіе войны, переговоры; привилегіи, пожалованныя Новгородцамъ и утвержденіе ихъ крѣпкимъ словомъ Великаго Князя.—Осада Новгорода.—Замыслы Новгородцевъ къ освобожденію себя отъ власти Московскаго Государя и розыскъ по этому поводу.—Заключеніе.—Сношенія Ивана III съ Казимиромъ по поводу завоеванія Новгорода.

I.

Главное и первое, на чемъ Иванъ Васильевичъ поссорился съ Казимиромъ, и чего никогда не могли забыть въ Литвѣ — это полное подчиненіе Новгорода Московскому Государству. Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію исторіи подчиненія Новгорода Москвѣ, нужно сказать, что такое Новгородъ, и по чему онъ въ отношеніяхъ Москвы къ Литвѣ сыгралъ такую важную роль. Здѣсь я не намѣренъ говорить что ни будь новое, кромѣ давно извѣстнаго.

Новгородъ — средневѣковая торговая община, пользующаяся своего рода самоуправленіемъ. Точно опредѣленную грань между понятіями самоуправленія и независимостію, въ отношеніи къ Новгороду, чрезвычайно трудно провести. Новгородское самоуправленіе или, пожалуй, независимость, самостоятельность, была слѣдующаго рода. Вся дѣятельность Новгородской общины была главное направлена на торговлю, остальные отправленія общественной жизни у нея были развиты несравненно въ меньшей степени, чѣмъ эта. Новгородцы, во первыхъ, постоянно нуждались въ

Князяхъ. Пребываніе этѣхъ Князей въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ опредѣлялось тою же самою нуждою, какая заставила Новгородцевъ призывать къ себѣ Князей въ IX вѣкѣ: Новгородская земля пыла велика и обильна, порядка же въ ней никогда не было, и Князья должны были въ ней княжить. Новгородъ не могъ самъ по себѣ управляться и самъ себя защищать. Князья, вмѣстѣ съ своими дружинами, призывались въ Новгородъ княжить, судили Новгородцевъ между собою, бились съ ихъ врагами, и за все это бользовались матеріальными выгодами. Послѣднее было довольно точно опредѣлено Новгородцами; власть же Князей опредѣлялась почти что однимъ чисто личнымъ значеніемъ и личными отношеніями каждаго Князя къ Новгородцамъ. Съ изначала у большей части Князей проявляется стремленіе увеличить свою власть въ богатомъ Новгородѣ, но для вольныхъ Новгородцевъ всякое черезчуръ значительное хозяйничанье у нихъ было противно; они строго наблюдаютъ за Князьями, и при малѣйшемъ недовольствѣ указываютъ имъ путь изъ Новгорода, на мѣсто одного Князя, призываютъ другаго. Новгородцы хотѣли бы призывать къ себѣ только того Князя, который былъ имъ любъ, но въ сущности за что они Князя могли выпроводить отъ себя, это главное опредѣлялось обстоятельствами, т. е., что онъ имъ не любъ. Такъ какъ только Князь, опиравшійся на свою собственную силу, могъ сдѣлать что ни будь въ свою пользу въ Новгородѣ, то Новгородцы, для ослабленія ихъ силъ, явились опорой всякихъ смутъ между Князьями, а по этому городомъ, ненавистнымъ для мирнаго населенія остальной Россіи. Но при всѣхъ хлопотахъ Новгородцевъ по этой части, къ началу новой исторіи, въ Сѣверной Россіи былъ Московскій Князь, съ прежними притязаніями относительно Новгорода, и при томъ на столько сильный, что другіе Князья подчинялись ему. Противникомъ ему, относительно Новгорода, могъ явиться другой, довольно могущественный Русскій Князь, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Великій Князь Литовскій и Король Польской. Но для Новгородцевъ здѣсь выступалъ новый вопросъ, не извѣстный имъ изъ прежнихъ ихъ отношеній къ Князьямъ; то былъ вопросъ объ Исповѣданіи: можно ли было имъ призвать къ себѣ княжить Князя Католика? Въ Новгородѣ, при концѣ его самоуправленія, по поводу этого вопроса, была поднята смута.

И такъ, Новгородъ, для полноты своей, общественной жизни, нуждался во власти, которую самъ у себя не могъ создать. Другимъ мѣриломъ полноты самоуправленія и независимости всякаго общества служить Церковь. Всегда бывало, что общество, которое желаетъ быть вполнѣ самостоятельнымъ, устраиваетъ такъ, чтобы, за рѣшеніемъ дѣлъ церковныхъ, не обращаться къ власти, находящейся внѣ его. Такъ какъ это не всегда дѣлается сразу, то, по мѣрѣ зависимости въ обществѣ церковной іерархіи отъ власти, находящейся внѣ его, можно судить о зависимости и независимости самаго общества. Новгородскій и Псковскій Архіепископъ былъ первый Епископъ въ Россіи, послѣ Митрополита всея Руси; Новгородцы сами для себя его избирали, онъ у нихъ былъ пожизненный сановникъ, принимавшій участіе и въ ихъ общественныхъ нецерковныхъ дѣлахъ. Но Новгородскій Архіепископъ, за собственнымъ посвященіемъ и за рѣшеніемъ всѣхъ важныхъ церковныхъ дѣлъ, долженъ былъ обращаться къ Митрополиту и подчиняться ему, на основаніи церковныхъ законовъ. Этотъ Митрополитъ прежде жилъ въ Кіевѣ, а потомъ переехалъ въ Москву. Такое положеніе Новгородской Церкви нельзя называть ея независимостію. Но во второй половинѣ XV вѣка явилась возможность для Новгородцевъ, если не совсѣмъ сдѣлать свою Церковь ни отъ кого и ни въ чемъ независимою, то значительно увеличить ея самостоятельность, тѣмъ, что, смотря по обстоятельствамъ, за рѣшеніемъ важныхъ дѣлъ, обращаться къ разнымъ Митрополитамъ, такъ какъ въ это время въ Россіи Митрополитовъ было два, и оба назывались Митрополитами всея Руси. Кромѣ Митрополита, жившаго въ Москвѣ, былъ еще Митрополитъ въ Литвѣ; но онъ зависѣлъ отъ Католическаго Государя, самого его подозрѣвали въ склонности къ Католицизму, по тому что онъ былъ ученикъ Исихора, прежде Митрополита всея Руси, потомъ Кардинала Римской Церкви и наконецъ временно Уніятскаго Патріярха въ Константинополѣ. Новгородцы хотѣли какъ ни будь рѣшить это дѣло, а у нихъ какъ, въ вопросѣ о Князьяхъ, такъ и въ вопросѣ о верховной церковной власти, одновременно поднялся вопросъ о Православіи.

Кромѣ неопредѣленной власти Князей въ Новгородѣ и весьма опредѣленной власти Митрополита, какія же собственно были

Новгородскія власти въ Новгородѣ? Кто, на примѣръ, могъ указывать Князьямъ путь изъ Новгорода? Историкъ, написавшій похвальное слово Новгородской свободѣ, сказавши о томъ, что вся автономія Великаго Новгорода опиралась на Вѣчѣ, тутъ же прибавляетъ, что это народное собраніе не было чѣмъ ни будь опредѣленнымъ юридическимъ.³⁷ Этѣ слова служатъ объясненіемъ многого въ исторіи Новгорода, но не въ его пользу. Въ то время, какъ все кругомъ Новгорода, въ общественномъ устройствѣ Сѣверной Россіи, опредѣлялось и слагалось въ извѣстную теорію, въ Новгородѣ оставались при старой своей теоріи — полного равенства, неограниченной свободы всѣхъ членовъ общины. Если дѣло касалось одного лица, или не многихъ, то они свое дѣло могли устроить, какъ имъ заблагоразсудится; если же дѣло касалось многихъ, или цѣлаго Новгорода, то заинтересованные въ немъ собираются для совѣта, гдѣ придется, или на мѣстѣ, на которомъ привыкли собираться, на Вѣчѣ, на Ярославовомъ дворѣ. Кто имѣлъ право созвать Вѣче, кто могъ на немъ говорить и обязанъ молчать — этого ничего точно не было опредѣлено. Когда у заинтересованныхъ въ дѣлѣ были различныя мнѣнія объ его рѣшеніи, то споръ шелъ по обычаю, сохранившемуся почти всюду въ Россіи до нашихъ дней, съ крикомъ, гамомъ, такъ что никто ни кого хорошенько не понималъ; мужики-горланы, мироѣды, здѣсь были на первомъ мѣстѣ. Если, наконецъ, стороны обозначились, то большинство не убѣждало меньшинства, а заставляло его подчиниться себѣ; если меньшинство стояло крѣпко на своемъ, то его начинали убѣждать наиболее чувствительнымъ образомъ — посредствомъ кулаковъ, палокъ и наконецъ отправленіемъ противниковъ въ Волховъ. Подобныя вещи выходили изъ за того понятія, что рѣшеніе только тогда дѣйствительно, когда на него всѣ согласны, а, между тѣмъ, свободный человѣкъ за тѣмъ онъ и свободенъ, чтобы думать и дѣлать, какъ ему нравится, и съ своимъ мнѣніемъ не отступать ни передъ кѣмъ. Большинство, заставивши замолчать такимъ образомъ меньшинство, и не принимая совсѣмъ во вниманіе его мнѣній, дѣйствуетъ, какъ хочетъ, но и меньшинство, если члены его остались цѣлы, не думаетъ уступать: оно собирается въ тихомолку, сговаривается, богатые подкупаютъ бѣдныхъ, и

³⁷ Сѣверно-Русскія народоправства т. 2-й, стр. 35.

наконецъ, превратившись въ большинство, поступаетъ въ дѣлахъ съ противниками точно такимъ же образомъ, какъ тѣ обращались прежде съ ними. Кромѣ этой борьбы, недовольное меньшинство, не видя средствъ побѣдить противниковъ, если захочетъ, то выдѣляется изъ общества, уходитъ и образуетъ какъ бы отдѣльный Новгородъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно. При подобномъ отправленіи общественныхъ дѣлъ первое, что бросается въ глаза, это, вмѣсто свободы, крайній деспотизмъ сильнаго надъ слабымъ. Сами вѣчники, оплакивая свою печальную судьбу, характеризовали то, какъ они управлялись сами собой, слѣдующими словами: «Злые поклепы и лихіе дѣла, увѣчья и кричанья, такъ что голова не знала, что языкъ говорилъ; неумѣнье своего дома строить и желаніе городомъ управлять; такое самоволіе и непокореніе другъ другу привело много злаго на нихъ.»

Во всякомъ случаѣ, если подобная постоянная борьба пойдетъ дальше Новгорода, то въ ней можетъ быть только дурная форма; но если меньшинство, или даже большинство, захочетъ призвать къ себѣ на помощь противъ своихъ противниковъ Князя, не захочетъ ли этотъ Князь повернуть борьбу Новгородцевъ въ свою пользу? не захочетъ ли онъ, за свою помощь, выговорить что ни будь себѣ, или наконецъ призвавшіе его, за побѣду надъ своими врагами, не выдадутъ ли Князю и всю Новгородскую свободу? Но къ этому можно еще присоединить то, что, при такомъ состояніи общества, человѣкъ, сильный характеромъ, богатствомъ, партией, защищая какой ни будь общественный интересъ, можетъ многое сдѣлать, но окончательно повести общество въ ту или другую сторону онъ не сможетъ, по тому что долженъ быть всѣхъ сильнѣе, всѣхъ богаче. Всѣхъ сильнѣе въ Новгородѣ Князь, который защищаетъ Новгородцевъ отъ внѣшнихъ враговъ и судить гражданъ; всѣхъ богаче изъ Новгородской торговой аристократіи, это Архіепископъ. Главный общественный интересъ у Новгородцевъ — торговля, и ею они занимаются и охраняютъ всѣ; другой интересъ общій — это общественный порядокъ, могущій быть нарушеннымъ, при Новгородскомъ устройствѣ, нѣсколькими сильными лицами до такой степени, что слабые изъ нихъ, бѣдные, на примѣръ, будутъ во всемъ поддерживать Князя-Судью, и тогда Князь, дѣйствуя въ свою пользу, явится еще и защитникомъ чисто Новгородскихъ интересовъ. Архіепископъ въ этомъ отношеніи, по видимому, могъ бы

состязаться съ Княземъ, но Новгородскимъ Папой сдѣлаться онъ не можетъ, по тому что церковная Іерархія Восточной Церкви есть Государственное учрежденіе, подчиненное верховной власти общества, и для Папства Архіепископу нужно уничтожить всѣ уставы Церкви, выработанные тысячелѣтіемъ и вошедшіе въ сознаніе массъ народа; а Новгородцы всѣ Православные, и желаютъ по этому, въ Архіепископѣ имѣть только сановника самаго уважаемаго, какъ представителя нравственныхъ началъ въ обществѣ. Самое же духовенство у Новгородцевъ, это чиновники, исправляющіе извѣстную службу, точно такую же, какую духовенство въ послѣдствіи исправляло у Казаковъ.

Были еще два лица, могшія, защищая общественные интересы, сдѣлать что ни будь и въ пользу своихъ личныхъ выгодъ. Это двое Новгородскихъ сановниковъ — Посадникъ и Тысяцкой. Но сдѣлать для себя они ни чего не могли, по тому что были представителями партій, боровшихся на Вѣчѣ. Это послѣднее объ нихъ можно говорить, по тому что выбирались они, конечно, на Вѣчѣ; а какъ они выбирались, мы не знаемъ, но, судя по общему характеру Вѣча, можно думать, что выкрикомъ, какъ выбирались, на примѣръ, въ кругахъ и на радахъ Казацкіе предводители, Гетманы и Атаманы. Срокъ, на который они выбирались, не извѣстенъ; но что они не были пожизненными сановниками, то это доказывается тѣмъ, что въ Новгородѣ бывало по нѣскольку Посадниковъ, или Тысяцкихъ, изъ которыхъ только одинъ заправлялъ дѣлами. По этому можно предположить, что когда одна партія брала верхъ, то и ставила своего Посадника и Тысяцкаго; за торжествомъ противниковъ могла слѣдовать и смѣна сановниковъ. Пространство власти этѣхъ сановниковъ, какъ и все, подобное этому въ Новгородѣ, неопредѣленно и точно не отдѣлено у одного отъ власти другаго.

Заговоривши о сановникахъ, мы должны сказать еще объ одномъ Новгородскомъ должностномъ лицѣ, не по тому, чтобы оно имѣло особенную силу и значеніе, а по тому, что могло имѣть извѣстнаго рода вліяніе—это Вѣчевой Дьякъ, засѣдавшій въ Вѣчевой избѣ; онъ записывалъ рѣшенія Вѣча; на немъ, конечно, лежало извѣстнаго рода веденіе дѣлъ: имѣлъ ли онъ вліяніе на докладъ ихъ? Былъ ли онъ хранителемъ вѣчевыхъ преданій? или Нового-

родцы занимались такъ своими дѣлами, что этотъ Дьякъ былъ просто машина для записыванія рѣшеній другихъ? Но ниже увидимъ, что съ очень важнымъ дѣломъ имя Вѣчеваго Дьяка соединилось очень трагически.

Подобный вопросъ, на который выше обращено вниманіе, кто могъ повредить Новгородской свободѣ? — особенно игралъ важную роль въ половинѣ XV вѣка. Въ это время почти всюду водворялся новый Государственный порядокъ; Новгородскій Князь вмѣстѣ былъ Государемъ Московскимъ, и могъ захотѣть быть Государемъ и въ Новгородѣ. Конечно, можетъ быть (но только можетъ быть), изъ Новгородскаго общественнаго устройства, при дальнѣйшемъ его развитіи, при борьбѣ партій, могло выработаться весьма характеристичное какое ни будь новое устройство; но въ теченіи всего времени, когда Новгородъ самъ по себѣ игралъ важную роль въ Исторіи, движенія впередъ въ его общественной жизни мы не видимъ. Но при этомъ, можемъ смѣло сказать, что только уживчивымъ характеромъ и способностію Русскаго человѣка почти все переносить, можно объяснить, по чему Новгородъ, при своихъ порядкахъ и еще въ такомъ блестящемъ видѣ, могъ просуществовать до половины XV вѣка. Географическое же положеніе Новгорода было таково, что до него всякой сильный врагъ могъ добраться, и по тому могъ завоевать его. Болота, окружавшія Новгородъ, бывали и лѣтомъ проходимы для войскъ, а зимою къ Новгороду можно было всегда пройти. Враговъ себѣ Новгородцы необходимо должны были всегда имѣть, по тому что общественное устройство ихъ и образъ жизни дѣлали имъ враговъ изъ всякаго сосѣда. Это происходило отъ того, что тѣ же самыя причины, которыя заставили въ послѣдствіи Государство наложить свою руку на Казаковъ и нѣсколькимъ Государствамъ раздѣлить Польшу, были поводомъ къ ссорамъ Новгорода съ Государствомъ въ XV вѣкѣ.

Въ слѣдствіе этого сходства причинъ, мы должны сдѣлать сравненіе общественной жизни Казаковъ съ общественною жизнію Новгородцевъ. Какъ Казаки признавали надъ собою власть Государя, такъ Новгородцы нуждались въ присутствіи у нихъ Князя. Новгородское Вѣче, Казацкій Кругъ, Рада и наконецъ Польскій Сеймъ, это все одно и то же, разница только въ названіяхъ.

Причины, по чему Государство порѣшило съ Казаками только въ XVIII, а съ Новгородцами въ XV, были нижеслѣдующія. Казаки — военная община, а Новгородцы преимущественно торговая. Казаки свои ряды пополняютъ главнымъ бѣгущими изъ Государства, Новгородцы же признаютъ необходимымъ семью, и по этому поддерживаютъ свое существованіе не только бѣглецами изъ остальной Россіи, но главное нарожденіе у себя. Когда въ Россіи водворялся Государственный порядокъ, то люди, недовольные имъ, дѣлались Казаками и уходили въ степь, гдѣ руки Государства долго не могли достать ихъ, и по мѣрѣ расширенія границъ Государственныхъ, Казаки отодвигались все дальше и дальше, по теченію рѣкъ, въ глубь степей, и такъ они уходили отъ Государства до тѣхъ поръ, пока оно не прижало ихъ къ морю. Новгородцамъ нельзя того дѣлать, что дѣлали Казаки, по тому что они прикрѣплены къ землѣ, у нихъ есть главный городъ, имъ принадлежить цѣлая область съ городами и деревнями, гдѣ живутъ не все торговые люди, но много земледѣльческаго населенія. Этотъ городъ съ областію не Сѣчь; нельзя ихъ, какъ дѣлали Казаки съ Сѣчью, перенести съ одного острова рѣки на другой.

Кромѣ того, что Московскому Государству нужно было дать выгодное занятіе своимъ дружинамъ, кромѣ того, что Великіе Князья всегда хотѣли попользоваться богатствомъ Новгородцевъ, были въ самыхъ порядкахъ Новгородцевъ, какъ и у Казаковъ, такія явленія, которыя не давали имъ возможности жить мирно съ сосѣдями; это, во первыхъ, существованіе ушкуйниковъ. Новгородцы вольные люди, хотятъ они торгуютъ, или дѣлаютъ что имъ угодно; человѣкъ, у котораго нѣтъ желанія заниматься мирными дѣлами, у котораго есть охота разгуляться, подраться, собираетъ себѣ товарищей, эту Новгородскую голудьбу, и идетъ вонъ изъ Новгорода; спускается эта дружина по рѣкамъ, нападаетъ на всякаго встрѣтившагося: удается предпріятіе, то удалыцы возвращаются въ Новгородъ богатыми, добывъ себѣ зинуновъ; не удается, то складываютъ они свои буйныя головы на чужой сторонѣ. Умается человѣкъ въ такой жизни, то идетъ въ монастырь и становится строгимъ постникомъ, какъ прежде былъ страшнымъ разбойникомъ. Казацкая голудьба когда не шла противъ Государства, то нападала на невѣрныхъ, Новгородскіе же

ушкуйники, когда не воевали съ Нѣмцами, то должны были бростись на Русскія земли, гдѣ въ XV вѣкѣ на востокѣ образовалось Государство, которое не могло допустить такимъ охотникамъ безнаказанно воевать и грабить своихъ подданныхъ.

Какъ существованіе ушкуйниковъ могло ссорить Новгородъ съ Государствомъ, такъ точно ссоры Новгородцевъ у себя привлекали на него Государство. Эта главная Новгородская ссора была между богатыми и бѣдными. У Казаковъ заводчиками смутъ была голудьба, люди бѣдные, богатые же, владѣльцы собственности, хотя и готовы были стоять за Казацкое устройство своего общества, но были въ то же время людьми, которые за порядокъ соглашались многимъ жертвовать. Такъ было, на примѣръ, у Донскихъ Казаковъ, но въ Новгородѣ, какъ въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго, идетъ постоянная ссора изъ за того, что бѣдные, которые не ушкуйники и не аристократы, а земледѣльцы и рабочіе, находятся въ постоянной ссорѣ съ богатыми, желающими жить на ихъ счетъ. Бѣдные не могутъ отыскать себѣ суда на Вѣчѣ, по тому что оно въ рукахъ у богачей и по этому готовы искать суда въ другомъ мѣстѣ и промѣнять, для нихъ ничего незначащую, Новгородскую свободу на Правительство, не признававшее у себя Вѣчей, но за то не допускающее давленія слабого сильнымъ на столько, чтобы перваго превращать въ раба послѣдняго, по этому бѣдные стоятъ за миръ съ мужицкимъ Государствомъ, богатые же, аристократы, по этому самому ненавидятъ подобное Государство. Эта ненависть Новгородскихъ богачей къ Государству во многомъ объясняется тѣмъ, что они на свое положеніе смотрятъ подобнымъ же образомъ, какъ смотритъ на свое Казацкая голудьба. Новгородскіе богачи по преимуществу купцы, по этому по большей части владѣльцы движимой собственности, съ которою богачь: по видимому, какъ вольный Казакъ, можетъ уйти, куда захочетъ. Ошибка подобнаго взгляда богачей на свое положеніе оказалась, когда Государство добралось до Новгорода; тогда вышло, что богачи болѣе, чѣмъ бѣдный человѣкъ, прикрѣплены къ землѣ въ томъ обществѣ, гдѣ земля имѣетъ значеніе.

Въ половинѣ XV вѣка Новгородскій Князь былъ Московскимъ Государемъ, и былъ на столько силенъ самъ по себѣ, что

не могъ допускать, какъ дѣятельности ушкуйниковъ въ отношеніи къ его подданнымъ, такъ и того, чтобы нарушали его права, обижали его представителей, и что если Новгородцы обратятся къ нему за судомъ, то чтобы его рѣшенія теряли всякое значеніе, однимъ словомъ, такой Князь, которому трудно было указать путь изъ Новгорода. Когда Государство прижало Казаковъ къ морю, то имъ приходилось или перемѣнить свои общественные порядки, и при этомъ стать дѣйствительно независимыми отъ Государства, или подчиниться Государству; если Казаки не хотѣли ни того ни другаго, то имъ оставалось или бѣжать къ Невѣрнымъ, или, если можно, потряхуть Москвою. Казаки выбрали самое послѣднее; Новгородцы, когда Государству, въ началѣ его образованія, пришлось столкнуться съ ними, рѣшались предупредить дѣло точно такъ же, какъ и Казаки. Въ это время, какъ послѣ выразились фигурно Вѣчники, налетѣлъ на Новгородъ многокрылатый орелъ, исполнившій крылья львовыхъ когтей; Московскій Государь породнился съ Византією, рѣшился принять ея гербъ и, изъ новыхъ рукъ, на кого выпускали этого двухглавого орла, тому трудно было спастись, первый же, кто попалъ подъ его когти, былъ Новгородъ, а жителямъ этого города некуда было отъ него уйти, нельзя было съ мѣста двинуться, земля же подъ ними не разступалась, а въ верхъ не взлетѣть, оставалось одно — пасть со славою, попытаться потряхуть Москвою.

Для борьбы съ Государствомъ степные Казаки выставили Стеньку Разина, Булавина, Пугачева, но у Новгородцевъ, торговыхъ Казаковъ, не явился предводителемъ ни Атаманъ ушкуйниковъ, ни Посадникъ, ни служебный Князь, проникнутый понятіями удалыхъ Князей XII вѣка; говорятъ, заводчикомъ смуты была женщина, Марѳа Борецкая. Если это правда,³⁸ что женщина

---

³⁸ Значеніе Марфы Борецкой въ судьбѣ Новгорода не можетъ быть велико. Политическая ея дѣятельность извѣстна главное по Московскимъ источникамъ, между тѣмъ Псковская Лѣтопись не говоритъ ни чего о значеніи Борецкихъ, а Новгородская упоминаетъ только, что Борецкій казненъ вмѣстѣ съ другими. Самый же важнѣйшій источникъ для исторіи начала враждебныхъ отношеній Новгорода къ Москвѣ, это посланія Митрополита къ Новгородцамъ; во второмъ изъ нихъ, въ Мартѣ 1471 г., Митрополитъ придаетъ значеніе Борецкимъ, какъ важнымъ членамъ партіи, но все таки не главнымъ. Для Москвитей же вообще было

взялась бороться съ Государствомъ, стала на мѣстѣ Пугачевыхъ, Булавиныхъ и Разиныхъ, то противниковъ ея былъ не Польскій Король, какъ случилось у Хмельницкаго, а Московскій Государь, Иванъ III, этотъ достойный предшественникъ Алексѣя, Петра и Екатерины.

II.

Въ договорѣ Василя Васильевича съ Казимиромъ объ Новгородѣ и Псковѣ было постановлено, что Казимиру въ Новгородѣ Великій и Псковѣ не вступаться и не обидѣть; захотятъ они отдаться Королю, то ему ихъ не принимать; въ чемъ они Королю сгрубятъ, то онъ, обославшись съ Великимъ Княземъ, можетъ съ ними вѣдаться, а послѣднему тогда за нихъ не вступаться; Королю съ Новгородцами держать опричный миръ, и со Псковичами опричный миръ; если Псковичи и Новгородцы будутъ воевать между собою, то въ ихъ ссоры Королю не вступаться; если же въ чемъ Новгородцы и Псковичи сгрубятъ Великому Князю, и захочетъ онъ ихъ казнить, то Королю въ это дѣло не вступаться.³⁹ Здѣсь не поставлено, что въ послѣднемъ случаѣ Московскій Князь долженъ ли хотя обослаться объ этомъ съ Королемъ, и когда послѣ этого Василій Васильевичъ сказалъ Новгородцевъ, то въ мирномъ договорѣ съ ними ни чего особеннаго не упоминалось о Казимирѣ, а Новгородцы обязались держать честно и грозно великое Княженіе.⁴⁰ Но какъ смотрѣли Новгородцы послѣ этого на своего Великаго Князя, служить указаніемъ слѣдующій рассказъ лѣтописи, что когда онъ пріѣхалъ, въ 1460 году, въ Новгородъ съ двумя младшими своими сыновьями, Юріемъ и Андреемъ, то Новгородцы собрались на Вѣчѣ у Св. Софіи и совѣщались объ убійствѣ Великаго Князя вмѣстѣ съ дѣтьми, но Владыка Новгородскій, Іона, всталъ предъ заговорщиками и говорилъ: «Безумные люди! Если вы убьете Великаго Князя, то что этѣмъ пріобрѣтете? Этѣмъ только большую бѣду наведете на Новгородъ, по тому что старшій сынъ Великаго Князя, Иванъ, услышавши ваше злотореніе, тотчасъ же, испросивши рать у Царя, пойдетъ

странно видѣть, что въ Новгородѣ не только въ семействѣ, но и въ обществѣ можетъ играть важную роль женщина.

³⁹ Акт. З. Р. т. I, № 50.

⁴⁰ Акт. Арх. Эк. т. I, №№ 57 и 58.

на васъ и вывоюетъ всю вашу землю.» Въ 1462 году сѣлъ на Московскій престолъ Иванъ III, Новгородъ же «не исполнялъ стѣснительнаго договора съ Василиемъ Темнымъ, какъ и прежде это дѣлалось, что договоры этѣ оставались только на бумагѣ;» такъ говоритъ прославитель Новгородской слободы,⁴¹ но Иванъ III былъ на столько силенъ, что могъ потребовать исполненія договора.

Между тѣмъ въ Новгородѣ было все по старому и ничтожный случай могъ повести къ волненіямъ, нѣсколько своевольниковъ могли нарушить договоръ. Страхъ предъ Московскимъ могуществомъ заставлялъ Новгородцевъ опасаться за свою самостоятельность, и они въ каждомъ поступкѣ могли видѣть покушеніе на ихъ вольности. Но дѣло началось вскорѣ тѣмъ, что слабѣйшіе Вѣчники стали выдавать сильнѣйшихъ. Псковитяне отправили грамоту къ Великому Князю (въ 1463 году) съ челобитьемъ за помощь противъ Нѣмцевъ; при этомъ въ одной грамотѣ было написано: «хотѣли слать къ тебѣ, своему Государю, бить челомъ людей честныхъ, Посадниковъ Псковскихъ и Бояръ, да за тѣмъ не послали, что не пропуститъ ихъ Великій Новгородъ.» Великій Князь выказалъ удивленіе: «Какъ это вы того опаслись отъ моей отчины, Великаго Новгорода? какъ имъ не пропуститъ ко мнѣ пословъ, будучи у меня въ крестномъ цѣлованіи?» Но, кромѣ этой жалобы, Псковитяне въ это же время просили у Великаго Князя, чтобы онъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ бы Митрополиту поставить Владыку въ Псковъ и при томъ изъ Псковитянъ. Противъ этой просьбы былъ отвѣтъ: «Это дѣло великое, и мы объ немъ хотимъ съ своимъ отцомъ, Митрополитомъ, хорошенько подумать; онъ пошлетъ за нашими богомольцами, а за своими дѣтьми, Архіепископами и Епископами, и если можно то сдѣлать, то мы вамъ отвѣтимъ, когда будутъ у насъ ваши послы.» Спустя нѣкоторое время, послѣ вторичной просьбы Псковитянъ и послѣ думы съ Митрополитомъ, Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ Псковитянамъ относительно Епископа, что его поставить въ Псковъ нельзя, по тому что тамъ его искони не бывало. Такія просьбы и жалобы Псковитянъ были въ слѣдствіе того, что они находились въ ссорѣ съ Новго-

⁴¹ Сѣверно-Русскія народоправства т. I, стр. 159.

родцами. Иванъ Васильевичъ такъ отказалъ имъ о Владыкѣ, а о непускѣ къ нему Новгородцами пословъ, говорилъ: «Что моя отчина, Великій Новгородъ, вашъ братъ старѣишій, не пропустилъ ко мнѣ вашихъ пословъ, ино мнѣ было вельми досадно; но нынѣ ко мнѣ моя отчина, Великій Новгородъ, прислалъ своихъ пословъ, и жаловались мнѣ на васъ, мою отчину, о многихъ дѣлахъ, да просили у меня на васъ Воеводъ и хотѣли ити на васъ; я же Князь Великій, желая мира между вами и тишины, Воеводы имъ своего не далъ и ходить на васъ не велѣлъ; а что они не пропустили ко мнѣ вашего посла, то я на нихъ вельми помолвилъ, а они о томъ мнѣ били челомъ, и теперь вамъ путь чистъ по старому, чрезъ нашу отчину, Великій Новгородъ.» Псковитяне помирились съ Новгородцами, но въ 1468 и 69 годахъ опять подняли дѣло объ устройствѣ у себя болѣе самостоятельнаго церковнаго правленія. Теперь Новгородскій Архіепископъ, при помощи Великаго Князя и Митрополита, замялъ дѣло.⁴²

Но въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ стоялъ за старину въ Псковѣ, объ ней же онъ напоминалъ и въ Новгородѣ. Туда явилась грамота къ Архіепископу слѣдующаго содержанія: «Братъ нашъ, Казимиръ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, прежде присылалъ къ намъ пословъ, чтобы мы приняли его Митрополита, Григорія; а тебѣ извѣстно, откуда Григорій пришелъ и отъ кого поставленъ. А такъ какъ Святыми Отцами утверждено, чтобы намъ съ Латинами не соединяться, то по этому отецъ нашъ, еще когда Григорій появился, писалъ къ Королю, чтобы онъ не принималъ его, по тому что никогда на Руси отъ Рима не бывало Митрополитовъ, да и самое избраніе ихъ есть право Московскихъ Великихъ Князей; но Казимиръ Григорія принялъ и подчинилъ ему у себя Русскія церкви.» Въ слѣдствіе этого Великій Князь напоминалъ Архіепископу, чтобы онъ держался обѣщаній, данныхъ имъ при своемъ поставленіи, и удерживалъ бы своихъ духовныхъ дѣтей.⁴³ Причина такого посланія была та, что между Новгородцами явились люди, задумавшіе «ко тѣмъ невѣдѣніямъ приложиться и съ Латинами соединяться.»

⁴² П. С. Р. Л. т. 4, стр. 226 — 234.

⁴³ Ак. Арх. Эк. т. I, № 80.

Посланіе Митрополита къ Новгородцамъ въ 1471 году, а за нимъ лѣтопись разсказываютъ вины Новгородцевъ предъ Великимъ Княземъ слѣдующимъ образомъ: «Новгородцы возгордились, хвалились множествомъ своего народа и стали оказывать Великому Князю въ законныхъ дѣлахъ ослушаніе; они, забывши старины, дѣлѣ Великокняжескихъ въ отношеніи земли, не стали исполнять, а пошлинъ не отдавать, земли и воды, отъ которыхъ они отказались въ пользу Великаго Князя, за себя взяли, а людей къ цѣлованію привели на Новгородское имя; изъ Новгородскихъ волостей отчинѣ Великаго Князя и его братьи младшей и ихъ людямъ позволяли дѣлать всякія насилія, потомъ съ общаго Новгородскаго вѣча присылали на Городище многихъ людей, которые Намѣстниковъ Великаго Князя и его посла безчестовали; кромѣ того схватили на Городищѣ двухъ Князей и многихъ людей свели въ городъ и мучили за то, что были представителями имени Велякокняжескаго, и тѣмъ всѣмъ, говоритъ лѣтопись, Новгородцы грубили Великому Князю, держа у себя мысль отступить отъ Великаго Князя и задаться за Короля Латинскаго.» Какъ видно, этѣ вины были совершены въ теченіе не одного года. Далѣе, въ тѣхъ же источникахъ для исторіи этѣхъ событій, разсказывается, что благочестивый Государь нѣсколько разъ посылалъ своихъ пословъ въ Новгородъ, чтобы отчина его исправилась во всемъ, ни какого лиха не чинили, а жили бы по старинѣ, и Великій Князь отъ ихъ поступковъ терпѣлъ многія досады къ нему и непокорства, ожидая отъ нихъ къ себѣ чистаго исправленія и праваго челобитія. Подобныя неисправленія со стороны Новгородцевъ, при ихъ внутреннемъ устройствѣ, были въ сущности вещью обыкновенною, но, какъ видно, теперь въ Москвѣ не хотѣли ихъ считать такими. Новгородцы понимали это послѣднее, но помочь горю не могли, и вотъ пріѣхалъ изъ Новгорода посломъ къ Великому Князю Посадникъ, Василій Ананьинъ, и правилъ посольство о дѣлахъ земскихъ Новгородскихъ, не упоминая о томъ, что считали въ Москвѣ Новгородскими винами, и на вопросъ объ нихъ, отвѣчалъ Боярамъ: «О томъ Великій Новгородъ не мнѣ приказалъ, то мнѣ не наказано.» И Государю, Великому Князю, то вельми грубо стало, что они посылаютъ о своихъ дѣлахъ земскихъ, а объ своихъ винахъ не говорятъ; онъ положилъ на нихъ свой гнѣвъ и хотѣлъ на коня сѣсти, а съ Васи́лемъ

Ананьинымъ приказалъ Новгородцамъ сказать: «Исправьтесъ ко мнѣ, моя отчина, сознайтеся, а въ земли и воды мои, Великаго Князя, не вступайтеся, имя мое, Великаго Князя, держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ, Великому Князю, посылайте бить челомъ по dokonчанью, я же Васъ, свою отчину, хочу жаловать и въ старинѣ держу.» Съ этѣмъ Ананьинъ былъ отпущенъ Великимъ Княземъ, который возвѣщалъ своей отчинѣ, что ему уже не въ истерпѣ, что онъ болѣе терпѣть не хочетъ отъ нихъ ихъ досады и непокорства. ⁴⁴

Но въ Новгородѣ пошли въ своихъ дѣлахъ дальше; былъ отправленъ посолъ къ Королю Казимиру, чтобы онъ далъ Князя въ Новгородъ. Казимиръ далъ имъ Православнаго Князя, Михайла Олельковича. Этотъ Князь былъ принятъ въ Новгородѣ честно, но Новгородцы Намѣстниковъ Великаго Князя не сослали съ Города. Михайло Олельковичъ пріѣхалъ въ Новгородъ 8-го Ноября, 1470 года, и засталъ здѣсь всѣхъ въ волненіи. Кромѣ раздѣленія партій на Вѣчѣ, въ слѣдствіе отношенія къ Москвѣ, поводъ къ волненіямъ подавало то, что за два дни до пріѣзда Михайла Олельковича скончался Новгородскій Архіепископъ, Іона. По обычаю произведенъ былъ выборъ изъ трехъ кандидатовъ по жребію, и вынялся жребіемъ Священноинока Теофила. Также по старому обычаю отправили посла въ Москву объ опасѣ для нареченнаго Архіепископа, чтобы ѣхать ему къ Митрополиту на поставленіе. Опасныя грамоты были даны по старинѣ отъ Великаго Князя и Митрополита. Но въ это время партія, недовольная Московскимъ Великимъ Княземъ, задумала другое дѣло. Въ числѣ этой партіи были сыновья Посадника Борецкаго, руководимые своею матерью, Марѳою. Лѣтопись, которая говорила такъ согласно съ посланіемъ Митрополита, прибавляетъ, что Марѳа Борецкая, находясь въ единомыслію съ Михайломъ Олельковичемъ, присутствіе котораго въ Новгородѣ была грубость предъ Великимъ Княземъ, думала выйти за мужъ за Литовскаго Пана и, вмѣстѣ съ нимъ, отъ имени Короля, управлять Новгородомъ. Въ единомыслію съ Марѳою былъ чернецъ Пименъ, бывшій Ключникомъ Архіепископа Іоны и потомъ въ числѣ трехъ кандидатовъ на Архіепископію послѣ его

⁴⁴ Ак. Ист. т. I, № 280; II. С. Р. Л. т. 6, стр. 1 — 4.

смерти. Пименъ желалъ быть Новгородскимъ Архіепископомъ, но его жребій при выборѣ не вынялся, и онъ говорилъ послѣ этого: «Хотя меня на Кіевъ пошлите, и туда я на свое поставленіе ѣду.» Дѣлая такое предложеніе, Пименъ изъ Архіепископской казны много повынималъ золота и передавалъ его Марѣ Борецкой, для подкупка людей, чтобы тѣ помогали имъ. Преподобный же Священноинокъ Теофилъ останавливалъ Новгородскихъ людей отъ такихъ мыслей и говорилъ, что хочетъ ѣхать на поставленіе въ Москву. Но Пимену такъ дѣйствовать не удалось долго, и Псковская лѣтопись намъ рассказываетъ, что Пимена Новгородцы схватили, сильно избесчестовали, казну его разграбили и взыскали 1000 рублей.

Таково было состояніе дѣлъ въ Новгородѣ, и Московская лѣтопись рассказываетъ, что тамъ постоянно были шумныя вѣча, а когда явился туда посолъ, ѣздившій въ Москву, за опасною грамотою для нареченнаго Архіепископа, и объявилъ, что Великій Князь жалуетъ свою отчину и даетъ опасныя грамоты, то этому нареченный Владыка и многіе обрадовались, другіе же, приходя на Вѣче, кричали: «Не хотимъ зваться отчиною Великаго Князя, мы люди вольные, а Московской Великой Князь намъ обиды многіе чинить, хотимъ за Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, Казимира.» Противники подобныхъ рѣчей говорили: «Нельзя тому быть, чтобы за Короля отдаться и Архіепископа поставить въ Кіевѣ.» Въ этѣхъ спорахъ успѣху враговъ Великаго Князя помогло то, что когда въ Новгородѣ поднимались волненія, и Новгородцы не удовлетворяли требованій, шедшихъ изъ Москвы, то Великій Князь, пославъ въ Псковъ сказать: «Если мнѣ не добьютъ челомъ Новгородцы о моихъ старинахъ, тогда бы вы, моя отчина, Псковъ, послужили мнѣ, Великому Князю, на Великій Новгородъ за мои старины.» Это посольство пришло въ Псковъ, когда въ Новгородѣ пріѣхалъ Михайло Олельковичъ. Псковитяне, выслушавъ слова Великаго Князя, послали сказать въ Новгородъ: «Насъ Великій Князь поднимаетъ на васъ, а отъ васъ хочетъ себѣ челобитья, мы же за васъ, за свою братью, если вамъ нужно, готовы къ нему своего посла отправить и Великому Князю челомъ бить по миродокончальнымъ грамотамъ; а вы бы нашимъ посламъ дали путь чистъ къ Великому Князю по своей вотчинѣ.»

Въ слѣдствіе такого посольства на Новгородскомъ Вѣчѣ враги Великаго Князя взяли нѣкоторый верхъ; они кричали о томъ, что «Великій Князь даетъ опасныя грамоты для нашего нареченнаго Владыки, и въ то же время поднимаетъ на насъ Псковъ.» Псковитяне на свое предложеніе слышали слова: «Вашего посла къ Великому Князю поднимать не хотимъ, также не хотимъ и сами бить ему челомъ, а вы бы за насъ противъ Великаго Князя на конь сѣли, по своему съ нами миродокончанью.» Новгородскій посолъ получилъ въ Псковѣ отвѣтъ: «Какъ вамъ Князь Великій пришлетъ размынную грамоту, то намъ объявите, и мы подумаемъ о томъ, отвѣтъ дадимъ.»

На Псковъ Новгородцамъ было трудно надѣяться, и они, все идя впередъ въ своихъ дѣлахъ, наконецъ почти совсѣмъ отступили отъ Московскаго Великаго Князя къ Королю Казимиру. Казимиръ заключилъ съ вольными мужами, съ Великимъ Новгородомъ, договоръ, по которому обязывался держать Новгородъ по крестной грамотѣ: на Городищѣ держать Намѣстника Греческой вѣры; если пойдетъ на Великій Новгородъ Московскій Великій Князь, или его сынъ, или его братъ, или подниметъ онъ на Новгородъ какую землю, то Королю сѣсть на конь со всею Радою Литовскою и защищать; если Великій Князь пойдетъ на Великій Новгородъ во время отсутствія Короля изъ Литвы, то защищать его Радѣ Литовской; вѣры Греческой Король у Новгородцевъ не долженъ отнимать, церквей Римскихъ въ Новгородѣ и Новгородскихъ областяхъ не ставить; Новгородцы гдѣ захотятъ, тамъ и поставятъ своего Владыку; если умирить Король Великій Новгородъ съ Великимъ Княземъ, то взять ему за то черный боръ по волостямъ Новгородскимъ; держать Королю Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, по старинѣ и по крестной грамотѣ, и Король цѣлуется на ней крестъ за себя и за свою раду Литовскую.⁴⁵ Этотъ договоръ носилъ на себѣ, во первыхъ, печать всей неопредѣленности, какая была въ отношеніяхъ Новгорода къ Москвѣ; Новгородцы какъ бы увѣрены, что Московскій Великій Князь, за это отступленіе отъ него, непременно будетъ воевать съ ними, и нанимаютъ на свою защиту Короля, отъ котораго, впрочемъ, также могутъ отступить, когда

⁴⁵ Ак. Арх. Эк. т. I, № 87.

онѣ ихъ замирить съ Великимъ Княземъ; поддерживая Православіе, они оставляютъ лазейку, пожалуй, и въ пользу Литвы, по тому что могутъ поставить Владыку, гдѣ захотятъ. Говорятъ, что самое критическое время въ отношеніяхъ Московскаго Государства къ Польско-Литовскому было тогда, когда Новгородъ отдавался Казимиру, и помощи ему Казимиръ, то исторія Восточной Европы была бы совершенно другая; но Казимиръ промахнулся... Такъ говоритъ объ этомъ времени Г. Костомаровъ.⁴⁶ Но Поляки говорятъ еще, что если бы Ягайло ударилъ въ тылъ Донскому, когда тотъ сражался съ Мамаемъ, то тоже исторія Восточной Европы была бы другая. Но такъ какъ этѣхъ если бы въ исторіи каждаго народа бываетъ много, не только каждый годъ, но и каждый часъ, то объ этомъ не будемъ говорить, а скажемъ о другомъ. Какъ Казимиръ промахнулся, объ этомъ будетъ ниже, но главное то: отдавался ли Новгородъ Казимиру? Какъ сейчасъ изъ договора видѣли, Новгородъ оставлялъ за собою всѣ старины; но старинѣ онѣ перемѣнялъ у себя Князя, и панималъ его на свою защиту; послѣ онѣ могъ точно также перемѣнить и Казимира на Ивана III. Чтобы подчинить себѣ Новгородъ, Казимиру нужно было еще съ большими трудами точно также завоевать его, какъ завоевалъ Иванъ III; большіе труды онѣ долженъ бы былъ приложить по тому, что, кромѣ уничтоженія самостоятельности, нужно было уничтожить въ корнѣ Православіе, которое и при заключеніи послѣдняго договора, для всей массы народа было совершенно ограждено и выставлено на первый планъ. Нельзя смотрѣть на одинъ случай въ исторіи народа, какъ на главный въ его судьбѣ: если единовѣрный Московскій Государь долженъ былъ завоевать Новгородъ, то Католическому Польско-Литовскому Государю это нужно было сдѣлать тѣмъ болѣе: а завоевывала ли что ни будь прочно оружіемъ Польша со времени своего соединенія съ Литвою? До самыхъ раздѣловъ она только теряла и ничего прочно не приобрѣтала. Господинъ Костомаровъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что Московское Государство наступало на Литву въ силу самосохраненія; дѣйствительно, въ слѣдствіе оборонительныхъ завоеваній, начатыхъ изъ города Москвы, Восточная Европа превратилась въ Россійскую Имперію; въ описываемое же время,

⁴⁶ Вѣст. Евр. 1866 г., т. I, стр. 80.

въ силу этого же самосохраненія, Иванъ III былъ долженъ предупредить все, что можетъ произойти только изъ того, что хотя на время Литовскій Князь усядется въ Новгородѣ. Начинать борьбу съ Новгородомъ Ивану Васильевичу теперь было можно, по тому что онъ хорошо зналъ, что въ городѣ существуетъ полнѣйшій разладъ, вражда партій и чрезвычайно многіе стоятъ за союзъ съ Москвою; этотъ же разладъ увеличивается все болѣе и болѣе въ слѣдствіе посольствъ изъ Москвы.

Иванъ Васильевичъ прислалъ съ такимъ увѣщаніемъ къ Новгородцамъ: «Отчина моя, люди Новгородскіе! Изначала вы не отступали отъ нашего рода, а мы васъ жалуемъ и боронимъ; за Королемъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ вы никогда не бывали, я же надъ вами ни какой силы не чиню, болѣе того, что было при отцѣ и предкахъ; вы же отъ Православія не отступали бы и къ Латинству не прилѣплялись.» Въ началѣ 1471 года явилось уже посланіе отъ Митрополита: онъ, изложивъ всѣ обстоятельства неудовольствій Новгородцевъ на Великаго Князя, и оправдывая послѣдняго, что онъ требовалъ только исправленія Новгородцевъ по старинѣ и ихъ челобитья, и что послѣ посольства Ананьина онъ гнѣвъ на Новгородцевъ положилъ, но когда явился, за опасомъ для нареченнаго Архіепископа, Новгородской Бояринъ, то онъ, по челобитью его, Митрополита, и своей матери, гнѣвъ свой отложилъ и грамоту опасную далъ; Великій Князь — Православный Государь, говоритъ Митрополитъ, а ваши предки всегда были неотступны отъ его предковъ, теперь же вы хотите заложиться за Латинскаго Государя, такъ вспомните: царствующій градъ Константинополь попалъ въ руки Невѣрныхъ, когда Царь и Патріархъ соединились съ Латинянами; такъ и вы поберегите свои души и отъ Православнаго Государя не отступайте, въ церквахъ Божіихъ у васъ неподобной новины не бывало бы: на эктеніяхъ имя Государя иной вѣры, не Православной, не поминалось бы.» ⁴⁷

Читая подобныя посланія и слушая посольства Великаго Князя, приверженцы Москвы прямо указывали, что, ссорясь съ Великимъ Княземъ, Новгородцы навлекутъ на себя войну, которой

⁴⁷ Ак. Ист. т. I, № 280.

не было, а соединеніе съ Литвою есть связь съ Латинствомъ. По этому волненія продолжались и Вѣча не прекращались въ Новгородѣ; Литовская партія нанимала мужиковъ Вѣчниковъ и не хотѣла слушать ни посла Митрополита, ни посла Великаго Князя, толкуя то, что Новгородъ самъ себѣ Государь; такъ говоритъ Московская лѣтопись.⁴⁸ Такъ дѣло шло до Марта мѣсяца, когда Князь Михайло Олельковичъ поѣхалъ изъ Новгорода къ себѣ въ Кіевъ. Псковскій лѣтописецъ рассказываетъ о томъ, что пребываніе Михайла Олельковича въ Новгородѣ обошлось очень дорого Новгородцамъ, какъ относительно кормовъ, такъ и даровъ, и что онъ когда ѣхалъ изъ Новгорода, то въ Русѣ пограбилъ оброки, да отъ Русы до Литовскаго рубежа воевалъ области, захватывая не только имущество, но и жителей въ плѣнъ, и все это привелъ съ собою въ Литву. Къ этому разсказу тотъ же лѣтописецъ прибавляетъ о Новгородцахъ: «Все это они дѣлаютъ, не исполняя старинъ въ отношеніи къ своимъ Государямъ, Великимъ Князьямъ, а помощи себѣ требуютъ отъ Литовскихъ Князей и отъ самаго Короля, и тѣмъ подвергаютъ себя такимъ убыткамъ, а отъ Великаго Князя не милосердіе и великую нелюбовь сами наводятъ на себя и на свои волости кровопролитіе.»

Въ концѣ Марта изъ Москвы было отправлено еще посланіе Митрополита въ Новгородъ. Въ посланіи говорилось, что, послѣ дачи опасныхъ грамотъ и его Митрополичьяго перваго посланія, «Новгородцы великое земское дѣло отложили и по опаснымъ грамотамъ не пріѣхали; теперь мы слышимъ, что у васъ въ молодыхъ людяхъ, которые не навыкли доброй старинѣ, какъ стоять и поборать по Благочестію, а иные изъ нихъ, не имѣя добраго наученія своихъ отцовъ, благочестивыхъ родителей, по тому что по смерти ихъ остались ненаученными, собираются въ сонмы и стремятся на многія дѣла и великое землѣ неустроеніе: не тишину, а великій мятежъ, думая ввести и расколъ въ Церкви, оставивши Православіе и старину, приступить къ Латинянамъ. Ты, нареченный Владыка, ничего ко мнѣ объ этомъ не пишешь, а вы, старые Посадники и

---

⁴⁸ Г. Костомаровъ говоритъ, по этому поводу что послы Великокняжескіе возвратились со срамомъ. Изъ словъ, въ добавокъ, Московской лѣтописи этого ничего не видно; но если дѣлать предположенія, то можно думать и то, что сторошники Москвы, при отъѣздѣ пословъ, поднесли имъ подарки и т. п.

Тысяцкіе, Бояре и купцы, и весь Новгородъ, Православіе поберегите и старшіе молодыхъ научите, а лихихъ остановите.»⁴⁹ Но ни это вторичное посланіе Митрополита, ни посылка о томъ же Великаго Князя не вели ни къ чему, и въ Новгородѣ стояла смута. Партіи, какъ видно, боролись, но окончательнаго верха никто не бралъ изъ нихъ. Московская лѣтопись говоритъ, что нареченный Архіепископъ хотѣхъ сдерживать волненія, но ничего не могъ сдѣлать, и по этому даже хотѣлъ уйти обратно въ монастырь, но его не пустили.

Новгородцы шумѣли на Вѣчѣ, но ничего не предпринимали, Иванъ же Васильевичъ рѣшился начать дѣло. Онъ послалъ въ Новгородъ складную грамоту, прописавши въ ней неправды и измѣны Новгородцевъ къ нему и объявляя, что самъ идетъ на нихъ ратями. Предъ посылкой разметной грамоты, Иванъ Васильевичъ совѣтовался съ братьями, Боярами и другими лицами, ити ли на Новгородъ ратью лѣтомъ, или отложить походъ до зимы. Рѣшено было выступить лѣтомъ. Вопросъ о времени похода былъ весьма важенъ, по тому что Новгородъ лѣтомъ считалъ себя безопаснымъ отъ нашествія враговъ, такъ какъ былъ закрытъ почти со всѣхъ сторонъ рѣками, озерами и болотами, непроходимыми лѣтомъ. Преніе Великіе Князья когда ходили на Новгородъ лѣтомъ, то теряли много людей; однако же рѣшено было ити лѣтомъ. Къ этому принуждали два обстоятельство: во первыхъ, въ Москвѣ на вѣрное знали, что у Казимира было дѣло на Западѣ, а именно, избраніе его сына на Чешскій престолъ. Второе, что заставляло ити на Новгородъ лѣтомъ, это отношенія Ивана Васильевича къ степнякамъ. Видно, что Иванъ Васильевичъ въ этотъ годъ находился въ мирныхъ отношеніяхъ къ Золотой Ордѣ; однако, въ лѣтописи записано, что Казимиръ, еще въ концѣ 1470 года, послалъ къ Царю Ахмату своего Татарина, Кирея Криваго, со многими рѣчьми и обговорами на Великаго Князя. Кирей предлагалъ дары Царю и его Князьямъ и челомъ билъ отъ Короля, чтобы вольный Царь пожаловалъ пошелъ на Московскаго Великаго Князя со всею своею ордою, а Король пойдетъ со всею своею землею. Татарскій

---

⁴⁹ Ак. Ист. т. I, № 281.

Князь, Темиръ, и другіе Князья стояли за Королевское дѣло, но Царь продержалъ Кирея до осени 1471 года и отпустилъ его къ Королю ни съ чѣмъ, Лѣтописецъ говоритъ по этому случаю, что не сбылась мысль окаянныхъ, а Царь сдѣлалъ это ради своихъ зацѣпокъ. Но можно предположить, что и Ивану Васильевичу этѣ зацѣпки чего ни будь да стояли.

Пославши въ Новгородъ разметныя грамоты, Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ братьями, приготавливался къ походу и въ то же время послалъ въ Тверь къ Великому Князю, Михайлу Борисовичу, прося помощи на Новгородъ, а въ Псковъ отправилъ своего Дьяка сказать, чтобы Псковитяне сажались на конь, шли бы на своего брата, Великій Новгородъ, и послали бы туда разметныя грамоты. Дьякъ требовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они скорѣе сажались на конь и шли бы съ нимъ въ землю Великаго Новгорода воевать. Псковитяне обѣщались, что пойдутъ, какъ только услышатъ, что рать Великаго Князя въ Новгородскихъ земляхъ. Въ то самое время, когда въ Псковѣ былъ Московскій посолъ, Новгородцы прислали къ Псковитянамъ своего незначительнаго Боярина, Подвойскаго, и не съ поклономъ, не съ челобитьемъ, но гордо говоря: «Врекаетесь ли пособить намъ противъ Великаго Князя?» Псковитяне подумали и, положивъ упованіе на Бога по здоровью Великаго Князя, послали въ Новгородъ разметную грамоту. Этѣ событія были въ концѣ Мая и началѣ Іюня, 1471 года.⁵⁰

Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ дѣлалъ распоряженія къ походу: 31 Мая, отправилъ войска въ Двинскую землю и на Вятку,⁵¹ 6-го Іюня были отправлены Воеводы, Князь Данило Холмскій и Ѳедоръ Давидовичъ, съ войсками Великаго Князя и дѣтьми Боярскими Князей Юрія и Бориса Васильевичей; Воеводамъ приказано было ити къ Русѣ; 13-го Іюня былъ посланъ Князь Василій Оболенскій-Стрига съ войсками Великаго Князя и многими Татарами Царевича Дарьяна; имъ было приказано ити къ Вышнему Волочку, а потомъ по Мстѣ. Князь Андрей Васильевичъ Большой

⁵⁰ П. С. Р. Л. т. 5, стр. 35 и 36; т. 4, стр. 239 и 240.

⁵¹ Съ этого мѣста въ лѣтописи записанъ разрядъ похода. Здѣсь же я не повторяю широкаго описанія лѣтописца о томъ, какъ Иванъ Васильевичъ ходилъ по соборамъ и молился.

и сынъ Великаго Князя, Иванъ, остались охранять Москву; другимъ своимъ братьямъ и Князю Михайлу Андреевичу Верейскому Великій Князь приказалъ ити съ своихъ вотчинъ разными дорогами къ Новгороду. 20 Юня выступилъ самъ Иванъ Васильевичъ съ главною ратью. Всѣмъ войскамъ дозволено было въ Новгородскихъ земляхъ воевать, жечь, сѣчь и въ плѣнъ вести; ограничены въ подобныхъ дѣйствіяхъ только Татары. Войска какъ только вступили въ Новгородскія владѣнія, то и начали приводить въ исполненіе данное имъ дозволеніе. Кромѣ войска, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ поражать еще другимъ оружіемъ: онъ взялъ у своей матери Дьяка, Степана Бородатаго, который хорошо зналъ лѣтописи, и по этому, когда придутъ къ Великому Князю Новгородцы, долженъ былъ имъ говорить по лѣтописямъ, какъ они измѣняли предкамъ Великаго Князя. ⁵²

Въ Торжкѣ пристали къ Великому Князю войска Тверскія, для помощи противъ Новгорода; здѣсь же встрѣтили Великаго Князя, ѣхавшіе къ нему, Псковскіе послы съ извѣстіемъ, что Псковитяне сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе и всѣ готовы къ войнѣ; Великій Князь отпустилъ пословъ съ приказомъ, чтобы Псковитяне шли немедленно воевать. Но еще прежде чѣмъ Псковскіе послы пріѣхали изъ Торжка домой, въ Петровъ день (29 Юня) въ Псковъ пріѣхалъ съ дружиною, во 100 человекъ, Бояринъ Зиновьевъ; онъ былъ отпущенъ Княземъ Холмскимъ изъ Руси. Зиновьевъ говорилъ, чтобы Псковитяне садились на конь, по тому что онъ отпущенъ къ нимъ Великимъ Княземъ въ Воеводы, а рати Великаго Князя уже Русу извоевали и пожгли, а Великому Князю въ самый Петровъ день быть въ Торжкѣ. Какъ доказательство начала войны, Зиновьевъ привелъ 300 лошадей Новгородскаго плѣну, и всѣхъ ихъ распродалъ Псковитянамъ. Псковитяне начали собираться, и 10 Юля выступили изъ своего города; 12 Юля къ нимъ пріѣхали и послы, ѣздившіе къ Великому Князю и отпущенные имъ изъ Торжка, а съ ними Бояринъ Кузьма Коробѣинъ съ 150 человекъ. Коробѣинъ говорилъ: «Великій Князь въ Петровъ день былъ въ Торжкѣ, а на вторую недѣлю быть ему въ Русѣ, и вы бы, по его наказу, выступали въ Ильинъ

⁵² Ист. Р. т. 5, пр. 11.

день (20 Июля), или не болѣе, какъ недѣлю спустя.» Но Псковитяне въ этотъ же самый день (12 Июля) начали воевать Новгородскія волости.

До сихъ поръ мы имѣли источникомъ, для описанія ссоры Новгорода съ Великимъ Княземъ, Московскія офиціальныя бумаги и лѣтописи Псковскую и Московскую. Въ Новгородскихъ же лѣтописяхъ ничего не говорится объ этѣхъ предшествующихъ войнѣ событіяхъ. Если не утрачены вполне въ Новгородскихъ лѣтописяхъ извѣстія ихъ объ этой войнѣ, то описаніе собственно событий войны, помѣщенное въ лѣтописи, носящей названіе Новгородской четвертой,⁵³ начинается именно такъ, какъ могъ описывать ихъ Новгородецъ. Въ этой лѣтописи вся причина войны выставляется только гнѣвъ Великаго Князя, а по чему этотъ гнѣвъ появился, Новгородцу было трудно объяснить самому себѣ, такъ какъ то, что вызвало гнѣвъ, это совершалось постоянно въ Новгородѣ и естественно выходило изъ всего устройства общественной его жизни. Но описаніе Новгородской лѣтописи подтверждаетъ то, что говорятъ Московскія лѣтописи о внутреннемъ состояніи Новгорода въ это время, т. е. что тамъ всѣ были въ ссорѣ и каждый дѣйствовалъ такъ, какъ думалъ. Такъ когда Новгородцамъ нужно было защищать самихъ себя отъ наступавшихъ на нихъ враговъ, то нареченный Новгородскій Архіепископъ приказалъ своему полку, чтобы онъ сражался только съ Псковитянами, а на войско Великаго Князя рукъ не поднималъ бы. Въ Московской лѣтописи говорится, что Новгородское войско было составлено изъ плотниковъ, гончаровъ и тому подобныхъ лицъ, которые отъ своего рожденія на лошади не бывали, но теперь были выгнаты на войну силою. Новгородская же лѣтопись подтверждаетъ это тѣмъ, что рассказываетъ, какъ во время битвы этѣ ремесленники стали кричать выгнавшимъ ихъ: «Я человекъ молодой, испотерялся конемъ и доспѣхами.» Таково было состояніе Новгорода въ то время, когда нужно было воевать; но лица, затѣявшія все это дѣло, надѣялись на Короля Казимира. Къ нему былъ отправленъ посолъ съ извѣстіемъ, что пришло время исполнить договоръ и Король сядетъ бы на конь

---

⁵³ П. С. Р. Л. т. 4, стр. 127—129.

для защиты Новгорода. Этотъ посолъ поѣхалъ въ объѣздъ чрезъ Ливонію, но долженъ былъ возвратиться назадъ, по тому что Магистръ не далъ пути чрезъ свои земли въ Литву.

Между тѣмъ Московскія войска шли безпрепятственно по Новгородскимъ землямъ, опустошая все на пути. Лѣто было жаркое, болота просохли, и по этому не мѣшали движеніямъ Москвичей. Переднія войска, подъ начальствомъ Князя Холмскаго и Федора Давидовича, дошли до Русы, сожгли городъ и опустошили окрестныя мѣста. Отсюда они пошли къ Коростыню. Здѣсь, на берегъ Ильменя, высадились Новгородцы и тихонько подошли къ станамъ Московскихъ войскъ, но сторожа предупредила во время, и войска успѣли вооружиться, бросились на Новгородцевъ, разбили ихъ и многихъ захватили въ плѣнъ. У плѣнныхъ обрѣзывали носы и губы и въ такомъ видѣ отпускали въ Новгородъ, dospѣхи съ плѣнныхъ снимали, но себѣ ихъ Москвичи не брали, такъ какъ не нуждались въ нихъ, а бросали въ воду, или жгли. Въ тотъ же день пришла другая Новгородская рать къ Русѣ, но Воеводы бросились на нее, побили и послали съ извѣстіемъ о побѣдѣ къ Великому Князю. Воеводы пошли отъ Русы къ Демону городку, но Великій Князь приказалъ имъ ити за рѣку Шелонь, соединиться съ Псковитянами, а подъ Демономъ велѣлъ стоять Князю Михайлу [Андреевичу] Верейскому съ сыномъ. Такъ какъ къ Шелони шли Псковитяне, то Новгородцы, услышавши это, выслали Воеводъ съ войсками. Въ числѣ Воеводъ былъ Дмитрій Борецкій, сынъ Марѣи. Войскъ Новгородскихъ насчитывали около 40,000; въ числѣ ихъ находился полкъ Архіепископа, а составлены они были такъ, какъ выше сказано. По этому можно судить, на чьей сторонѣ должна была быть побѣда, когда Новгородцы, вмѣсто Псковитянъ, встрѣтили войска Князя Холмскаго. Враговъ раздѣляла рѣка и они ѣхали по берегамъ другъ противъ друга. Московскія войска вдругъ бросились въ рѣку и переправились чрезъ нее. Новгородцы были разбиты и Воеводы ихъ попались въ плѣнъ. Это было 14 Іюля, а 18 въ Яжлобицы прискакалъ отъ Воеводъ гонецъ къ Великому Князю, объявляя, что Богъ Воеводамъ помогъ: они рать Новгородскую побили. ⁵⁴ Послѣ этого пріѣхалъ къ Великому Князю

⁵⁴ Московскій лѣтописецъ, при описаніи Шелонской битвы, хотѣлъ, какъ видно,

изъ Пскова Посадникъ, извѣщая, что Псковитяне вошли въ Новгородскія земли и воюють ихъ. Въ это время Великій Князь придвигался съ своей ратью къ Русѣ, и 24 Юля былъ тамъ. Съ дороги къ Русѣ онъ отпустилъ въ Новгородъ присланнаго къ нему отъ Архіепископа и всего Новгорода за опасомъ.

По мѣрѣ дальнѣйшаго вступленія Великокняжескихъ войскъ въ Новгородскія земли, для Новгородцевъ зло войны все болѣе и болѣе увеличивалось; разореніе земель простиралось даже до Наровы. Въ Новгородѣ же и послѣ Шелонскаго пораженія по прежнему спорили на Вѣчѣ, и одни хотѣли быть за Королемъ, другіе за Великимъ Княземъ. На случай осады, около города были выжжены посады, при чемъ многіе, находившіеся тамъ церкви и монастыри, обгорѣли; множество сторожей занимали стѣны и перемѣнялись день и ночь. Много было пагубы Новгородцамъ, но наконецъ наступило горе особеннаго рода: вздорожалъ хлѣбъ и не было ржи на рынкѣ; былъ только пшеничный хлѣбъ, да и тотъ въ недостаткѣ. Теперь на лучшихъ людей встали меньшіе, упрекая ихъ въ томъ, что они привели Великаго Князя на Новгородъ. Дѣйствія Ивана Васильевича еще болѣе увеличивали эту вражду меньшихъ людей къ лучшимъ. Когда онъ пришелъ въ Русу, то, узнавъ о волненіяхъ, продолжавшихся въ Новгородѣ, велѣлъ казнить четырехъ Новгородскихъ Воеводъ, взятыхъ въ плѣнъ на Шелони; имъ была объявлена такая причина казни: «Вы хотѣли за Короля отдаться.» Доказательство ихъ передачи Королю было въ рукахъ Ивана Васильевича, по тому что Московскіе Воеводы, во время побѣды при Шелони, захватили договорную грамоту Новгородцевъ съ Казимиромъ и даже человѣка, который ее писалъ. Другихъ плѣненныхъ Новгородскихъ Воеводъ Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Москву и Коломну, гдѣ и велѣлъ посадить ихъ въ тамошнія темницы. Такъ Иванъ Васильевичъ поступалъ съ Воеводами, меньшихъ же людей онъ отпускалъ въ Новгородъ, гдѣ, такимъ образомъ, увеличивалось число голодныхъ и недовольныхъ войною.⁵⁵ Явилась въ Новгородѣ и явная измѣна:

сравнить ее съ Донской битвой, и употреблялъ, гдѣ можно, тѣ же выраженія, какія употребляются въ Лѣтописи при описаніи побѣды надъ Мамаемъ.

⁵⁵ Что же касается того, какъ говоритъ Г. Костомаровъ, что «Марѳа Борецкая,

перевѣтникъ Упадышъ былъ казненъ за то, что пушки заколачивалъ желѣзомъ.

Все это повело наконецъ къ тому, что когда, 27 Іюля, Иванъ Васильевичъ сталъ съ своимъ войскомъ на устьѣ Шелони, а Псковитяне приближались къ Новгороду съ другой стороны, то въ Шелонской станъ явился нареченный Архіепископъ, Теофилъ, съ Посадниками, Тысяцкими и житыми людьми отъ всѣхъ концовъ Новгородскихъ. До 11 Августа продолжались челобитныя Новгородскихъ пословъ о мирѣ, какъ самихъ лично, такъ и чрезъ братьевъ Великаго Князя и Бояръ. Сначала Иванъ Васильевичъ приказалъ прекратить войну въ Новгородскихъ земляхъ, а потомъ согласился написать договорныя грамоты, показывая, что это дѣлаетъ въ слѣдствіе всеобщаго ходатайства и увѣщанія Митрополита, который еще на пути къ Новгороду прислалъ къ нему грамоту о милосердіи къ Новгородцамъ, если они покаются и будутъ бить челомъ о своихъ проступкахъ.⁵⁶ Великій Князь обѣщалъ сложить гнѣвъ къ Новгороду, а жалующихся лиходѣевъ на Владыку, Посадника и Тысяцкаго не слушать; Великій Князь отпускалъ плѣнныхъ безъ окупа и обѣщался держать Новгородъ по старинѣ, а все, что случилось во время войны, предавалось забвенію; Новгородцы обязывались за Короля и Великаго Князя Литовскаго не отдаваться ни которою хитростію и быть неотступными отъ Великихъ Князей; Князей изъ Литвы ни въ Новгородъ, ни въ пригороды не принимать и не просить; лиходѣевъ Великихъ Князей, которые есть и которые могутъ быть, въ Новгородъ не принимать; Владыку избирать по старинѣ, но не ставить нигдѣ въ иномъ мѣстѣ, а только въ Москвѣ, у гроба Чудотворца Петра и у Митрополита, который будетъ у Великихъ Князей.⁵⁷

Послѣ заключенія договора Великій Князь почтилъ Владыку и Новгородскихъ пословъ и отпустилъ ихъ домой, а въ слѣдъ за ними послалъ своего Боярина приводить Новгородцевъ къ крест-

---

не обращая вниманія на собственное материнское горе, ободряла народъ», то это кажется рѣшительно ни чѣмъ не подтверждается.

⁵⁶ Ак. Ист. т. I, № 282.

⁵⁷ Ак. Арх. Эк. т. I, № 91.

ному цѣлованію на договорѣ. Побѣдители возвращались домой съ прибылью. Кромѣ многихъ земельныхъ уступокъ, Новгородцы заплатили Великому Князю за свою проступу 15,000 рублей; братья Великаго Князя и Бояре были обогащены подарками за ходатайство о мирѣ, дружины же ихъ въ продолженіи войны производили страшный грабежъ, и теперь все награбленное оставили за собой. На возвратномъ пути въ Москву, Иванъ Васильевичъ получилъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Новгородцами своихъ войскъ на Двинѣ. Въ празднованіе Новаго Года (1-го Сентября) Иванъ Васильевичъ съ торжествомъ вступилъ въ Москву. Съ такимъ же прибиткомъ и торжествомъ возвратились домой и Псковитяне. Ихъ Великій Князь примирилъ съ Новгородцами по старинѣ, на всей Псковской волѣ, и даже больше того, чего хотѣли сами Псковитяне.

Что было на радость побѣдителей, то на печаль побѣжденнымъ. То же извѣстіе о Двинскихъ событіяхъ, которое радовало Москвичей, пришло и въ Новгородъ. Земля Новгородская была извоевана, а тутъ еще нужно платить огромнѣйшій окупъ за свою проступу. Кромѣ естественныхъ послѣдствій войны, были также несчастія: жители Русы, возвращаясь изъ Новгорода въ свой сожженный городъ въ судахъ Ильменемъ, въ слѣдствіе бури, потонули въ большомъ количествѣ. Въ Декабрѣ 1471 г. пріѣхало изъ Новгорода въ Москву посольство; въ числѣ пословъ былъ нареченный Архіепископъ, пріѣхавшій для посвященія къ Митрополиту; онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ послами, просить Великаго Князя объ отпускѣ тѣхъ плѣнныхъ, которые еще сидѣли въ Московскихъ темницахъ. Посвященіе Владыки совершилось 15 Декабря, относительно же плѣнныхъ Великій Князь принялъ челобитье и отпустилъ ихъ въ Новгородъ.

III.

Новгородъ былъ такъ разгромленъ, что не скоро могъ оправиться и, не смотря на свое устройство, не былъ въ состояніи скоро, дѣлами своихъ жителей, задѣть интересы Великаго Князя. Однако жъ Новгородскіе порядки вели къ тому, что хотя не сильныхъ сосѣдей, но все таки они задѣвали. Въ Сентябрѣ 1475

года скопились Новгородскіе Боярскіе ключники и ночью разбоемъ бросились на Псковскую волость Гостятино; Псковитяне успѣли собраться, отбили грабителей, нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣли захватить въ плѣнъ и повѣсили, другіе же разбѣжались. Такъ было извѣстѣ; внутреннія же ссоры Новгородцевъ заставили Великаго Князя вмѣшаться во внутреннія дѣла ихъ общины, и такимъ образомъ дали возможность, и то чрезъ четыре года, сдѣлать еще наступательный шагъ противъ Новгородскаго самоуправленія. Вскорѣ за нападеніемъ Новгородцевъ на Псковскую волость, 22 Октября, Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы со многою свитою и многими людьми въ Великій Новгородъ. Поѣхалъ онъ туда миромъ на судъ и управу, а призывали его, говоритъ Псковскій лѣтописецъ, какъ бѣдные люди, такъ и богатые, по тому что Посадники и великіе Бояре позволяли себѣ обижать другихъ, а судить ихъ никто не имѣлъ силы. Все это происходило отъ того, что Новгородская земля, говоритъ другой лѣтописецъ, много лѣтъ жила въ своей волѣ, о Великихъ Князяхъ не заботилась и ихъ не слушалась; много въ этой землѣ было зла, происходили между ними убійства, грабежи, напрасное разореніе домовъ, каждый обижалъ того, котораго былъ сильнѣе. 5 Ноября на Волокѣ Ламскомъ встрѣтили Великаго Князя Новгородскіе жалобники на своихъ же Новгородцевъ; здѣсь же встрѣтилъ отъ Владыки Θεофила посолъ съ поминками. 16 Ноября опять встрѣтили Великаго Князя жалобники многіе. Иванъ Васильевичъ ѣхалъ въ Новгородъ медленно, на каждомъ стану была ему встрѣча съ подарками; встрѣчали вмѣстѣ и друзья и враги; наконецъ, 21 Ноября, онъ въѣхалъ на Городище.

22-го Ноября Владыка, Степенный Посадникъ, Василій Ананьинъ, старые Посадники, Тысяцкіе и Бояре Новгородскіе, были на обѣдѣ у Великаго Князя. Въ этотъ же день многіе Новгородскіе жалобники и всякіе люди, даже изъ ближнихъ Новгородскихъ мѣстъ, пришли бить челомъ Великому Князю: одни просить Приставовъ, чтобы не быть грабленными отъ воиновъ Великаго Князя, другіе съ жалобами на свою братью Новгородцевъ, каждый о своемъ управленіи. 23 Ноября Иванъ Васильевичъ объявилъ, что будетъ у обѣдни у Св. Софіи. Архіепископъ съ духовенствомъ, какъ указано было Великимъ Княземъ, встрѣтилъ его

съ крестами; послѣ обѣдни былъ пиръ у Владыки, на которомъ присутствовалъ Великій Князь; послѣ пира онъ отправился къ себѣ на Городище. 24 числа начали приходить Новгородцы на Городище, одни, чтобы поднести дары Великому Князю, другіе видѣть его, но въ числѣ приходившихъ было много жалобниковъ. Наконецъ, 25 числа, въ присутствіи Владыки, многихъ Посадниковъ и Бояръ Новгородскихъ, явилось множество Новгородцевъ, двѣ улицы, Славкова и Никитина; жаловались они на Степеннаго Посадника, Василья Ананьина, Ѳедора Борецкаго, Богдана Есипова, Ивана Лошинскаго и многихъ старыхъ Посадниковъ и Бояръ, что они со многими людьми напали на тѣ двѣ улицы, людей переграбили, многихъ до смерти убили, а животныхъ людскихъ взяли на 1000 рублей. Въ тотъ же день явились другіе важные жалобники, Бояре братья Полиарьины; жалоба ихъ была схожа съ предыдущей и состояла въ томъ, что нѣсколько Бояръ, въ томъ числѣ были и изъ тѣхъ, на которыхъ жаловались улицы Славкова и Никитина, наѣхали на дворъ Бояръ Полиарьиныхъ, людей ихъ перебили, а животныхъ взяли на 500 рублей. Выслушавъ жалобы, Великій Князь далъ жалобникамъ Приставовъ на тѣхъ, на которыхъ они жаловались, и при этомъ обратился къ Владыкѣ и Посадникамъ съ слѣдующими словами: «Скажите нашей отчинѣ, Великому Новгороду, чтобы дали на тѣхъ сильниковъ Приставовъ, какъ и я далъ, по тому что хочу я это дѣло разсмотрѣть и дать обиженнымъ управу, а ты, богомолецъ нашъ, и вы Посадники, будьте у меня тогда!» Тогда же послалъ Великій Князь своихъ Бояръ въ Новгородъ, чтобы даны были Приставы на тѣхъ обидящихъ. Приставы Новгородскіе, вмѣстѣ съ Великокняжескими, объявили отвѣтчикамъ, чтобы стали они на утро предъ Великимъ Княземъ. На утро обиженные и обидчики стали на Городищѣ и начался судъ. Великій Князь обыскавши, жалобниковъ оправилъ, а тѣхъ, которые находили, били и грабили, обвинилъ. Василья Ананьина, Ѳедора Исакова, Ивана Лошинскаго, Богдана Есипова, Великій Князь велѣлъ поимать своимъ Приставамъ, а товарищей ихъ всѣхъ отдалъ за крѣпкіе поруки въ истцевыхъ 1500 рублехъ; ихъ взялъ на поруки Архіепископъ. Тогда же Великій Князь выслалъ отъ себя воиъ Ивана Аѳанасьева и его сына, а велѣлъ онъ ихъ поимать за то, что они мыслили Великому Новгороду отдаться за Короля. При этомъ нужно замѣтить,

что двое другихъ Бояръ Аѳанасьевыхъ были въ числѣ осужденныхъ за грабежъ улицъ Славковой и Никитиной.

Этотъ судъ былъ въ Воскресенье, а во Вторникъ Посадники и Владыка явились на Городище бить челомъ Великому Князю отъ Великаго Новгорода о пойманныхъ Боярахъ, чтобъ пожаловалъ, смиловался, казни имъ отдалъ и отпустилъ бы на поруки. Челобитье не было принято, и Великій Князь отвѣчалъ: «Вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько отъ тѣхъ Бояръ и напередъ сего лиха чинилось, а нынѣ то, что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, то все отъ нихъ чинится: ино какъ мнѣ за то ихъ лихо жаловать?» Въ этотъ же день всѣ этѣ шестеро Бояръ были отправлены въ оковахъ въ Москву съ Приставами Великаго Князя. 1-го Декабря, въ Пятницу, Владыка съ Посадниками, Тысяцкими, многими Боярами и житѣими людьми явились на Городищѣ бить челомъ Великому Князю отъ Великаго Новгорода о взятыхъ Владыкою на поруки, чтобы Великій Князь пожаловалъ, казни имъ отдалъ и велѣлъ бы взыскать съ нихъ пошлины по суду и истцевы убытки. Это челобитье было принято и съ виновныхъ взыскано, что слѣдовало.

Съ 4-го Декабря въ Новгородѣ шли пиры для Великаго Князя. 26 Генваря Иванъ Васильевичъ поѣхалъ изъ Новгорода и 8-го Феврала прибылъ въ Москву. Дорого обошлось Новгороду это посѣщеніе его Иваномъ Васильевичемъ. Псковскій лѣтописецъ говоритъ объ этомъ въ такомъ смыслѣ: «Былъ Великій Князь въ Новгородѣ девять недѣль полныхъ, самъ стоялъ на Городищѣ, а сила его по всѣмъ монастырямъ, по обѣ стороны около всего Великаго Новгорода; отъ нихъ, т. е., отъ свиты, было много насилій, много Христіанъ пограблено по дорогамъ, по селамъ, по монастырямъ; также Владыкѣ, Посадникамъ и всему Новгороду кормами, дарами и всякимъ удовлетвореніемъ убытка нанесено числа и края нѣтъ, — сколько золота и серебра повывезено отъ нихъ!» Новгородскій лѣтописецъ говоритъ о слѣдствіяхъ этого посѣщенія, что «было Новгороду много убытка съ кровію.»

31-го Марта пріѣхалъ въ Москву Владыка съ Посадниками и многими житѣими людьми бить челомъ объ отпущкѣ пойманныхъ Бояръ, которые были уже разосланы въ Коломну и Муромъ. Пріѣхавъ

шіе привезли съ собою много даровъ; для нихъ въ Москвѣ были пиры, но Великій Князь не отпустилъ ни кого по ихъ прошенью, и они 7-го Апрѣля поѣхали назадъ въ Новгородъ. Въ теченіи слѣдующаго года между Москвой и Новгородомъ происходило что-то важное. Московская лѣтопись говоритъ, что Иванъ Васильевичъ привелъ Новгородцевъ къ тому, что они забыли старый порядокъ о томъ, что, кромѣ Новгорода, Новгородецъ не судить. Какъ только пріѣхалъ Великій Князь въ Москву, то началъ давать Новгородскимъ жалобникамъ Приставовъ и назначать сроки, когда стать передъ нимъ. Послѣ этого начали изъ Новгорода приходить въ Москву много жалобниковъ на своихъ обидчиковъ; Великій Князь посылалъ на обидчиковъ Приставовъ въ Новгородъ, и тѣ являлись въ Москву. Чрезъ годъ послѣ послѣдняго посольства Владыки Новгородскаго въ Москву, пріѣхалъ туда Посадникъ, Захарій Овиновъ, за Приставомъ Великаго Князя, вмѣстѣ со многими Новгородцами: инымъ отвѣчать, а на иныхъ искать. Послѣ этѣхъ жалобниковъ пришли другіе: Посадники, житыи люди, поселяне, монахи и монахини, вдовы и всѣ обиженные, тоже одни искать, а другіе отвѣчать.

Прежде съ просьбой о помилованіи шести пойманныхъ Бояръ ѣздили Владыка, Посадники, Бояре и житыи люди, бѣднаго простаго народа не видно; теперь же пришли судиться въ Москву люди изъ всѣхъ слоевъ общества. Прежде Новгородцы крѣпко стояли за свою старину; теперь въ отверженіи ея пошли весьма далеко. Кажется, весьма естественно могла зародиться у Новгородцевъ мысль, и въ Москвѣ могли на нее указать, что младшій братъ Новгорода, Псковъ, живетъ мирно съ Великимъ Княземъ и его старины не нарушаются, по тому что Псковъ во всемъ угождаетъ Великому Князю. Новгородцы пошли по слѣдамъ Псковитянъ, хотя бросанье изъ одной крайности въ другую въ заключеніи оказалось еще болѣе вреднымъ для Новгородцевъ. Здѣсь можно сравнить отношенія Ивана Васильевича къ Новгороду съ отношеніями его къ Андрею Васильевичу Большому, а отношеніе къ Пскову съ отношеніями къ какому ни будь Князю Воротынскому, или Шемячичу. Андрей Васильевичъ Большой со-всѣмъ не такой безпокойный Князь, какъ Шемячичъ, но онъ руководитель старыхъ идей и на нихъ опирается, и вотъ онъ толь-

ко не послалъ своихъ Воеводъ съ Воеводами Великаго Князя, и его тотчасъ же поимали; а между тѣмъ, въ это же самое время, служебные Князья, которымъ нужно только, чтобы ихъ личное положеніе оставалось по старому, да было бы имъ съ кѣмъ воевать, ѣдутъ къ Ивану Васильевичу на службу, по тому что выгодно у него служить; въ Москвѣ этѣхъ Князей оставляютъ въ ихъ старомъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока Княжеская ихъ дѣятельность полезна для Государства, а потомъ превращаютъ или въ настоящихъ подданныхъ, или уничтожаютъ. То же самое съ Новгородомъ и Псковомъ. Псковитяне называютъ Ивана Васильевича и Государемъ и Царемъ, обращаются къ нему со всѣми нуждами; подерутся, какъ разъ и случилось, они изъ за кочана капусты съ пьянымъ Намѣстникомъ Великаго Князя, Иванъ Васильевичъ побранитъ ихъ за это, Псковитяне смирятся, а онъ проститъ ихъ и перемѣнитъ Намѣстника. Псковитянамъ нужно, чтобы только ихъ община оставалась устроенною внутри по старому, и она такъ живетъ до 1510 года, когда нашли необходимымъ сдѣлать и эту общину положительно частію Государства, но все таки оставили нѣкоторыя мѣстныя привилегіи. Новгородъ—другое дѣло: онъ образецъ всякой старины во всей Россіи и руководствуется этѣми идеями старины въ приложеніи ко всякимъ отношеніямъ, и вотъ въ Новгородѣ только надѣлали какія-то насилія и обругали какихъ-то представителей власти Великаго Князя, какъ этотъ Великій Князь объявляетъ Новгороду войну, а потомъ, только что Новгородцы называли Ивана Васильевича Государемъ, то онъ и сталъ ихъ спрашивать, какого они хотятъ Государства, и когда въ отвѣтъ послѣдовали требованія Новгородцевъ, чтобы все дѣло шло по старинѣ, уничтожаетъ Новгородскую свободу окончательно. При этомъ надо замѣтить, что всѣ этѣ непрошенные руководители Русскихъ, въ новыхъ и старыхъ идеяхъ, Новгородъ и Князья, всегда обыкновенно и начинали и кончали союзомъ съ врагами Россіи — съ Поляками. Дѣло уничтоженія Новгородской свободы было такъ: одни изъ Новгородцевъ ѣздили въ Москву только судиться, другіе же, во время своего пребыванія тамъ, давали Великому Князю присягу, что служить имъ ему, своему Государю, вѣрно и добра хотѣть; наконецъ, случилось слѣдующее (предшествующіе, обозначенные точно въ лѣтописи, пріѣзды Новгородцевъ для суда въ Москву были

въ Февралѣ 1477 года): въ Мартѣ пріѣхали въ Москву отъ Архіепископа и всего Великаго Новгорода къ Великимъ Князьямъ двое пословъ, Назаръ Подвойскій и Захаръ Дьякъ Вѣчевой;—они били челомъ отъ пославшихъ Великимъ Князьямъ и называли ихъ себѣ Государями. А напередъ того не бывало, какъ земля Новгородская стала, ни котораго Великаго Князя не называли они себѣ Государемъ, а только Господиномъ. Спустя уже мѣсяцъ послѣ этого посольства, 24 Апрѣля, Иванъ Васильевичъ назначилъ посольство къ Владыкѣ и всему Великому Новгороду подкрѣпить того, какого хотятъ Государства ихъ отчина. Послы ѣхали довольно медленно въ Новгородъ, такъ что туда явились только 18 Мая. Здѣсь нужно принять во вниманіе срокъ того, какъ долго тянулось дѣло, и можно предположить, что въ Москвѣ не сразу попали на мысль воспользо-ваться этѣмъ обстоятельствомъ. Когда Московскій посолъ явился на Вѣчѣ, то говорилъ слѣдующую рѣчь: «Вы прислали къ Великимъ Князьямъ своихъ пословъ съ грамотою, называли ихъ себѣ Государями и за нихъ задались: чтобы суду его у васъ быть въ Великомъ Новгородѣ, по всѣмъ улицамъ сидѣть ихъ Тиунамъ, Ярославово дворище очистить Великимъ Князьямъ, а въ ихъ судъ не вступаться.» Вѣче поняло смыслъ этѣхъ рѣчей и, дозволивъ себѣ уже одну крайность, Новгородцы бросились назадъ въ другую. Редакція грамоты и рѣчей Новгородскихъ пословъ принадлежала многимъ лицамъ; одинъ изъ пословъ былъ Вѣчевой Дьякъ. И вотъ Новгородцы напали на Посадниковъ и Бояръ, которые отправляли это посольство, обвиняя ихъ въ томъ, что они сдѣлали это безъ вѣдома Великаго Новгорода. У этѣхъ лицъ животы ихъ были пограблены, дворы и доспѣхи отняты, вмѣстѣ съ всею ратною приправою. Потомъ начали хватать тѣхъ, которые въ своихъ поступкахъ черезъ чуръ вдались въ новость, былъ схваченъ Захарій Овиновъ; онъ обговорилъ Василія Никифорова, который былъ тоже схваченъ и приведенъ на Вѣче, гдѣ кричали ему: «Перевѣтникъ! былъ ты у Великаго Князя и цѣловалъ крестъ на насъ.» На это былъ отвѣтъ: «Цѣловалъ я крестъ Великому Князю, что служить мнѣ ему правдою и добра хотѣть, а не на Государя своего, Великій Новгородъ, и не на васъ, своихъ господъ и братьевъ!» Оправданіе не помогло, и Василій Никифоровъ тутъ же на Вѣчѣ былъ изсѣченъ топорами на части. Захарій Овиновъ

былъ убитъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, у Владыки на дворѣ. Кромѣ трехъ упомянутыхъ лицъ, хотѣли еще казнить псковскихъ Бояръ, но пощадили.

Московскіе послы присутствовали при этѣхъ волненіяхъ въ Новгородѣ; въ Москвѣ о нихъ хорошо знали, и еще послы не были отпущены изъ Новгорода, какъ 7 Іюня пріѣхалъ въ Псковъ посолъ Великаго Князя, Иванъ Зиновьевъ, съ свитой, уговаривать Псковитянъ ити на помощь Великому Князю противъ Новгорода и положить послѣднему взметныя грамоты. Черезъ недѣлю Зиновьевъ поѣхалъ назадъ въ Москву съ отвѣтомъ, что Псковитяне пришлютъ обо всемъ томъ своихъ пословъ, и какъ Государи скажутъ, такъ они и будутъ дѣлать. 21 Іюля Псковичи послали въ Москву за спросомъ, какъ имъ поступать въ отношеніи къ Новгороду, и получили отвѣтъ, что будетъ отъ Великаго Князя посолъ съ его наказомъ. Этотъ отвѣтъ пришелъ въ Псковъ только 27-го Августа. Въ Новгородѣ же въ это время происходило то же самое, что и въ 1471 году. Псковитяне, передъ отправленіемъ пословъ къ Великому Князю, послали сказать Новгородцамъ: «Нашъ Великій Князь поднимаетъ на васъ, и если у васъ есть какое дѣло до Великихъ Князей, то мы ради за васъ слать къ нимъ пословъ и бить челомъ.» Новгородцы отвѣтили на это, что и прежде, на подобное предложеніе: «Если вы крестъ поцѣлуете на всемъ нашемъ пригожествѣ, исключая Коростынскаго dokonчанья, то мы все сдѣлаемъ по крестному цѣлованію; если вы этого не сдѣлаете, то мы не хотимъ ни какаго вашего ходатайства, ни челобитья, ни пословъ вашихъ къ Великимъ Князьямъ.»

Новгородцы по прежнему не двигались опредѣленно ни въ ту, ни въ другую, сторону; какъ прежде, они, принявши къ себѣ Литовскаго Князя, не сослали съ Городища Великокняжескихъ Намѣстниковъ, такъ и теперь, въ продолженіи всѣхъ волненій и брани, которою они осыпали озорную Москву, держали у себя Московскихъ пословъ, честили ихъ, но не давали имъ отвѣта. Наконецъ, черезъ шесть недѣль, послы были отпущены и получили такой отвѣтъ Великимъ Князьямъ: «Мы вамъ, своимъ Господамъ, челомъ бьемъ, а Государями себѣ не зовемъ; судъ вашимъ Намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а вашему суду и вашимъ Тиунамъ у насъ не быть, и дворища Ярославова вамъ не даемъ; на чемъ мы на Коростынѣ

миръ съ вами кончали и крестъ цѣловали, по тому dokonчанью и хотимъ съ вами жить; тѣ же, которые тебѣ, Великому Князю, брались такъ дѣлать, то ты вѣдаешь самъ, и какъ хочешь, такъ и казни, а мы котораго изловимъ, хотимъ казнить; вамъ же, своимъ Господамъ, челомъ бьемъ, чтобы вы насъ держали по старинѣ, по крестному цѣлованію.» Послы Великокняжескіе воротились въ Москву уже въ Іюль, и рассказывали то, что видѣли въ Новгородѣ, что Новгородцы взбѣсновались, точно пьяные, и нѣкоторые говорили: «Къ Королю хотимъ.» Но такія вѣсти приносили въ Москву не одни Великокняжескіе послы, но и Новгородцы, по тому что Посадники, которые были пріятны Великому Князю, разбѣжались всѣ, когда въ городѣ стало такое волненіе.

Иванъ Васильевичъ готовился къ войнѣ. 15-го Сентября пріѣхалъ отъ него посолъ въ Псковъ съ приказомъ, чтобы Псковитяне тотчасъ же послали въ Новгородъ складныя грамоты. Приказъ былъ исполненъ, и 30 Сентября Псковской посолъ положилъ грамоты на Вѣчѣ, а 1 Октября были на Вѣчѣ положены грамоты Великаго Князя. Въ Новгородѣ сначала стояла смута; съ 15 Сентября начали въ Псковъ и Литву бѣжать Низовскіе Купцы съ своими товарами. Но когда стали приходить въ Новгородъ слухи о приготовленіяхъ Великаго Князя, то Новгородцы, въ противоположность предшествующимъ поступкамъ, показали всѣмъ, что теперь они перепугались: изъ Новгорода былъ отправленъ посолъ въ Москву объ опасной грамотѣ для проѣзда Владыки и Новгородскихъ пословъ. Но этого опасника вѣрно было задержать въ Торжкѣ. Потомъ еще послѣ того, какъ были положены на Новгородскомъ Вѣчѣ складныя грамоты, то, не обращая вниманія на объявленіе войны, въ Псковъ пріѣхалъ посолъ изъ Новгорода съ просьбой, чтобы Псковитяне отправили пословъ своихъ къ Великому Князю, и что сами они тоже шлютъ своихъ; но здѣсь былъ полученъ такой же успѣхъ, какъ и въ отношеніи опасной грамоты: Московскій посолъ, пріѣхавшій поднимать Псковъ на Новгородъ, схватилъ Новгородскаго посла на Псковскомъ Вѣчѣ, и только по просьбѣ Псковитянъ отпустилъ его.

Иванъ Васильевичъ жаловался всѣмъ, что въ Новгородѣ происходитъ то же, что предъ Шелонскимъ отступленіемъ, что они сами просили у него Государства, а теперь заперлись и на него ложь

положили. Онъ положилъ свой гнѣвъ на Новгородъ, сталъ вооружаться на свою отчину, на отступниковъ и крестнаго цѣлованія преступниковъ. Новгородцы не знали, что дѣлать, хотя у нѣкоторыхъ и вырывались крики о Королѣ Казимирѣ (что и сообщаетъ Московская лѣтопись), но, какъ видно, большинство не думало объ немъ. Теперь изъ Москвы не шли уже увѣщательныя грамоты, ни отъ Митрополита, ни отъ Великаго Князя; послѣдній рѣшился кончить Новгородское дѣло. 9 Октября Иванъ Васильевичъ пошелъ къ Новгороду ратью; еще прежде этого были разосланы требованія и просьбы о помощи на Новгородъ къ братьямъ Великаго Князя и въ Тверь, и эта помощь собиралась. 16 Октября прислали сказать Ивану Васильевичу, что въ Торжекѣ пріѣхалъ другой Новгородской посолъ объ опасѣ, но и этого посланнаго велѣно было задержать до прибытія въ Торжекѣ Великаго Князя; но по прибытіи сюда, Иванъ Васильевичъ опасу не далъ, а велѣлъ опасчиковъ вести за собою; только 8 Ноября, когда Иванъ Васильевичъ былъ уже у Спаса на Яглинахъ, велѣлъ позвать къ себѣ опасчиковъ; тѣ явились, били ему челомъ отъ Владыки Θεофила и всего Великаго Новгорода, прося опасы для пословъ у Великаго Князя и называя его Государемъ; Великій Князь пожаловалъ — далъ опасы. Здѣсь замѣчательно то, что какъ въ Псковѣ Новгородцы посылали о ходатайствѣ предъ Великимъ Княземъ, не обращая вниманія на то, что уже Псковитяне объявили войну Новгороду, такъ и теперь уже два опасника были у Великаго Князя и не возвращались назадъ, но Новгородцы послали еще третьяго; этотъ третій опасникъ прибылъ на другой день послѣ того, какъ данъ былъ опасъ первымъ опасникамъ; и третій опасникъ называлъ Великаго Князя Государемъ. Но какъ этотъ опасникъ, такъ и первые два, еще находились въ войскѣ Великаго Князя, и только 11 Ноября третій опасникъ испросилъ у Великаго Князя Приставу, съ которымъ пройти имъ его воинство; Приставъ былъ данъ и опасники уѣхали.

Съ 19 по 23 Октября Иванъ Васильевичъ пробылъ въ Торжкѣ; здѣсь онъ распоряжался, какъ и какою дорогою должны были идти къ Новгороду войска. Съ Торжка же его начали встрѣчать нѣкоторые Новгородцы и били челомъ въ службу. Хотя опасныя грамоты были даны, но Иванъ Васильевичъ готовился къ войнѣ.

19 Ноября онъ на Полинахъ разрядилъ войска, гдѣ кому быть ⁵⁸ и въ то же время отпустилъ Воеводъ своихъ подѣ Новгородъ занимать Городище и загородные монастыри, чтобы Новгородцы не успѣли сжечь ихъ. 21-го Ноября былъ посланъ приказъ въ Псковъ, выступать Псковитянамъ вмѣстѣ съ Намѣстникомъ, ити къ устью Шелони, и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій; Псковитяне исполнили приказъ. Со времени послѣдней войны Великаго Князя съ Новгородомъ, Новгородская земля должна была поправиться значительно, а теперь ее снова немилосердно разоряли Княжескія дружины, Новгородцы же не выставляли даже и прежняго сопротивленія. Они все думали, что все устроится по старинѣ, если они, за свою грубость, сдѣлаютъ уступки Великому Князю. Какъ только опасники пріѣхали въ Новгородъ, то Владыка Теофилъ, въ сопровожденіи Новгородскихъ пословъ, прибылъ, 23 Юня, въ станъ Великаго Князя. «Господине Государь, Князь Великій, Иванъ Васильевичъ всея Руси!» говорилъ Владыка отъ себя и отъ Новгородскаго Духовенства, «бьемъ тебѣ челомъ, что положилъ ты гнѣвъ свой на свою отчину, Великій Новгородъ, и мечъ твой ходитъ по Новгородской землѣ, и кровь Христіанская льется; смилуйся надъ своею отчиною, а мы тебѣ, своему Государю, со слезами челомъ бьемъ. Да восполѣлся ты на Бояръ Новгородскихъ, и на Москву свелъ ихъ въ первый свой пріѣздъ: пожалуй, Государь, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Великій Новгородъ!» Посадники и житыи люди отъ своихъ довѣрителей повторили по пунктамъ челобитье Владыки, и одинъ изъ Посадниковъ просилъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, дозволилъ говорить съ его Боярами. ⁵⁹ Послѣ рѣчей Великій Князь пригласилъ пословъ, по обыкновецію, на офиціальныи, дапный для нихъ, обѣдъ. На другой день послы отправились къ брату Великаго Князя, Андрею, Меньшому съ поминками, и били ему челомъ, чтобы

⁵⁸ Съ этого мѣста начинается Разрядъ Новгородскаго похода въ разрядахъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; этотъ разрядъ слово въ слово какъ въ лѣтописи, и кончается словами: «а подлинно написалъ Новгородской походъ большой лѣтописецъ.»

⁵⁹ Начиная съ рѣчи Теофила въ лѣтопись внесенъ почти цѣликомъ Статейный Списокъ, такъ что легко можно отдѣлять пункты; изъ этого сокращенія Статейнаго Списка состоятъ почти всѣ послѣдующіе переговоры Москвичей съ Новгородскими послами.

онъ пожаловалъ, печаловался Великому Князю. Послѣ этого послы пошли къ Великому Князю съ официальной благодарностью за вчерашнее угощенье, да били челомъ и объ томъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, велѣлъ съ Боярами говорить. Высланы были на говорю Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, съ двумя товарищами. Послы говорили: «Государь нашъ, Великій Князь свою отчину, Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, пожаловалъ бы: нелюбье отдалъ, а мечъ свой унялъ, поиманныхъ Новгородскихъ Бояръ выпустилъ бы и челобитье о томъ Владыки и всего Великаго Новгорода принялъ; ѣздилъ бы въ Новгородъ на четвертый годъ, и бралъ тогда по 1000 рублей; Намѣстникъ его судилъ бы въ городѣ съ Посадникомъ, и чего они не управятъ, то управилъ бы Великій Князь, когда пріѣдетъ въ Новгородъ на четвертый годъ; позвы же въ Москву для суда Государь отложилъ бы...» и т. д. Послѣ всѣхъ этихъ рѣчей одинъ изъ Новгородскихъ пословъ говорилъ: «чтобы Государь пожаловалъ, указалъ своей отчимъ, какъ ему Богъ положить на сердцѣ, отчину свою жаловать, а отчина ему, своему Государю, челомъ бьетъ.»

Отвѣтъ должны были услышать послы на другой день, а въ этотъ день сдѣлано распоряженіе по войскамъ занять Городище и все монастыри подъ городомъ. Воеводы ночью прошли по льду Ильменя, захватили Городище и всѣ подгородные монастыри.⁶⁰ На утро послы были приглашены выслушать отвѣтъ на ихъ рѣчи. Бояре отъ имени Великаго Князя сначала изложили причины войны: «Сами вы, чрезъ своихъ пословъ, назвали себѣ Великихъ Князей Государями, и потомъ заперлись, что будто объ томъ не посылали, и возложили на насъ ложь, будто мы надъ вами силу чинимъ; да еще много иныхъ неисправленій отъ васъ къ намъ; мы же сначала поудержались васъ за это наказывать и посылали къ вамъ, чтобы перестали вы отъ золъ вашихъ, а мы хотимъ васъ жаловать; вы же не восхотѣли сего, и по этому, какъ чужіе намъ сдѣлались: за все то мы положили на васъ гнѣвъ и пошли ратію.» Послѣ этого вступленія Бояре говорили: «Вы поставили въ рѣчахъ своихъ о Боярахъ, на которыхъ прежде сего я восполѣлся, чтобы ихъ пожаловать, отпустить; такъ вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему,

⁶⁰ Эти распоряженія записаны въ Разрядахъ.

и вамъ всѣмъ, за что съ ними такъ поступлено; а судилъ я ихъ вмѣстѣ съ вами, да и нѣкоторые изъ васъ тогда были въ истцахъ; я хотѣлъ этѣхъ Бояръ тогда казнить, но по вашему челобитью казни имъ отдалъ, и вы теперь рѣчи о тѣхъ винныхъ вставляете и коли-вы намъ не по пригожу бьете челомъ, то какъ же намъ васъ жаловать?» Въ этѣхъ рѣчахъ только и состоялъ отвѣтъ; о другихъ же условіяхъ, о которыхъ послы говорили, Бояре и не упомянули. Заключение Великокняжескаго отвѣта было произнесено Княземъ Патрикѣевымъ: «Восхощетъ намъ, Великимъ Князьямъ, своимъ Государямъ, отчина наша, Новгородъ, бить челомъ, и они знаютъ, отчина наша, какъ намъ бить челомъ.»

Выслушавъ отвѣтъ, Владыка съ послами попросили себѣ Пристава проводить ихъ до города; Приставъ былъ данъ. Это было 26-го Ноября, а послѣ этого Владыка съ послами явились для переговоровъ только 4 Декабря. Въ это время Иванъ Васильевичъ почти со всѣмъ войскомъ сталъ около Новгорода; главная его квартира находилась около Юрьева монастыря. Великій Князь при этомъ дозволилъ Воеводамъ отпустить половину людей за кормами, съ тѣмъ, чтобы они по Николинѣ дни (6-го Декабря) всѣ были подъ городомъ. Когда пріѣхалъ Владыка съ послами, то на ихъ рѣчи, чтобы Государь пожаловалъ, указалъ, какъ онъ хочетъ свою отчину жаловать, данъ былъ отвѣтъ, слово въ слово какъ и прежній. Тогда послы опять попросили дозволенія съѣздить въ городъ и, воротившись на другой день, били Великому Князю челомъ, чтобы онъ смиловался надъ ними, и повинились въ томъ, съ чѣмъ посылали Назара да Захара и въ чемъ заперлись предъ Великокняжескими послами.⁶¹ Не въ пользу послужило и это признаніе Новгородцамъ; выслушавъ ихъ рѣчи, Великій Князь приказалъ имъ отвѣчать: «Если ты, Владыка, и вся отчина наша, Великій Новгородъ, признали себя виновными предъ нами, что отъ тѣхъ рѣчей, съ которыми къ намъ посылали, отпирались, то теперь сами на себя свидѣтельствуя, спрашиваете:⁶² «какому

⁶¹ Здѣсь, къ сожалѣнію, лѣтописецъ списалъ съ оригинала рѣчи Новгородцевъ во-кращенно.

⁶² Что рѣчи пословъ сокращены, то это ясно и каждый можетъ видѣть, но Г. Костомаровъ, не имѣя факта, говоритъ объ этомъ словъ: спрашиваете: «хотя послы и не спрашивали.»

нашему Государству быть въ нашей отчинѣ, на Новгородѣ?» мы, Великіе Князья, хотимъ своего Государства здѣсь такого же, какъ и на Москвѣ.» Владыка послѣ этѣхъ словъ билъ челомъ Великому Князю, чтобы Государь освободилъ ихъ въ городъ ѣхать и о томъ подумать, и назначилъ бы срокъ, когда быть у него. Послы были отпущены думать и срокъ назначенъ чрезъ день, 7 Декабря. Въ назначенный срокъ послы пришли и начали предлагать на переговорахъ условія, служащія, какъ бы подробнымъ объясненіемъ тѣхъ словъ Московскихъ пословъ, которые ихъ спрашивали о Государствѣ: «Чтобы Государь пожаловалъ, велѣлъ судить Намѣстнику вмѣстѣ съ Посадникомъ въ городѣ; чтобы Государь пожаловалъ, пригороды Новгородскіе держалъ своими Намѣстниками, а судъ былъ бы по старинѣ; чтобъ вывода изъ Новгородской земли не дѣлалъ и позвовъ изъ Новгорода въ Москву не было бы.» При этомъ всѣ послы вмѣстѣ били челомъ о слѣдующихъ условіяхъ: «Чтобы Новгородцамъ службы въ Низовой Землѣ, на Берегу, не было, а которые рубежи сошлись съ Новгородскими землями, то они, по повелѣнію Государей, готовы защищать; да не вступался бы Государь въ вотчины и земли Боярскія.» Въ числѣ условій было то, чтобы Государь бралъ съ волостей Новгородскихъ дань съ сохи по полугривнѣ Новгородской. Выслушавъ это, Бояре пошли къ Великому Князю, и воротились съ отвѣтомъ: «Били вы челомъ, чтобы мы указали, какому нашему Государству быть въ отчинѣ нашей, въ Великомъ Новгородѣ, и я, Князь Великій, уже сказалъ, что хотимъ такого Государства, какое у насъ Государство въ Низовской землѣ, въ Москвѣ, а вы теперь указываете мнѣ и опредѣляете порядокъ нашему Государству: какое же это наше Государство?» Послы опять били челомъ, что «они своимъ Государямъ не указываютъ порядковъ ихъ Государства, но пожаловали бы они, указали бы, какъ быть ихъ Государству въ ихъ отчинѣ, потому что отчина ихъ, Великій Новгородъ, не знаетъ Низовской пошлины, какъ Государи держатъ свое Государство въ Низовой землѣ.» Здѣсь Новгородцы говорили не совсѣмъ правду: они, въ своихъ условіяхъ, пересчитали не только такія условія, какъ, на примѣръ, не дѣлать позвовъ для суда въ Москву, но всѣ тяжести, лежащія на Низовскихъ жителяхъ, а именно: стояніе на берегу Оки, а также необезпеченность права собственности высшихъ сословій и наклонности Московскаго Правительства, какъ облагать

большими податями, во время нуждъ Государственныхъ, такъ и для извѣстныхъ цѣлей, передвигать цѣлое населеніе областей на другія мѣста. Новгородцевъ остановили въ ихъ запросахъ, и когда они стали просить объясненій, то былъ данъ прямой отвѣтъ: «Наше Государство Великихъ Князей таково: «Вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, Посаднику не быть, а Государство намъ держать; волостямъ и селамъ быть, какъ у насъ въ Низовой Землѣ; а которыя земли наши Великихъ Князей за вами, и то было бы наше.» Къ этому было еще прибавлено: Новгородцы предлагали условія Великому Князю, и онъ ихъ не принялъ, а теперь самъ ими пожаловалъ, объявивъ, что «вывода не опасались бы, въ Боярскія вотчины не будутъ Великіе Князья вступаться, а судъ будетъ по старинѣ.»

Съ 7 Декабря по 14 послы находились, кажется, въ станѣ Великаго Князя, по тому что изъ лѣтописи не видно, чтобы они просились отпустить ихъ въ городъ.⁶³ 14 Декабря Владыка съ послами пришелъ къ Великому Князю, и потомъ Боярамъ сказали, что они Вѣчевой колоколъ и Посадника отложили и, повторивъ почти всѣ просьбы о томъ, чѣмъ уже Государь ихъ пожаловалъ, прибавили просьбу: «да пожаловалъ бы Государь, на службу въ Низовскую Землю не наряжалъ.» Великій Князь и этѣмъ пожаловалъ ихъ. Тогда послы начали просить, чтобы Государь далъ крѣпость отчинѣ, Великому Новгороду, крестъ поцѣловалъ бы. На это былъ отвѣтъ: «Не быть моему крестному цѣлованью.» На просьбу, чтобы Бояре поцѣловали крестъ, тотъ же отвѣтъ; потомъ они просили, чтобъ поцѣловалъ крестъ Намѣстникъ, который будетъ въ Новгородѣ, и на это былъ тотъ же отвѣтъ, что этому не быть. Теперь послы били челомъ объ опасной грамотѣ для проѣзда въ Новгородъ, но Великій Князь и того имъ не далъ. По первому своему полномочію, послы Новгородскіе должны были теперь переговариваться въ станѣ Великаго Князя, хотя они могли предполагать, что обстоятельства могутъ и перемениться. Когда имъ не дали опасной грамоты, то они пробыли въ станѣ, въ виду

⁶³ Въ слѣдствіе этого разсужденіе Г. Костомарова (на стр. 221), и за нимъ И. Д. Бѣляева (Разказы изъ Русск. Истор., т. 2, стр. 605 — 606) о впечатлѣніи, которое должны были произвести на Новгородцевъ требованія Ивана Васильевича, едва ли выдержать повѣрку.

Великаго Новгорода, до 29 Декабря. Въ это время послы придумали то, чтобы льготы, обѣщанныя Великому Новгороду, но не утвержденныя ни чѣмъ крестнымъ цѣлованіемъ, были, по крайней мѣрѣ, обезпечены, что называется, крѣпкимъ словомъ того, отъ котораго ихъ неприкосновенность вполне зависитъ. Въ слѣдствіе этого послы обратились къ Боярамъ Великокняжескимъ съ слѣдующими словами: «Если Государь не жалуется, не только крестное цѣлованіе отложилъ, но и опасной грамоты не даетъ, такъ намъ бы своего Государя жалованье отъ его устъ слышать, безъ Боярскихъ высылочъ.» Бояре доложили объ этомъ Великому Князю, онъ согласился дать это крѣпкое слово, и велѣлъ посламъ войти къ себѣ: «Вы били мнѣ челомъ,» говорилъ Иванъ Васильевичъ представителямъ Новгорода, «чтобы я гнѣвъ на нашу отчину, Великій Новгородъ, отложилъ, вывода бы изъ Новгородской Земли не учинялъ, въ вотчины и животы людскіе не вступался, позва Московскаго не бывало бы, а судъ былъ бы по старинѣ въ Новгородѣ, да и на службу васъ въ Низовскую Землю не наряжалъ бы: всѣмъ этѣмъ я жалую васъ, свою отчину, и все то отложилъ.» Слышавши то, послы ударили челомъ Государю, и когда вышли, то Иванъ Васильевичъ выслалъ за ними Бояръ говорить о волостяхъ и селахъ.

Бояре говорили посламъ отъ Великаго Князя: «Отчина наша, Великій Новгородъ, дали бы намъ волости и села, по тому что намъ, Великимъ Князьямъ, нельзя безъ того держать свое Государство на нашей отчинѣ, Великомъ Новгородѣ.» Владыка и послы отвѣчали: «Скажемъ то, Господине, Новгороду.»⁶⁴ 1-го Генваря послы пришли къ Великому Князю, и явили ему волости: Луки Великія да Ржеву Пустую, но онъ того не взялъ. Послѣ

---

⁶⁴ Г. Костомаровъ замѣчаетъ по этому поводу: «Должно думать, и странно и ужасно показалось это Великому Новгороду: обѣщали не вступаться въ отчины, а требуютъ ихъ разомъ.» Г. Костомаровъ забылъ то, что онъ впереди написалъ, что Иванъ Васильевичъ пожаловалъ, обѣщая только не вступаться въ имѣнія и вотчины людскія, а прежде, когда говорилъ, какого Государства хочетъ въ Новгородѣ, объявлялъ, что ему нужны волости. Да и самимъ Новгородцамъ не было это такъ странно, какъ Г. Костомарову, по тому что они и предложили Великому Князю, главное Владычныя да монастырскія земли, а это, надо полагать, не частная собственность, которая была обезпечена въ своей неприкосновенности словомъ Великаго Князя.

этого послы предложили десять волостей, принадлежащихъ Владыкѣ, богатымъ монастырямъ и всѣ земли Новгородскія въ Торжкѣ, чьи бы онѣ ни были. На это предложеніе также былъ отказъ. Теперь послы били челомъ, чтобы «Государь самъ умыслилъ, какъ ему свою отчину жаловать, и сколько ему волостей взять; отчина его полагается на Бога да него, своего Государя.» Тогда Великій Князь велѣлъ сказать послалъ: «Взять мнѣ половину всѣхъ волостей Владычныхъ и монастырскихъ, да Новоторжскія всѣ, чьи бы ни были.» Послы отвѣчали: «Скажемъ то Новгороду.» Въ Крещенье (6 Генваря) послы пришли къ Великому Князю и били челомъ, «чтобы Государь пожаловалъ, взялъ бы все, что требуетъ, но только бы не бралъ земель у тѣхъ монастырей, которые убоги и земель у нихъ мало.» Великій Князь отослалъ пословъ въ Новгородъ, и велѣлъ написать на списокъ половину волостей Владычныхъ и монастырскихъ; «да не таили бы ничего,» было прибавлено къ этому приказу, «а что утаятъ, то та земля Великихъ Князей.» Послы пришли на другой день съ требуемыми списками: тогда Великій Князь пожаловалъ Владыку, не взялъ у него половины волостей, а взялъ только десять; также пожалованы были бѣдные монастыри.

Но мы остановимся здѣсь въ разсказѣ о переговорахъ, потому что въ сущности они пришли къ концу, и скажемъ о томъ, какъ велась осада Новгорода и что дѣлали Новгородцы въ то время, когда двуглавый Государственный орелъ своими страшными кохтями уже потрясалъ стѣны Великаго Новгорода и тѣнью крыльевъ своихъ покрывалъ храмъ Св. Софіи? Какъ сказано уже, Иванъ Васильевичъ всталъ со всѣмъ своимъ войскомъ около Новгорода и занялъ подгородные монастыри и посады. Это стояніе Великаго Князя для Новгородцевъ было «вельми притужно»; они сбѣжались въ городъ въ осаду, затворились и устроили чрезъ Волховъ деревянную стѣну на судахъ. Но Иванъ Васильевичъ не думалъ свои войска слать на приступъ, и дѣлалъ это по тому, какъ говоритъ Псковскій лѣтописецъ, что видѣлъ, какъ городъ крѣпко укрѣпленъ въ осадѣ, и если пойти подъ стѣны, то начнутъ съ обѣихъ сторонъ головы падать и кровь литься, а онъ не хотѣлъ производить кровопролитія, и началъ стоять подъ стѣнами стояніемъ, со всѣми своими силами. 30 Ноября онъ послалъ къ Псковитянамъ сказать, чтобы они шли немедленно съ пушками и со

всею приправою. Посланный встрѣтилъ Псковитянъ на Шелони. Въ это время половина войскъ Великокняжескихъ собирала кормъ по Новгородскимъ волостямъ. Этѣ войска поплѣнили и пожгли всю страну отъ Заволочья до Литовскаго рубежа; дошедши до Нѣмецкаго рубежа, перешли рѣку Нарову и тамъ много повоевали. Такой сборъ корма былъ тяжелъ для Новгородской земли, даже тяжелѣе первой войны, такъ какъ тогда лѣтомъ многіе крылись отъ воиновъ въ лѣсахъ и за водами, а теперь зимою это дѣлать было нельзя, и многіе въ лѣсахъ умирали отъ мороза и голода, а въ своихъ домахъ были плѣнены. Въ самомъ Новгородѣ отъ тѣсноты было много скорби, печали и рыданія. По этому-то Владыка 4 Декабря билъ челомъ Великому Князю со слезами, чтобы онъ смиловался, мечъ унялъ и огонь утолилъ, а кровь Христіанская не лилась бы. 5 Декабря пришли Псковитяне подъ Новгородъ, а 6-го Иванъ Васильевичъ приказалъ извѣстному Аристотелю дѣлать мосты чрезъ Волховъ, на судахъ, подъ Городищемъ; мостъ долженъ былъ стоять на Волховѣ до того времени, пока Великій Князь, одолѣвши Новгородъ, возвратится въ Москву. Предполагая долгую осаду, Иванъ Васильевичъ послалъ ко Пскову своего Боярина, чтобы Псковитяне ему послужили и тѣмъ, чтобы прислали муки пшеничной, рыбы и меду прѣснаго, а съ инымъ Псковскіе купцы ѣхали бы торговать къ нему въ станъ подъ Новгородъ. Все требуемое Псковитяне спѣшили исполнить. Великій Князь стоялъ подъ Новгородомъ стояніемъ, выжидая отъ Новгородцевъ полного подчиненія. Мы видѣли, что хотя Новгородскіе послы и поддавались требованіямъ, однако жъ тянули время. Новгородцы надѣялись на то, что Великій Князь наконецъ самъ пойдетъ отъ города и прикончаетъ съ ними по прежнимъ старинамъ. Но изъ Московскаго стана въ концѣ Декабря и послы не возвращались въ городъ, такъ какъ имъ и опасной грамоты не давали. При неизвѣстности того, что дѣлается кругомъ, жители Новгородскіе волновались: нѣкоторые хотѣли биться съ Великимъ Княземъ, а другіе задаться за него, и послѣднихъ было больше. Бояре встали на чернь, а чернь на Бояръ, изъ которыхъ многіе держали перевѣтъ къ Великому Князю. Общаго сознанія, что нужно дѣлать, у Новгородцевъ не могло быть, а тутъ вдругъ ихъ служебный Князь, Василій Васильевичъ Шуйскій, видя неустроеніе и мятежъ великій, 28 Декабря сложилъ съ себя къ Новгороду кре-

стное цѣлованіе, объявляя, что ѣдетъ служить къ Великому Князю. На это Новгородцы ничего ему не говорили, между тѣмъ какъ Князь еще оставался у нихъ въ городѣ; не трогали они его по тому, что боялись Великаго Князя, замѣчаетъ Московскій лѣтописецъ. 29-го Декабря Новгородскіе послы наконецъ воротились домой, послѣ долгого пребыванія въ Московскомъ станѣ, и принесли извѣстія, что они согласились на всѣ требованія Великаго Князя и то, чѣмъ Государь пожаловалъ свою отчину, Великій Новгородъ. Въ то время, когда на Вѣчѣ пришлось толковать о томъ, какія волости дать Великимъ Князьямъ, чтобы можно было имъ въ Новгородѣ свое Государство держать, тогда Князь Василій Шуйскій поѣхалъ къ Великому Князю: Иванъ Васильевичъ принялъ его и далъ ему дары. «Сему убо такъ совершившуся», видя все это Новгородцы, что ихъ Воевода и Князь кормленный, о комъ было имъ стоять и борониться, и тотъ поѣхалъ отъ нихъ изъ города къ Великому Князю, то они, положивъ упованіе на Бога, вдались во всю волю Великаго Князя.

Теперь переговоры шли о подробностяхъ значенія слова Государство: требуемая волости уже были отданы. 8 Генваря пришли изъ Новгорода Владыка съ Посадниками, житыми людьми и черными, и били челомъ, чтобы Государь пожаловалъ свою отчину, Христіанство не гибло бы, по тому что отъ тѣсноты въ городѣ моръ и голодъ истребляетъ людей. Но Великій Князь выслалъ къ нимъ Бояръ говорить о дани, чтобы они явили дани со всѣхъ волостей, съ сохи по полугривнѣ: такъ что ихъ соха? Новгородцы отвѣчали: три обожи соха, а обожу одинъ человекъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадяхъ, и самъ третей оретъ, то это соха. Князь Великій хотѣлъ взять дани по полугривнѣ уже съ обожи, но Владыка со всѣми Новгородцами, бывшими въ станѣ, началъ бить челомъ, чтобы Государь смиловался, бралъ бы дани, какъ они быютъ челомъ, по 7 денегъ съ трехъ обожей, и бралъ бы ее одинъ разъ въ годъ. И этѣмъ Государь ихъ пожаловалъ, чтобы брать со всѣхъ волостей Новгородскихъ, и на Двинѣ и на Заволочѣ, на всякомъ, кто пашетъ землю, и на ключникахъ, и на старостахъ, и на одерноватыхъ. Тогда Новгородцы начали бить челомъ, чтобы Государь не посылалъ своихъ писцовъ и данщиковъ въ Новгородскія волости, по тому что то Христіанству тяжело, а положилъ бы Государь то все на Новго-

родскую душу: скажутъ всѣ, сколько у кого сохъ будетъ, да сами, собравши дань, отдадутъ по крестному цѣлованію тому, кому Великій Князь прикажетъ отдать въ Новгородѣ, а кто утаитъ хотя одну обою и уличимъ его, то о томъ скажемъ своимъ Государямъ, и Великіе Князья того казнятъ. Всѣмъ этѣмъ Государь опять пожаловалъ Новгородцевъ. 10 Генваря Великій Князь приказалъ Боярамъ говорить Новгородцамъ объ Ярославовомъ дворѣ, чтобы его очистить. Владыка съ послами отвѣчалъ: «О томъ, Господине, ѣдемъ въ городъ и скажемъ Новгороду.» Въ этотъ же день приказано было явить посламъ списокъ, на чемъ Новгороду цѣловать крестъ Великимъ Князьямъ. Послы просили послать списокъ въ городъ и явить его всему Новгороду. Великій Князь исполнилъ просьбу, и посланный долженъ былъ явить списокъ Новгородцамъ въ палатѣ у Владыки, а не на Вѣчѣ, такъ какъ Иванъ Васильевичъ уже не признавалъ въ Новгородѣ существованія Вѣча.⁶⁵ 12 Генваря пришли послы съ отвѣтомъ; во первыхъ, о Ярославовъ дворѣ говорили: «Тотъ дворъ Государей нашихъ, и хотятъ они его взять, то предъ Богомъ и предъ ними, а захотятъ они взять въ околodкѣ мѣсто соотвѣтственно двора, и то предъ ними;» во вторыхъ, о присяжномъ спискѣ, послы отвѣчали, что Новгородцы готовы на немъ цѣловать крестъ. Тогда Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Новгородцы переписали списокъ слово въ слово съ Великокняжескаго, а Владыка подписалъ бы его собственною рукою и печать свою привѣсилъ, да также приложили бы печати отъ всѣхъ пяти концовъ Новгородскихъ и явились бы съ такимъ спискомъ на другой день въ станъ Владыка, Посадники и житїи люди. На другой день Новгородцы прибыли изъ Новгорода, исполнивши требуемое, и въ станъ предъ Боярами цѣловали крестъ на записи. При этомъ Бояре сказали Новгородцамъ о Псковитянахъ, что такъ какъ послѣдніе послужили теперь Великимъ Князьямъ, то они бы имъ не мстили за это, а о всѣхъ обидныхъ дѣлахъ производился бы судъ по ссылкѣ чрезъ Намѣстниковъ Новгородскаго и Псковскаго; да также не мстили бы Новгородцы своимъ Боярамъ, Дѣтямъ Боярскимъ и Боярынямъ, которыя служатъ Великому Князю; да чтобы Двиняне и Заволочане цѣловали крестъ на имя Великаго Князя, а къ Новго-

⁶⁵ Такъ кажется пужно понимать этотъ приказъ.

роду крестное цѣлованіе сложили. И на этомъ Новгородцы, вмѣстѣ съ первымъ обязательствомъ, цѣловали крестъ.

Послѣ крестнаго цѣлованія, Новгородцы били челомъ Боярамъ, чтобы они печаловались у Великаго Князя о слѣдующемъ: такъ какъ они уже цѣловали крестъ, а оставшіеся въ городѣ тамъ его поцѣлуютъ, то имъ хотѣлось бы услышать изъ устъ Великаго Князя жалованное слово по прежнему жалованью. Эта просьба, какъ и прежняя, подобная ей, была исполнена. 15 Генваря поѣхали Бояре въ Новгородъ приводить жителей къ крестному цѣлованію и также сказать Новгородцамъ жалованное слово. Послѣднее долженъ былъ сдѣлать Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикевъ, въ Палатѣ, но не на Вѣчѣ, по тому что съ того дня Вѣча въ Новгородѣ уже не существовало. Присягу давали всѣ Новгородцы: и жены, и вдовы, и люди Боярскіе; во время присяги Бояре отобрали у Новгородцевъ грамоту, которою они укрѣпили себя. Послѣ этого (18 Генваря) явились Бояре, Дѣти Боярскіе и житиѣ люди къ Великому Князю, и били ему челомъ въ службу.

Съ этого дня осада Новгорода кончилась. Владыка просилъ у Великаго Князя Приставовъ людямъ, которые сбѣжались въ городъ и теперь хотятъ возвратиться въ волости и села; эта просьба была исполнена. 20 Генваря Иванъ Васильевичъ послалъ въ Москву извѣстіе, что онъ привелъ въ свою волю отчину, Великій Новгородъ, и учинился на немъ Государемъ точно также, какъ и на Москвѣ. Чрезъ день послѣ этого были посланы Намѣстники въ Новгородъ и велѣно было имъ встать на дворѣ Ярославовомъ; такимъ образомъ просьба Новгородцевъ объ этомъ дворѣ не была исполнена. Самъ Иванъ Васильевичъ, по случаю мора въ городѣ, не поѣхалъ туда, а былъ тамъ только два раза у обѣдни въ храмѣ Св. Софіи. Теперь дѣло съ Новгородомъ было кончено, и Иванъ Васильевичъ поѣхалъ въ Москву: это было 17 Февраля. Передъ его отъѣздомъ обобраны были у Новгородцевъ всѣ договоры, которые они заключали съ Великими Князьями Литовскими и съ Королемъ. Такимъ образомъ, не говоря о значеніи этѣхъ грамотъ, Ивану Васильевичу, первому Государю въ Россіи, пришлось добыть первый настоящій военный трофей — Государственный архивъ. Такъ же до отъѣзда Ивана Васильевича изъ подъ Новгорода были пойманы Староста Купеческой, Марко Шанфильевъ, пятеро Бояръ

и Марѳа Борецкая съ внукомъ, они были посланы въ Москву, а имѣнья ихъ были отобраны на Великаго Князя. Иванъ⁶⁶ Васильевичъ воротился въ Москву 5-го Марта, а послѣ себя велѣлъ туда же привести изъ Новгорода Вѣчевой колоколъ; лѣтописецъ многозначительными словами опредѣляетъ судьбу этой святыни Новгородской свободы: его подняли на колокольницу на площади, чтобы звонить вмѣстѣ съ прочими колоколами.

IV

Почти каждая лѣтопись, по окончаніи разсказа о побѣдѣ Ивана III надъ Новгородомъ, кончаетъ какимъ ни будь нравственнымъ разсужденіемъ. Впрочемъ, къ этѣмъ разсужденіямъ нужно относиться осторожно, такъ такъ не всѣ же онѣ современны событіямъ и при томъ переписывались нѣсколько разъ послѣ, по этому нужно обратиться къ событіямъ. Моръ, начавшійся во время осады Новгорода, продолжался и по окончаніи ея; мерли старые и молодые, и иногда въ одну могилу клали отъ двухъ до десяти человѣкъ; страна была совершенно разорена. Новгородъ палъ съ борьбою, и при этомъ паденіи сумѣлъ сохранить себѣ нѣкоторыя выгоды, такъ что онъ все таки находился въ привилегированномъ положеніи въ сравненіи съ тѣмъ, въ какомъ находились остальные области Московскаго Государства. Прославитель Новгородской свободы говоритъ, что Иванъ Васильевичъ не слишкомъ цѣнилъ свои общанія, на которыхъ не даромъ не хотѣлъ присягать,⁶⁶ а велѣлъ схватить нѣкоторыхъ Бояръ и имѣнія ихъ взять себѣ. Но историкъ забываетъ только то, что подобный способъ очищенія Новгорода отъ непокойныхъ людей, какъ ни былъ страшенъ Новгородцамъ, но они его допускали и прежде, при всѣхъ своихъ старинахъ, когда Иванъ Васильевичъ ималъ Бояръ только за то, что мыслили отдаться Великому Новгороду за Короля.

Сумѣли ли Новгородцы удержать за собою привилегіи, и были ли въ состояніи примириться съ теперешнимъ своимъ положеніемъ? Не помѣшалъ ли кто ни будь имъ и не общалъ ли по-

⁶⁶ Сѣверн. Руск. народоправ. т. I, стр. 231.

мочь возстановить старые порядки? Московское Государство было въ то время, точно сухая губка, которая всасываетъ въ себя всякую жидкость, къ какой только прикасается: Новгородомъ оно не могло удовлетвориться, по тому что послѣ предъявило притязаніе на всю Русь; но и теперь такой большой прибытокъ Московскаго Государя озадачилъ многихъ. Иванъ Васильевичъ превращалъ Новгородъ въ часть своего Государства вмѣстѣ съ своими братьями, но не подѣлился съ ними изъ завоеваннато; и они встали противъ него; съ другой стороны Король Казимиръ долженъ былъ съ ужасомъ смотрѣть на такія завоеванія Московскаго Великаго Князя. Что же касается самаго Новгорода, то тамъ Иванъ Васильевичъ выбралъ не всѣхъ, которые не сочувствовали Московскому господству, и при томъ онъ не оставилъ въ новопріобрѣтенной области войска. Одна наша лѣтопись рассказываетъ,⁶⁷ что когда прошло семь мѣсяцевъ послѣ возвращенія Ивана Васильевича въ Москву изъ подъ Новгорода, какъ онъ узналъ, что изъ Новгородцевъ многіе, забывши крестное цѣлованіе, начали колебаться и съ Королемъ Казимиромъ ссылатся, зовя его въ Новгородскую Землю съ войскомъ; Король обѣщалъ имъ помочь, послалъ къ Хану Золотой Орды, Ахмату, звать его противъ Великаго Князя; кромѣ того онъ обратился также и къ Папѣ, прося у него денегъ на подмогу и выставляя при этомъ, что предстоящая борьба съ Московскимъ Государемъ есть борьба въ пользу Католичества. Папа назначилъ на такое святое дѣло сборъ денегъ съ Литовскихъ и Польскихъ церквей. Новгородцы посылали за помощію и къ Нѣмцамъ, но тѣ побоялись помогать имъ, опасаясь Псковитянъ, хотя послѣдніе ничего объ этомъ не знали.

На сколько незначительны были затѣи Новгородцевъ, показываетъ намъ то, что подробности этого дѣла находятся только въ одной, дошедшей до насъ, лѣтописи, другія же упоминаютъ лишь мимоходомъ о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ его. А та лѣтопись, которая объ этомъ дѣлѣ говоритъ, прямо указываетъ, что Иванъ Васильевичъ накрылъ Новгородцевъ въ самомъ началѣ ихъ предпріятія. Онъ, 26 Октября, 1479 года, пошелъ миромъ къ Великому Новгороду и взялъ съ собою только 1000 человекъ; од-

⁶⁷ Татниц. ч. 5, стр. 79 — 81.

нако, онъ приказалъ сыну собрать войска и скорѣе посылать за нимъ, объявляя, что идетъ на Нѣмцевъ. Въ Новгородъ было послано извѣстіе, что походъ именно предпринимается съ этою цѣлью; но чтобы тамъ не узнали о большомъ сборѣ войскъ, то приказано было разставить заставы на дорогѣ. Изъ Торжка Иванъ Васильевичъ послалъ къ братьямъ, чтобы они спѣшили къ нему съ войсками. Можетъ быть, Новгородцы и не знали настоящей цѣли похода, однако же, когда Иванъ Васильевичъ пришелъ въ Бронницы съ войсками, то здѣсь узналъ, что Новгородцы затворились въ городѣ. (Должно быть въ это самое время они возстановили всѣ свои старые порядки: Вѣче, Посадника, Тысяцкаго и т. д.). Тогда, дождавшись войскъ, онъ занялъ Новгородскіе посады и на другой день приказалъ приступать къ городу и изъ пушекъ палить. Теперь въ Новгородѣ хуже было, чѣмъ прежде: не только многіе не хотѣли биться съ Великимъ Княземъ, но прямо бѣжали къ нему; на просьбу опасы Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ: «Я самъ опасъ невиннымъ и Государь вашъ; отворите ворота, и когда войду, тогда всѣхъ невинныхъ ни чѣмъ не оскорблю.» Такъ какъ пальба изъ пушекъ, управляемыхъ Аристотелемъ, продолжалась, то ворота Новгородскія отворились. Архіепископъ съ духовенствомъ въ ризахъ, со крестами, вышли на встрѣчу Великаго Князя; тутъ же вышло и новое Новгородское Правительство, съ Боярами и народомъ; вышли они, отложивъ чины и пали ницъ, моля о прощеніи. Великій Князь благословился у Владыки и сказалъ всѣмъ въ слухъ: «Я—Государь вашъ, и даю всѣмъ невиннымъ въ этомъ злѣ миръ, и пусть они ничего не боятся.» Помолившись у Св. Софіи, Иванъ Васильевичъ отправился во дворъ новаго Посадника, Еѣима Медвѣдева; здѣсь онъ назначилъ мѣсто своего пребыванія, и въ тотъ же день приказалъ поймать 50 человекъ пущихъ крамольниковъ и велѣлъ ихъ пытать. Схваченные подъ пыткой показали, хотя и долго скрывали, что Владыка былъ въ единомысліи съ ними; по этому 19 Генваря былъ пойманъ. Архіепископъ и посланъ въ Москву, а все его огромное богатство, состоящее въ золотѣ, серебрѣ, бисерѣ и камняхъ драгоцѣнныхъ, взято на Великаго Князя. Владыка Оеофилъ прежде твердо стоялъ за подчиненіе Новгородской церковной іерархіи Митрополиту, жившему въ Москвѣ, не хотѣлъ признавать для себя иной власти, кромѣ власти послѣдняго, и теперь былъ

отосланъ Великимъ Вяземъ къ этому Митрополиту въ Москву, для произведенія надъ нимъ церковнаго суда. Нельзя обвинять Ивана Васильевича за тотъ страшный судъ, который онъ теперь производилъ надъ Новгородомъ, и подобныя выраженія объ этѣхъ событіяхъ, что онъ «не долго разбиралъ дѣйствительность вины Владыки, и безъ церковнаго суда его схватили и заточили въ Чудовъ монастырь,»⁶⁸ совсѣмъ не у мѣста и неприличны. Борьба шла изъ чувства самосохраненія, дѣло было ясно: Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ сношенія Казимира съ Новгородомъ; зналъ онъ также и то, что въ степяхъ готовится Татарское нашествіе на Россію, а въ Новгородѣ крамольники во время розыска сказали, что они имѣли тайную ссылку съ Князьями Андреемъ Большимъ и Борисомъ Васильевичами. Узнавъ такія вещи о своихъ братьяхъ, Иванъ Васильевичъ никому объ этомъ не сказалъ, но скоро пришла вѣсть и въ Новгородъ, что этѣ Князья возстали. Въ такомъ положеніи онъ поступилъ точно также, какъ поступали всѣ Государственные люди, рѣшающіеся спасти дѣло столѣтій послѣднимъ средствомъ, а именно, посредствомъ единовременнаго ужаса. Новгородцамъ употребленіе ужаса отчасти было извѣстно, по тому что только посредствомъ его одна партія побѣждала другую, но Государственный ужасъ имъ былъ не знакомъ. Лѣтописецъ сообщаетъ, какъ ужасныя наказанія, такъ и страшныя цифры людей, подвергшихся имъ: 100 человекъ большихъ крамольниковъ было казнено, а имѣнія ихъ были взяты на Великаго Князя; до 100 семействъ Дѣтей Боярскихъ и купцовъ было разослано по Низовымъ городамъ: во Владимиръ, Муромъ, Нижній, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другія города, и тамъ даны имъ помѣстья; до 7000 семействъ разослано по городамъ, посадамъ и темницамъ. На мѣсто выселенныхъ были переведены изъ другихъ Московскихъ городовъ Дѣти Боярскіе, также много холопей и много купцовъ, которые были пожалованы помѣстьями подвергшихся выводу.

---

⁶⁸ Сѣверно-Рус. народоправ. т. I, стр. 234. Мы могутъ замѣтить, что я опровергаю мнѣнія Г-на Костомарова только въ мелочахъ; но изъ подобныхъ этѣмъ мелочей, и при томъ неосновательныхъ, состоитъ вся суть его сочиненія.

V.

Съ небольшимъ въ три мѣсяца Иванъ Васильевичъ покончилъ все свое послѣднее дѣло съ Новгородомъ. Въ Февралѣ 1480 года онъ былъ уже въ Москвѣ, увѣренный въ томъ, что въ Новгородѣ никто не возстанетъ противъ его власти, по тому что не кому было уже возстать. Когда въ слѣдующемъ году Ахматъ пришелъ подъ Угру, Король Казимиръ грозилъ войною, а возставшіе Князья вступили въ Новгородскія области, то нашли, что тамъ ихъ союзники, всѣ старые Вѣчники, уже истреблены совсѣмъ.

«Тако» конечнѣ укроти Новгородъ Великій Иванъ Васильевичъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Старый Вѣчевой и новый Государственный порядки не могли ужиться вмѣстѣ: новый взялъ верхъ, но старый палъ со славою. Меньшой братъ, Новгорода, Псковъ, выдалъ его также, какъ выдавали, за временныя выгоды, служебные Князья Князей, подобныхъ Шемякѣ и Андрею Большому; но и Псковъ, черезъ 40 лѣтъ, также попалъ въ руки Государства, но попалъ безславно, безъ борьбы, между тѣмъ какъ Новгородъ поборолся съ новыми Московскими порядками такъ, что послѣ этого не нашлось ни одного человѣка изъ Новгородцевъ, кто бы оставилъ потомству плачь о Новгородской свободѣ. Это послѣднее можно говорить по тому, что Московская цензура не могла же истребить именно Новгородскаго описанія паденія Новгорода, оставивши въ то же время въ цѣлости Новгородскія лѣтописи. Когда Псковъ палъ, то его лѣтописецъ высказалъ предъ потомствомъ такіе слова о гибели своей родины, которые мы, по всей справедливости, можемъ отнести къ Новгороду; вотъ они: «Отнялась слава Новгорода, плѣненъ онъ не иновѣрными, а своими единовѣрными людьми. Кто о семъ не восплачетъ, кто не возрыдаетъ? О славнѣйшій градъ, Новгородъ, почто сѣтуеши и почто плачеши? и отвѣща прекрасный градъ, Новгородъ: Како ми не сѣтовати и не скорбѣти о своемъ опустѣніи? Налетѣлъ на меня многокрылый орелъ, исполнившій крылья львовыхъ когтей, и взялъ отъ меня три кедра Ливанскіе: красоту мою, богатство и чада восхити; Богу, постигну за грѣхи наши, землю пусту сотвориша, градъ нашъ разориша и люди поплѣниша, и торжища раскопаша, а иныя торжища коневымъ

каломъ замеша, отецъ, братію и друзи наша разведоша туда, гдѣ отцы, дѣды и прадѣды не бывали, а матери и сестры наша въ поруганіе даша.... и посади Великій Князь въ Новгородъ Намѣстниковъ своихъ и Дьяковъ, и правда у нихъ взлетѣла на небо, а кривда въ нихъ начала ходить — были немилостивы до Новгородцевъ, а тѣ бѣдные не вѣдали правды Московскія.....»

VI.

Но что же Казимиръ? На него надѣялись Новгородцы, отъ него они себѣ ждали спасенія, онъ же обѣщалъ имъ помочь? Казимиръ привелъ Ахмата подъ Угру, обѣщалъ ему помогать, то же онъ обѣщалъ и братьямъ Великаго Князя, но ни кому не помогъ. Причина этому отчасти была и та, что въ теченіи 1480 года между Иваномъ Васильевичемъ и Казимиромъ происходили, какъ видно, дѣятельныя сношенія, и Иванъ Васильевичъ что-то обѣщалъ Казимиру. Мы не имѣемъ записанныхъ сношеній Московскаго Двора съ Литовскимъ за это время, но имѣемъ подробныя записанныя сношенія съ Крымомъ, и изъ нихъ видимъ слѣдующее: въ 1481 году былъ отправленъ въ Крымъ Бояринъ Тимоѣей Скрыба, и ему было наказано говорить Царю: «Король присылалъ въ Москву пословъ, чтобы были между Государями любовь и докончанье; изъ Москвы къ нему тоже отправлены послы, и каковое дѣло будетъ, то объ этомъ дадутъ изъ Москвы въ Крымъ извѣстіе.» Потомъ было наказано Скрыбѣ, что если Менгли-Гирей захочетъ ити на Литовскую Землю и спросить его, какъ думаетъ объ этомъ Великій Князь, то говорить, что объ этомъ ничего ему не наказано.⁶⁹ Польскій лѣтописецъ говоритъ, что между Государями, въ слѣдствіе сношеній, состоялось перемиріе на нѣсколько лѣтъ, и Казимиръ, отвлекаемый другими дѣлами, сдѣлалъ многія уступки.⁷⁰ Но перемиріе въ формальномъ отношеніи ни какого не состоялось, а сношенія шли именно по поводу Новгорода, и въ нашей лѣтописи, подъ 1482 годомъ, говорится, что Король Казимиръ прислалъ своего посла, Богдана, прося у Великаго Князя Новгорода

⁶⁹ Дѣла Крым. № 1, посольства 1481 года.

⁷⁰ Стріи́ковскій ч. 2, стр. 284, изд. 1846 года.

Великаго и Лукъ Великихъ; ⁷¹ этотъ посолъ получилъ, какъ видно, полный отказъ, по тому что, когда гроза миновалась, то начались враждебныя дѣйствія Ивана Васильевича противъ Литвы. Въ это время Менгли-Гирей, по Московскому наводу, разорилъ Кіевъ, и тогда же случился въ Литвѣ бунтъ Бѣльскаго съ товарищи. Такъ какъ переговоры о Новгородѣ не были кончены и Литовскіе Государя не признавали за Московскимъ Государемъ право обладанія Новгородомъ, то когда начались переговоры о вѣчномъ мирѣ у Александра Казимировича съ Иваномъ Васильевичемъ, то Литовскимъ посламъ было наказано твердо стоять на томъ, чтобы Новгородъ Великій поставить въ докончанъѣ, также какъ онъ поставленъ въ докончанъѣ Короля Казимира съ Великимъ Княземъ Васи́лемъ Васильевичемъ, а Луками и Ржевой Московскій Государь поступился бы совсѣмъ; если же послы не въ состояніи будутъ этого отстоять, то поступиться, и при этомъ, если будетъ можно, то написать Инфлянты въ сторону Литовскаго Государя, точно также какъ Московскій напишетъ въ свою сторону Новгородъ; если же и этого нельзя будетъ отстоять, то Инфлянты поставить въ соотвѣтствіе Новгороду и Твери, объ которой также не нужно скоро соглашаться на уступки; въ концѣ же концовъ, если въ Москвѣ ужь очень крѣпко будутъ во всемъ этомъ упираться, то все уступить. ⁷² Последнее условіе объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ хотѣли остановить наступательное на нее движеніе Москвы посредствомъ брака Александра Казимировича съ дочерью Ивана Васильевича, и по этому готовы были теперь утвердить всѣ прежнія Московскія пріобрѣтенія, не только молчаливымъ согласіемъ, но и посредствомъ договора. При томъ такія уступки необходимо было дѣлать, по тому что какъ только завелись переговоры о мирѣ и сватовствѣ, то Князь Иванъ Юрьевичъ Патрицѣвъ, игравшій, какъ мы видѣли, важную роль въ завоеваніи Новгорода, сказалъ Литовскимъ посламъ, объявлявшимъ о вступленіи Александра Казимировича на престолъ: «Говорите вы, что братья и дяди ваши хотятъ любви и докончанья между Государями, да и сватовства; такъ, когда пріѣдутъ объ этомъ говорить,

⁷¹ П. С. Р. Л. т. 6, стр. 234.

⁷² Ак. З. Р. т. 1, № 111.

то чтобы лишнихъ рѣчей не было; а то какъ прїѣзжалъ отъ Короля къ нашему Государю Богданъ о любви и докончаньѣ, то было много лишнихъ рѣчей, да за тѣмъ между Государями и дѣло не состоялось.» ⁷³ Повтореніе содержанія этѣхъ интересныхъ рѣчей, словами Князя Ивана Юрьевича, было остановлено, и по этому онѣ во многомъ для любопытства потеряны.

---

⁷³ Дѣла Польск. № 1.

ГЛАВА III.

СТЕПНЯКИ.

Характеристика Степняковъ и образъ обхожденія съ ними.— Нашествіе Ахмата подъ Алексинъ.—Роль Крымцевъ въ Русской Исторіи и начало сношеній Ивана Васильевича съ Менгли-Гиреемъ.—Нашествіе Ахмата подъ Угру: характеръ лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ нашествіи.—Сношенія Москвы и Литвы съ Крымомъ послѣ 1480 года и нашествіе Менгли-Гиря на Кіевъ.—Степныя дѣла въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ пятнадцатаго столѣтія и роль Казани въ этѣхъ дѣлахъ.—Запросы Крымцами поминокъ.

I.

На вопросъ: «Что такое Степняки?» могутъ дать отвѣтъ слѣдующія выраженія. Такъ, не говорили, что въ Ордѣ голодъ, или моръ, а говорили, что «Орда «охудѣла», «опала»; не говорили, что такого-то Татарина убили, а говорили, что его «закололи»; при этомъ лучшимъ способомъ убійства считалось «человѣка зарѣзать ножомъ, какъ овцу». Когда Татары начинали кочевать въ степяхъ, то объ этомъ говорили, что степь «засорилась», «поле стало нечисто; если двѣ враждебныя Орды имѣли между собою сраженіе, то Степняки выражались такъ, что они «сгрызлились», «постравилились»; когда одна Орда преслѣдовала другую, то говорилось, что преслѣдующая «томить» врага и находится у него «на хребтѣ»; о своей побѣдѣ Ордынцы говорили, что они «потоптали» врага. О полученіи поминокъ или дани Татары говорили, что они «доили» Короля, или Великаго Князя; когда они грабили, то точно также доили Русскую, Литовскую и Лядскую земли. Одинъ Нагайскій Мурза, объявляя Великому Князю, что не только два его брата управляютъ улусомъ, но и онъ съ ними, выражалъ эту мысль такъ, что «онъ отъ трехъ оглоблей одна.» Крымскому Калгѣ прислали мало поминокъ изъ Москвы, по этому онъ свое неудовольствіе высказалъ слѣдующимъ

возраженіемъ: «У меня людей много, и если я стану поминки жевать и на людей плевать, то и тогда ихъ не достанетъ». Турецкій Султанъ посадилъ въ Кафу своего сына, и такое сосѣдство для Крымскаго Хана было весьма непріятно, то, для характеристики такого положенія дѣлъ, Менгли-Гирей приводилъ пословицу, что «въ одинъ котелъ двѣ бараньи головы не лѣзутъ.» Если самъ Царь сравнилъ Крымъ съ котломъ, а свою собственную голову съ бараньей, то, кажется, никто не имѣетъ права поднимать значеніе Степняковъ выше того, чему они себя уподобляли; при томъ, ихъ Европейскіе современники, Москвичи и Литовцы, если и поднимали Степняковъ, въ ихъ собственныхъ глазахъ, выше родныхъ имъ животныхъ и вещей, то вѣжливо ихъ сравнивали съ разбойниками, которые безъ того жить не могутъ, чтобы не воевать, то есть, грабить и разорять. Когда же Москвичи и Литовцы звали Татаръ къ себѣ на помощь, то говорили Царю: «Ты бы, братъ, поберегъ наши Украйны отъ нашихъ непріятелей, да и своимъ людямъ не давалъ бы наши Украйны грабить»; но такъ какъ послѣднее почти постоянно происходило, то Царь объ этомъ говорилъ, что напрасно на это жаловаться, по тому что у него лихихъ людей такъ много, что ихъ удержать нельзя; «они», видя, что есть что грабить, пограбили.» Когда, по наученію Москвичей, или Литовцевъ, предпринималось важное Татарское нашествіе, то Степняки объявляли желаніе, чтобы или Литовскій Панъ ихъ велъ на Москву, или Московскій Бояринъ на Литву, и указывалъ бы имъ, что грабить и какъ разорять.

Когда въ первой половинѣ XIII вѣка срединная Азія выслала своихъ сыновъ на Европу, то Степной вопросъ стоялъ у горъ Чешскихъ; во второй же половинѣ XV столѣтія предѣлы, на которыхъ Степняки могли безпрепятственно двигаться, ограничивались теченіемъ Днѣстра, нижнимъ теченіемъ Днѣпра, степями на югъ отъ Оки; Волга отъ Нижняго Новгорода текла уже въ широкой степи, собственности Ордынцевъ. Но здѣсь нужно сдѣлать оговорку, что земли по Деснѣ и нѣкоторымъ рѣкамъ, впадающимъ южнѣе ея въ Днѣпръ, были уже заселены; такія же поселенія скрывались за лѣсами на правой сторонѣ Оки. Главною защитою Московскаго Государства отъ нашествій Степняковъ являлась рѣка Ока: она для Татаръ была «большая узда», прорваться сквозь которую составляло для нихъ почти непреоборимую труд-

ность. Берега этой большой узды постоянно охранялись дружинами Московскихъ служебныхъ Князей, обязанностію которыхъ было смотрѣть, какъ бы Татары, гдѣ ни будь нечаянно не переправились на лѣвой берегъ рѣки. Изъ южныхъ степей теперешней Россіи Татары подходили къ Окѣ по водораздѣламъ Днѣпра, Дона и Волги; что же касается того, что былъ еще водораздѣлъ Оки и Днѣпра, то онъ, защищенный лѣсами и многочисленными мелкими рѣками, былъ значительно заселенъ, и по тому этотъ путь былъ труденъ для прихода Татаръ на Русь.

Объ отношеніяхъ къ Степнякамъ ихъ Европейскихъ сосѣдей нельзя говорить, чтобы они имѣли какую ни будь юридическую форму. Степняки сравнивали себя съ животными, а Европейцы считали ихъ разбойниками: изъ этѣхъ понятій выходили и всѣ отношенія къ нимъ. Впрочемъ, самое понятіе, связанное съ словомъ «отношеніе», непримѣнимо къ Степнякамъ, и Европейцы больше думали объ образѣ обхожденія съ ними и о средствахъ избавиться отъ этой напасти.

Василій Васильевичъ Темный, дѣлая распоряженія, въ своей духовной грамотѣ, о томъ, какъ его наследники должны собирать выходъ или дань Татарамъ, говоритъ: «а перемѣнитъ Богъ Орду». ⁷⁴ Здѣсь Великій Князь, который самъ бывалъ въ Татарскомъ плѣну, гдѣ надъ нимъ Татары надругались, высказываетъ надежду, что, можетъ быть, его дѣти будутъ на столько счастливы, что имъ не придется испытывать тѣхъ непріятностей отъ Степняковъ, какія испытывали многіе изъ ихъ предковъ. Эта надежда основывалась на томъ, что во второй половинѣ XV вѣка Степняки не были скучены въ одну массу, а распадались на нѣсколько Ордъ, при чемъ главная изъ нихъ, Золотая Орда, при всей своей слабости, все еще закрывала собою отломившіяся отъ нея части. Этѣ части Золотой Орды были: Крымъ, Казань, а по мѣрѣ ослабленія главной появлялись на сцену одна за другой болѣе мелкія Орды и наконецъ разрозненные, въ нѣсколько сотъ и даже десятковъ человѣкъ, шайки Татаръ, бродившія по степямъ и высматривавшія себѣ добычу.

⁷⁴ С. Г. Г. и Д. т. 1, № 86.

Образъ обхожденія съ Степняками выработался въ довольно правильную систему, состоявшую въ томъ, что Московскіе Государи не желали вступать съ ними въ бой, а только отгоняли отъ своихъ границъ. Татаръ можно было купить подарками, но истребить эту язву давали средство сами же Степняки своею способностію къ ожесточеннѣйшей враждѣ между собою. А какова была способность Степняковъ при этой враждѣ истреблять самихъ себя, можно привести слѣдующій примѣръ. Въ слѣдствіе ссоры съ Ногайцами, Крымская Орда, въ 1523 году, перебравалась на восточную сторону Дона. Нашъ посолъ къ Турецкому Султану прислалъ (28-го Іюля, въ Москву грамоту изъ Азова: ⁷⁵ «а сказывали намъ, что подемъ пройти нельзя: по обѣ стороны стояли Ногайскіе Татары съ Крымскимъ полономъ. Мы послали впередъ Казаковъ, которые видѣли, какъ Крымцы бѣжали отъ Ногайскихъ Мурзъ, перевозились за Донъ, и какъ они тамъ тонули на перевозахъ. Да мы и самъ видѣли дней на 5, на 6 и на 10 пути, по которымъ мѣстамъ Крымцы возились, ино лежатъ теплыхъ лошадей, верблюдовъ и людей по берегу и по полю и телѣгъ метано добре много, а Татары Крымскіе по перевозамъ весьма многіе топли.» Любуясь на такого рода картину, Иванъ Семеновичъ Брюховъ (имя посла) ѣхалъ Дономъ; другіе же наши послы въ Крыму насчитывали Крымской Орды передъ этою ссорой до 100,000 людей взрослыхъ, а послѣ нея они же насчитывали Крымцевъ много много до 15,000 чело-вѣкъ, изъ которыхъ очень немногіе могли воевать. Возбуждать подобную вражду, ставить Степняковъ противъ Степняковъ, и тѣмъ, давши имъ занятіе, отвлекать отъ своихъ границъ, было сущностію всѣхъ дѣйствій нашихъ дипломатовъ по степнымъ дѣламъ, хотя здѣсь встрѣчались препятствія особаго рода, о которыхъ будетъ сказано ниже. Исключеніе изъ этого общаго правила обхожденія съ Степняками, то есть, смѣлое вступленіе въ бой съ цѣлою Ордой, представляетъ собою великая битва Куликовская и ей подобныя дѣла, нравственно удовлетворявшія народныя чувства, но они не были одобряемы многими людьми, руководившими обществомъ, какъ рискованныя, невыгодныя по пожертвованіямъ, съ которыми они сопряжены, и въ то же время не обѣщавшими большой выгоды въ будущемъ. Представители подобныхъ убѣжденій смѣ-

⁷⁵ Д. Тур. № 1, л. 257 и далѣе.

ло указывали на то, что послѣ Мамаѣ явился Тохтамышъ. За то совершенно иначе дѣйствовали Москвичи, когда Орды были слабы, или являлись въ видѣ мелкихъ шаекъ: тогда ихъ безпощадно истребляли, положительно не стѣсняясь въ средствахъ. «Стоянiе на Берегу» и занятiе Князей служебныхъ заключалось именно въ томъ, чтобы отгонять Татаръ отъ Русскихъ границъ и истреблять ихъ шайки.

Кромѣ того, что Москвичи постоянно старались возбуждать ссоры въ Ордахъ, было еще другое средство, впрочемъ, выходящее изъ перваго, сдерживать Степняковъ. Подобную Орду, какъ Казанская, которая при томъ осѣлась около своего города, старались поставить силою въ зависимость отъ себя, а Царевичей и Царей, которые были изгоняемы изъ Орды, въ Москвѣ съ удовольствiемъ принимали. Этѣмъ Царевичамъ Московскiй Государь обыкновенно давалъ во владѣнiя степные пограничные города; отсюда они могли, сколько имъ угодно, вмѣстѣ съ своими Татарами, мстить своимъ Ордынскимъ недругамъ и отгонять ихъ отъ Русскихъ границъ. Ходить въ степи съ Татарами этѣ Царевичи могли съ разрѣшенiя Московскаго Правительства и подъ руководствомъ Московскихъ Воеводъ. Главное владѣнiе такихъ Царевичей былъ Мещерскiй городокъ или Касимовъ, потомъ имъ давались во владѣнiе: Серпуховъ, Кашира и другiе города. Такихъ служебныхъ Татарскихъ Князьковъ въ Московской службѣ было значительное количество. Такъ какъ этѣ Князьки имѣли громадныя притязанiя на управленiе всѣми Ордами, то выпускомъ ихъ на свободу въ степи, и помощiю имъ Русскими ратями, обыкновенно пугали независимыхъ Степняковъ и сдерживали ихъ отъ набѣговъ на Украйны.

Такое положенiе Степняковъ, по видимому, давало возможность ихъ Европейскимъ сосѣдямъ сдѣлать изъ нихъ безсмысленное орудiе въ своихъ рукахъ. Но этѣ ихъ Европейскiе сосѣди были въ ссорѣ между собою и старались подчинить это орудiе своей волѣ, во вредъ своему врагу. Въ слѣдствiе этого степныя дѣла прiобрѣтаютъ особенный интересъ, по тому что на нихъ значительно отражаются тѣ отношенiя, въ какихъ находилось Московское Государство съ Литовскимъ. Основное правило обхожденiя съ Степняками было то, чтобы истреблять ихъ ихъ же средствами, но:

при враждѣ Европейцевъ выходило то, что каждый изъ нихъ старался направить Орду на предѣлы своего врага, въ слѣдствіе этого Орды получали значеніе, котораго они сами по себѣ не имѣли. Оба врага хотѣли дѣйствовать однимъ орудіемъ, а отъ этого управленіе имъ было дурно и наносило обоимъ управителямъ одинаковый вредъ.

Впрочемъ, мы не имѣемъ положительнаго права сказать, что, кромѣ отношеній Степняковъ къ Европейцамъ, не было у нихъ собственной своей исторіи. Они тоже жили и живутъ, исторія ихъ до крайности однообразна, и изучивши одинъ періодъ ея, мы уже знаемъ всѣ. Главное явленіе ея то, что почти въ опредѣленные періоды въ Ордахъ показывается какое-то судорожное движеніе, кончающееся или рѣзней между ними, или набѣгомъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, на границы котораго ни будь изъ сосѣднихъ Европейскихъ Государствъ.

Въ началѣ государствованія Іоанна III его отношенія къ главной Ордѣ были довольно мирны, по этому походы Московскихъ ратей были направлены противъ Казанской Орды, кончившіеся тѣмъ, что Казанскій Царь, Ибрагимъ, видя себя въ великой бѣдѣ, началъ посылать къ Великому Князю о мирѣ и добилъ челомъ на всей волѣ Великаго Князя и на Воеводской, а полонъ выдалъ за 40 лѣтъ.⁷⁶ Когда Иванъ Васильевичъ рѣшился, лѣтомъ 1471 года, ити на Новгородъ, то Король Казимиръ послалъ служившаго у него Татарина, Кирея Криваго, поднимать Хана Золотой Орды на Московскаго Государя. Царь продержалъ Кирея до осени, и отпустилъ потомъ къ Королю вмѣстѣ съ своимъ посломъ. Иванъ Васильевичъ успѣлъ управиться съ Новгородомъ и, кромѣ подкупа Татаръ, который, какъ надо полагать, былъ употребленъ, онъ посылалъ Семена Беклемишева искать въ степяхъ Царевича Муртозу, звать его къ себѣ жить: Беклемишевъ исполнилъ приказъ.⁷⁷

На слѣдующее лѣто 1472 года Ахматъ, по подговору Короля, рѣшился сдѣлать нашествіе на Московскія Украйны. Въ это время,

⁷⁶ Арх. лѣт. стр. 147.

⁷⁷ См. Исслѣд. о Касимовскихъ Царяхъ. Соч. Вельяминова-Зернова, ч. I, гл. 2.

какъ видно, у него находился и Московскій посолъ. Великій Князь, услыша о намѣреніяхъ Ахмата, послалъ Воеводъ къ Берегу. Въ концѣ Іюля тайно, ведомый проводниками, Ахматъ пришелъ подъ Алексинъ. Онъ пришелъ со стороны Литовскаго рубежа, около котораго оставилъ своихъ женъ, а также больныхъ и слабыхъ. Узнавъ, куда пришелъ Ахматъ, самъ Великій Князь и всѣ войска поспѣшили къ Алексину. Въ Алексинѣ войска было мало, ни пристрою городнаго, ни пушекъ, ни самострѣловъ не доставало, однако же, на первый день осады (30-го Іюля) было много побито Татаръ. Во время этой осады, какъ рассказываютъ Новгородцы, Воевода Алексинскій, Семень Беклемишевъ, человекъ на рати не вельми храбрый, требовалъ отъ Алексинцевъ посула, и они дали ему пять рублей, а онъ еще требовалъ шестаго для жены; но потомъ побѣждалъ отъ Татаръ со всѣми своими людьми. Татары, когда Беклемишевъ переправлялся на другую сторону Оки, бросились за нимъ, но не изловили; когда хотѣли перейти рѣку сами, то Семень и Петръ Беклемишевы, съ немногими людьми, долго ихъ не пускали, бились до того, что, наконецъ, и стрѣлъ не хватило, тогда уже думали бѣжать. Но подоспѣлъ на помощь Удѣльный Князь Верейскій, потомъ другой Князь, братъ Великаго Князя, Юрій, а потомъ и другія войска: тогда Русскіе начали одолѣвать. Татары, видя множество полковъ Русскихъ, которые все подходили, побѣжали за рѣку, а полки Великаго Князя подвинулись къ берегу. Татаръ обхватилъ страхъ, и они побѣжали отъ Оки, хотя ни одинъ изъ Русскихъ воиновъ не былъ на другомъ берегу. Когда Беклемишевъ убѣждалъ изъ Алексина, то городъ, зажженный Татарами, горѣлъ, и всѣ люди, находившіеся въ немъ, вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ сгорѣли, а которые выбѣжали, то попались въ руки Татаръ. Рассказываютъ, что когда Ахматъ, отбитый отъ Берега, побѣждалъ отъ Алексина, то, отошедъ версты на двѣ, спросилъ одного плѣннаго, по чему попавшихся въ плѣнъ мало, да и сгорѣвшихъ тоже мало? Плѣнный, за объясненіе этого, попросилъ себѣ свободы. Царь обѣщалъ дать ее, и тогда тотъ сказалъ, что болѣе тысячи человекъ, съ своимъ добромъ, забѣжало въ тайникъ: Царь воротился на пожарище, захватилъ находившихся въ тайникѣ, а рассказавшаго отпустилъ. ⁷⁸

⁷⁸ Лѣтописи: Новгородская 4-ая, Воскресенская, Никоновская и Архангельская.

Бѣгство Ахмата отъ Алексина было чрезвычайно быстро, такъ что многіе Татары померли на дорогѣ; на шестой день Татары пришли къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оставили своихъ женъ, и отсюда остальную часть лѣта шли по степямъ на свои зимовища. Причину такого быстрого бѣгства Татаръ нѣкоторые лѣтописцы объясняютъ тѣмъ, что Татары Ахматовой Орды узнали отъ Татаръ, служившихъ Великому Князю, что подъ Алексинымъ не все войско, а что самъ Великій Князь стоитъ подъ Ростиславлемъ, Царевичъ Дарьянъ Касимовскій въ Коломиѣ, Князь Андрей Васильевичъ Большой съ Муртазой Царевичемъ въ Серпуховѣ. Испугавшись этѣхъ вѣстей, Ханъ побѣжалъ, боясь того, что Царевичи, служащіе Великому Князю, захватятъ его женъ, оставленныхъ имъ безъ защиты. Когда Великій Князь узналъ, что Царь ушелъ изъ подъ Алексина, то послалъ многихъ своихъ людей забирать оставшихъ и «плѣну Христіанскаго ради»; когда же пришла вѣсть, что Царь дошелъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ оставилъ своихъ женъ, то Великій Князь распустилъ свои войска по домамъ.

Это нашествіе Ахмата было въ концѣ Іюля и началѣ Августа, 1472 года, а въ Февралѣ слѣдующаго года, въ договорной грамотѣ Ивана Васильевича съ своимъ братомъ, Борисомъ, въ числѣ условій о выходѣ Татарамъ встрѣчаемъ выраженіе, указывающее на то, что этотъ выходъ платили не въ одну Орду, какъ прежде, а въ «Орды». ⁷⁹ Обстоятельства натолкнули на то, что Иванъ Васильевичъ завелъ сношенія съ другою Ордой, кромѣ Золотой, съ Крымской, которая съ этого времени начинаетъ играть важную роль въ нашей исторіи.

Помѣстившись на Крымскомъ полуостровѣ, часть Степняковъ нашла себѣ, въ географическомъ отношеніи, самое выгодное мѣсто и крайне опасное для Европейскихъ сосѣдей. При всей способности Степняковъ истреблять самихъ себя, Крымская Орда всегда пополнялась тѣми Татарами, которые оставались безъ предводителей въ степяхъ: они или сами заходили на полуостровъ, или ихъ туда загоняли Крымскіе Царевичи. Изъ Крыма, какъ съ острова, Татары выплывали въ море степей и направлялись или на Литовскую и Польскую Украйны, или къ Московскому

⁷⁹ С. Г. Г и Д. т. I, № 97.

Берегу. Переплыть это море степей для Восточныхъ Европейцевъ было несравненно труднѣе, чѣмъ Западнымъ Средиземное. На Востокъ возможность сдѣлать это дѣло съ успѣхомъ представилась только въ XVIII столѣтіи, а до этого времени истребить Крымцевъ не было возможности. Даже обыкновенное средство, выставить Степняковъ противъ Степняковъ, могло быть только временнымъ облегченіемъ, по тому что если бы Крымская Орда и была побѣждена, то побѣдители придутъ на насижненное мѣсто и, такимъ образомъ, могли замѣняться одни варвары другими.

До времени Іоанна III Крымская Орда основалась не задолго, а современникъ его, Ханъ Менли-Гирей, былъ представителемъ вражды Крымской Орды къ Золотой. И вотъ Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ войти въ сношенія съ Менгли-Гиреемъ, хотя сношенія и съ Ахматомъ не прерывались.

II.

Изъ записанныхъ сношеній Москвы съ Крымомъ мы узнаемъ, что Менгли-Гирей находился въ довольно дружественныхъ отношеніяхъ къ Литвѣ: онъ, занявши мѣсто отца въ Крыму, далъ ярлыкъ Казимиру и пожаловалъ его владѣніями Русскими.⁸⁰ Опасность отъ внѣшнихъ враговъ заставила Менгли-Гирея вступить въ дружбу и съ Москвою, и при этомъ спустить съ себя спеси въ отношеніи къ Московскому Великому Князю. Въ началѣ 1474 года пріѣхалъ отъ Менгли-Гирея въ Москву посолъ, Ази-Баба, который объявилъ, что Царь пожаловалъ Великаго Князя братомъ и другомъ, сталъ его держать и принялъ въ такое же братство, какъ и Короля, 'чтобъ быть имъ другу другомъ, а недругу недругомъ. При этомъ посолъ объявилъ, что Царь дозволилъ послу Великаго Князя, когда тотъ пріѣдетъ въ Крымъ, ити прямо къ Царю. 31 Марта Ази-Баба поѣхалъ въ Крымъ; съ нимъ отправился Московскій посолъ, Никита Васильевичъ Беклемишевъ, «бить челомъ Царю за пожалованіе» и просить у Царя ярлыка, въ которомъ бы ясно было написано это пожалованіе. При писаніи ярлыка Беклемишевъ долженъ былъ просить, чтобы дали ярлыкъ по образцовому списку, присланному съ нимъ изъ Москвы, и если къ Ко-

⁸⁰ Ак. Зап. Рос. т. 2, № 6.

ролю Царь пишетъ, что онъ его жалуетъ ярлыкомъ, то Беклемишеву при писаніи ярлыка «за пожалованіе» не стоять. Если Царь захочетъ написать въ ярлыкѣ, чтобы Великій Князь былъ съ нимъ за одинъ на его недруга, Ахмата, и если пойдетъ Ахматъ на него, то Великому Князю пустить на Орду своихъ Царевичей; въ этомъ случаѣ Беклемишеву отъ упоминанія имени Ахмата въ ярлыкѣ отговариваться и говорить, что въ ярлыкѣ уже написано, что быть другу другомъ, а не недругу недругомъ; если Беклемишевъ этого не отговоритъ, то написать въ ярлыкѣ и то, что если Ахматъ пойдетъ на Великаго Князя, то Менгли-Гирею ити на Ахмата, да такъ же быть Менгли-Гирею за одинъ на недруга Великаго Князя, на Короля, и если Король пойдетъ на Великаго Князя, то Менгли-Гирею ити на Королеву землю. Изъ этого наказа видно, что Московскій посолъ только при сильномъ упорствѣ Крымцевъ долженъ былъ согласиться на упоминаніе въ ярлыкѣ имени Ахмата, какъ врага. При этомъ Беклемишеву было наказано, что если Царь потребуетъ, чтобы Великій Князь не посылалъ своихъ пословъ къ Ахмату, то говорить на это: «Государя моего отчина на одномъ полѣ съ нимъ, и кочуетъ онъ (Ахматъ) подлѣ отчины моего Государя, такъ немочно тому быть, чтобы между ихъ посламъ не ходить.»

Объ успѣхѣ посольства Беклемишева ⁸¹ можно узнать изъ наказа послу, отправившемуся въ Крымъ изъ Москвы послѣ возвращенія Беклемишева. Въ то время, какъ Беклемишевъ былъ въ Крыму, въ это время, въ первой половинѣ Іюля мѣсяца, было въ Москвѣ посольство изъ Золотой Орды, откуда пришелъ Никита

---

⁸¹ Съ Беклемишевымъ было послано нѣсколько образцовыхъ ярлыковъ, и по какому изъ нихъ далъ свой ярлыкъ Менгли-Гирей, утвердительно сказать нельзя, по тому что нѣтъ отвѣта на посольство Беклемишева. Въ С. Г. Г. и Д. т. 5 (этотъ томъ хотя не пущенъ въ продажу, но на него ссылаются, слѣдовательно, даютъ значеніе), подъ № 1 напечатанъ ярлыкъ 1474 года: это одинъ изъ образцовыхъ ярлыковъ. Какъ подлинный, онъ напечатанъ, изъ наказа послу, у Карамзина, т. 6, прим. 124. То же должно сказать о большинствѣ ярлыковъ, напечатанныхъ въ 5 т. С. Г. Г. и Д., т. е., что напечатаны проекты, а не подлинники, и по этому ссылки на нихъ (въ Ист. Рос. т. 5, прим. 126; у Вельяминова-Зернова въ Исслѣдованіи о Касимовскихъ Царяхъ, ч. 1, прим. 39, и у другихъ) не совсѣмъ основательны. О сношеніяхъ Россіи съ Крымомъ въ Великокняженіе Ивана III есть статья Г-на Калугина, напечатанная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1855

Басенокъ съ посломъ Ахмата, Кара-Кучумомъ; съ ними пришло множество Татаръ, составлявшихъ свиту посла, какъ говорятъ, до шести сотъ человѣкъ, которыхъ кормили, да такъ же множество Ордынскихъ купцовъ. Объ какихъ собственно дѣлахъ пересылался Великій Князь съ Ахматомъ, не извѣстно. Въ Ноябрь возвратился Беклемишевъ отъ Менгли-Гирея съ его посломъ, Довлетекъ Мурзою, который объявилъ, что Менгли-Гирей принялъ Великаго Князя въ братство и любовь, на дѣтей и внучатъ, быть другу другомъ, а недругу недругомъ. Довлетекъ Мурза пробылъ въ Москвѣ до Марта мѣсяца слѣдующаго 1475 года, когда Великій Князь его отпустилъ къ Царю, вмѣстѣ съ своимъ посломъ, Алексѣемъ Старковымъ, изъ наказа которому мы узнаемъ о подробномъ содержаніи отвѣта Менгли-Гирея на посольство Беклемишева, и отвѣтъ Великаго Князя Довлетекъ Мурзѣ. Если Царь предложитъ вопросъ: «Я приказывалъ своему брату, чтобы онъ былъ со мною за одинъ на Царя Ахмата, и для этого пустилъ бы на него своихъ Царевичей, а братъ мой мнѣ на то правды не далъ;» Старковъ долженъ былъ на это отвѣчать: «Братъ твой билъ тебѣ челомъ, и ты пожаловалъ быть вездѣ за одинъ, безъ выговора, на всякаго недруга; мой же Государь выговаривалъ имя своего недруга, Короля; а ты вольный человѣкъ, не хочешь на него помогать и говоришь, что Король еще съ твоимъ отцомъ былъ въ братствѣ, да такъ же и съ тобою теперь, и ты этого братства не хочешь нарушать; но тебѣ также вѣдомо, вольному человѣку, что отцы и дѣды моего Государя посылали своихъ пословъ къ Ордынскимъ Царямъ, и по этому мой Государь и теперь ихъ посылаетъ къ Ахмату; такъ ты бы пожаловалъ моего Государя, не помогалъ на него Королю.» Если же Менгли-Гирей скажетъ: «Я не помогаю ему на Короля, по тому что Король мнѣ братъ, и такъ же Королю не помогаю на Великаго Князя, по тому что и онъ мнѣ братъ;» въ такомъ случаѣ Старковъ долженъ просить Менгли-Гирея, чтобы онъ объ этомъ Великому Князю отказалъ съ своими послами. Наконецъ Старкову было наказано, что если Менгли-Гирей твердо будетъ требовать, чтобы Иванъ Васильевичъ непременно посылалъ Царевичей на Ахмата, и въ противномъ слу-

---

года, въ №№ 106—109. Для своей статьи Г-нъ Калугинъ, какъ и Полевой (въ Исторіи Русскаго народа), не пользовался подлинными Архивскими дѣлами.

чаѣ будетъ грозить разорвать шерть, то Старкову говорить, что Великій Князь будетъ посылать Царевичей на Ахмата, только бы и Менгли-Гирей былъ съ нимъ за одинъ на недруга Великаго Князя, на Короля, и далъ бы объ этомъ ярлыкъ.⁸²

Этѣ сношенія съ Крымомъ если принесли пользу, то только въ будущемъ времени, а послѣ посольства Старкова они прекратились, по тому что въ томъ же 1475 году Крымъ былъ завоеванъ Турками. Менгли-Гирей при этомъ попалъ въ плѣнъ, потомъ былъ возстановленъ Турками на Крымскомъ престолѣ, но Ахматъ въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, послалъ своего сына на Крымъ, и взялъ всю Орду Крымскую, а Менгли-Гирея согналъ,⁸³ и въ то же время въ Москву пришелъ отъ него посолъ, зовя Великаго Князя въ Орду къ Царю. Ахматовъ посолъ пробылъ въ Москвѣ почти два мѣсяца (пріѣхалъ 11 Юля и уѣхалъ 6 Сентября), и поѣхалъ въ Орду съ Московскимъ посломъ, Бестужевымъ. Великій же Князь не исполнилъ требованія Царя, не явился самъ въ Орду, а занялся Новгородскими дѣлами. Содержанія дальнѣйшихъ сношеній съ Ахматомъ мы не знаемъ, но они продолжались. Въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ управлялся съ Новгородомъ, то его дѣла тамъ разнообразно отражались въ отношеніяхъ къ Степнякамъ, и такъ же обратно; такъ, когда Иванъ Васильевичъ, въ 1478 году, привелъ Новгородъ окончательно въ свою волю, и еще онъ находился въ Новгородѣ, то къ Казанскому Царю пришла ложная вѣсть, что Великаго Князя Новгородцы побили, онъ бѣжалъ раненый и только самъ четверть. Въ слѣдствіе этой вѣсти Казанскій Царь послалъ свою рать на Вятку, но когда пришли справедливыя извѣстія о Новгородскихъ дѣлахъ, то Царь велѣлъ воротиться рати. Пріѣхавъ въ Москву изъ Новгорода, Иванъ Васильевичъ въ ту же весну отправилъ свою рать на Казань, но Казанскій Царь прислалъ съ челобитьемъ къ Великому Князю, который его и пожаловалъ, взялъ съ нимъ миръ на всей своей волѣ. По

---

⁸² Дѣла Крымскія № 1: Посольства Беклемишева и Старкова.

⁸³ О смѣнахъ Хановъ въ Крыму въ это и послѣдующее за тѣмъ время, до окончательнаго утвержденія Менгли-Гирея на Крымскомъ престолѣ, см. Исслѣдованіе по Восточнымъ и Европейскимъ источникамъ у Вельяминова Зернова: Исслѣдованіе о Касимовскихъ Царяхъ гл. III. Нуръ-Даулетъ.

еще въ то время, когда отправлялся Иванъ Васильевичъ въ Новгородъ, онъ послалъ къ Крымскому Хану, Зенебеку, посаженнику Ахматову, съ предложеніемъ быть ему съ Великимъ Княземъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ былъ послѣдній съ Менгли-Гиреемъ. Но заводить сношенія съ Зенебекомъ было бесполезно, по тому что въ 1479 году усѣлся въ Крымѣ опять Менгли-Гирей, а Зенебекъ бѣжалъ къ Московскому Государю. Менгли-Гирей, усѣвшись въ Крыму, отправилъ грамоты въ Москву. Въ какомъ положеніи были Крымскія дѣла и объ чемъ теперь заботился Менгли-Гирей, мы узнаемъ изъ отвѣта на этѣ грамоты Ивана Васильевича. Онъ отправилъ въ отвѣтъ на грамоты посла своего, Бѣлаго; ему было наказано: если онъ на дорогѣ узнаетъ, что Ханъ въ Крыму опять перемѣнился, то долженъ вернуться въ Москву. Содержаніе рѣчей было слѣдующее: «Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка съ извѣстіемъ, что сѣлъ на мѣстѣ своего отца, и писалъ ты, что я твоего недруга, Царя Зенебека, къ себѣ принялъ, то я его для тебя принялъ, держу его у себя, и тѣмъ своей землѣ истому дѣлаю, и все то для тебя; а что писалъ ты, что если съ тобой случится невремя (несчастіе), то мнѣ принять тебя и твою истому поднять, я на это всегда готовъ.» Представляя поминки, Бѣлой долженъ былъ говорить Царю, чтобы онъ не сердился на легкіе поминки. по тому что тяжелые истомно полемъ везти, а черезъ Литву нѣтъ пути. На вопросъ Царя, по чему черезъ Литву нѣтъ пути, Бѣлой долженъ былъ отвѣчать, что тамъ стерегутъ всякаго, ѣдущаго къ Царю отъ Великаго Князя и отъ Царя къ Великому Князю. Изъ этого наказа можно видѣть, какую цѣну давали въ Москвѣ значенію Менгли-Гирея. Въ тотъ же 1479 годъ, когда Бѣлый былъ въ Крыму и Иванъ Васильевичъ отправился смирять покоренный Новгородъ, пріѣхали къ нему служить два бывшіе Крымскихъ Царя, братья Менгли-Гирея, Пуръ-Даулетъ, съ сыномъ и братомъ Айдаромъ. Они были передъ этѣмъ въ Литвѣ, теперь же пріѣхали въ Москву, гдѣ ихъ приняли. И объ этомъ, какъ о Зенебекѣ, было извѣщено въ Крымъ. Въ какомъ положеніи находились отношенія къ Степнякамъ въ то время, когда Иванъ Васильевичъ употребилъ ужасъ для смиренія Новгорода, служить для объясненія наказъ Князю Ивану Звѣнцу, отправившемуся въ Крымъ, по возвращеніи Бѣлаго оттуда, а Великаго Князя изъ Новгорода, 16 Апрѣля, 1480 года. Изъ наказа Князю Звѣнцу мы узнаемъ,

во первыхъ, отвѣтъ Менгли-Гирея на посольство Бѣлаго. Звѣнецъ долженъ былъ говорить Царю: «Ты приказывалъ, чтобы я на твоего недруга, на Царя Ахмата, былъ съ тобою за одинъ, и если онъ пойдетъ на тебя, и мнѣ на него отпустить своихъ Царевичей, а пойдетъ онъ на меня, то тебѣ сѣсти на конь и на него пойти, или отпустить на него своего брата, и я съ тобою на Ахмата Царя одинъ человекъ. Да такъ же ты былъ бы на нашего общаго недруга, на Короля, со мною за одинъ, и пожаловалъ бы, на томъ крѣпкое слово молвилъ и далъ новый ярлыкъ.» Объ этомъ послѣднемъ Князь Звѣнецъ долженъ былъ говорить «на крѣпко.» Въ доказательство того, что Король недругъ Менгли-Гирею, Князь Звѣнецъ долженъ былъ говорить: «Король взялъ къ себѣ твою братью, и держитъ ее у себя на твое лихо.» Но какъ вполнѣ неопредѣленны были отношенія Москвы къ Ахмату, служить слѣдующая часть наказа: «Если Царь будетъ говорить, чтобы Великій Князь не посылалъ пословъ въ Орду, то отвѣчать, что и прежде было уже говорено, т. е., нельзя не пересылаться, такъ какъ отчина Государя съ Ахматовой Ордой на одномъ полѣ; но если Царь будетъ стоять на своемъ, то Князю Звѣнцу за свой отвѣтъ крѣпко не держаться (не иматься). Потомъ если будетъ въ Крымѣ вѣсть, что Царь Ахматъ на сей сторонѣ Волги и кочуетъ подъ Русь, тогда говорить Менгли-Гирею, чтобы онъ, по своему слову, пошелъ бы самъ на Ахмата, или послалъ брата. Да объ этомъ дѣлѣ тогда говорить всѣмъ вельможамъ, и если Царь не захочетъ ити на Ахмата, то пусть бы шелъ на Литовскую землю, или брата своего туда отпустилъ. А будетъ Ахматъ за Волгою, то объ этомъ не говорить.

Таково было состояніе степныхъ дѣлъ къ веснѣ 1480 года, по достовѣрнымъ источникамъ. Въ Золотой Ордѣ, какъ видно, боролись два вліянія, Московское и Литовское. Но для полноты объясненія отношеній къ Крыму здѣсь слѣдуетъ сказать, что такъ какъ прежде Менгли-Гирей просилъ, въ случаѣ несчастія, убѣжища въ Московскихъ владѣніяхъ, то теперь Князь Звѣнецъ привезъ Менгли-Гирею опасную грамоту о томъ, что въ несчастіи Царь можетъ добровольно пріѣхать въ Москву и добровольно отъѣхать. Князь Звѣнецъ долженъ былъ объявить при этомъ, что на ней Великой Князь крестъ цѣловалъ: у Христіанъ больше этой клятвы нѣтъ, и

что Великому Князю нельзя давать такой клятвы, какой требовалъ Царь, а именно, что если Великій Князь не исполнить обѣщанія, то быть ему убиту.⁸⁴

Такимъ образомъ все зависѣло отъ того, что случится въ отношеніяхъ Великаго Князя къ Ахмату, и возлагалась вся надежда на талантъ Князя Звѣнца; что онъ сдѣлалъ, увидимъ ниже, теперь же обратимся къ Золотой Ордѣ.

III

Въ 1517 году, 9 Ноября, на слова Литовскихъ пословъ Московскимъ Боярамъ, что они говорятъ о неисправленіяхъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ только за угломъ (потому что посламъ Бояре неисправленій еще не говорили, а говорили Императорскому послу, Герберштейну), а если бы сказали, то они на то и отвѣтъ дали,—тогда Бояре стали пересчитывать неисправленія Королей и начали такъ:.... «Не только Жигимондъ, но и его предки, никогда не правили по dokonчанью: еще Король Казимиръ былъ въ dokonчаньѣ съ Великимъ Княземъ, Васи́лемъ Васи́льевичемъ, и было постановлено, что если надъ кѣмъ изъ нихъ Божья воля станется, то быть въ dokonчаньѣ съ дѣтьми, и воля Божья сталась надъ Великимъ Княземъ, Васи́лемъ Васи́льевичемъ, и Великій Князь, Иванъ Васи́льевичъ, послалъ къ Королю Казимиру пословъ, чтобы учинился онъ съ нимъ въ любви, какъ былъ съ отцомъ его, и Король Казимиръ, не хотя dokonчанье правити, началъ подъ Государемъ подыскиваться, и учалъ безерменство наводить и къ Ордынскому Царю Ахмату посылать, и навелъ его на землю Государя, и приходилъ Ахматъ подъ Угру, и въ вожахъ у него были Королевы люди, Сова Карповъ и иные люди, и Государя нашего Богъ миловалъ,—и иныхъ много дѣлъ было Государю нашему отъ Казимира....»⁸⁵ Этѣхъ иныхъ дѣлъ Бояре не сказали, а указали на главное. Что же отвѣчали послы Литовскіе на такое обвиненіе? Намъ извѣстно только, что при этѣхъ переговорахъ было много рѣчей.

⁸⁴ Дѣла Крымскіе № 1: Посольства означенныхъ въ текстѣ пословъ.

⁸⁵ Литов. Метр. № 2, л. 20 и 21.

Объ нашествіи Ахмата подѣ Угру существуютъ въ нашихъ лѣтописяхъ два разсказа: одинъ съ офиціальнымъ характеромъ (этотъ разсказъ мы можемъ видѣть, на примѣръ, въ Никоновской лѣтописи подѣ 6988 и 89 годами), другой же враждебный къ Ивану III. Здѣсь нужно замѣтить, что можетъ быть разсказъ враждебнаго лѣтописца къ Ивану III дошелъ до насъ не въ первоначальной чистотѣ; въ лучшей формѣ этотъ разсказъ мы можемъ видѣть вставленнымъ въ Софійскую лѣтопись, а въ другихъ лѣтописяхъ, которыя если и имѣли разсказъ, не подвергшійся многимъ перепискамъ, то тонъ и даже подробности его подверглись игрѣ воображенія составителей лѣтописей. Такъ же можетъ быть, что составители лѣтописи, когда брали въ основу разсказъ съ офиціальнымъ характеромъ, все таки подверглись вліянію талантливаго враждебнаго лѣтописца. Отвергать положительно подробности разсказа враждебнаго лѣтописца нельзя, по тому что сочинитель его, хотя и дѣлаетъ ошибки, но, какъ видно, былъ чело-вѣкъ, вообще хорошо знакомый съ дѣломъ.

Послѣ отъѣзда въ Крымъ посломъ Князя Ивана Звѣнца (16 Апрѣля, 1480 г.); пришла вѣсть къ Великому Князю, что безбожный Царь Ахматъ Большіе Орды идетъ на Православное Христіанство, на Русь, похваляясь Христіанство разорить, а Великаго Князя плѣнить, какъ было при Батыѣ. Царь Ахматъ уже слышалъ, что братья отъ Великаго Князя отступили, при томъ онъ соединился съ Королемъ, съ которымъ условился, что ему ити на Великаго Князя полемъ, а тому отъ себя. Причина нашествія Ахмата была та, что Великій Князь ему выхода не платилъ. Съ Царемъ была вся Орда, — безчисленное множество Татаръ; онъ шелъ тихо вѣльми, ожидая Короля, такъ какъ когда онъ пошелъ, то отправилъ къ союзнику его пословъ и съ ними своего. Съ весны Великій Князь началъ отпускать своихъ Воеводъ на Берегъ, туда же на Берегъ въ Тарусу пошелъ и Князь Андрей Меньшой; 8-го Юня былъ отпущенъ на Берегъ въ Серпуховъ, со многими Воеводами, сынъ Великаго Князя, Великій Князь Иванъ Ивановичъ. Когда Иванъ Васильевичъ получилъ вѣсть, что Царь приближается къ Дону, то вышелъ и самъ на Берегъ въ Коломну. Это было уже 23 Юля, и здѣсь Великій Князь стоялъ до конца Сентября. Такимъ образомъ Берегъ былъ защищенъ и Татарамъ некуда было

высадиться изъ степей. Узнавши все это, Царь рѣшился, черезъ Литовскія владѣнія, обойти Оку и, переправившись черезъ Угру, вторгнуться въ Московскія владѣнія. Узнавши все это, Великій Князь велѣлъ своему сыну, Ивану Ивановичу, и брату, Андрею Меньшому, одному изъ Серпухова, а другому изъ Тарусы, ити къ Калугѣ и встать на берегу Угры. Къ Октябрю мѣсяцу Татары, ведомы Литовскими вожаками мимо Мценска, Любутска и Одоева, перешедши черезъ Оку, подошли къ Воротынску и встали на берегу Угры; но здѣсь броды и перевозки были уже заняты Москвичами.

Прежде, когда Ахматъ приходилъ подъ Алексинъ, то дѣло кончилось скоро: его отбили отъ Берегу. Теперь нашествіе очень долго приготавлилось: Ахматъ шелъ тихо и все поджидалъ помощи отъ Короля, который не думалъ ему помогать, «понеже быша ему свои усобицы,» и онъ уже отказалъ въ помощи братьямъ Великаго Князя, а Иванъ Васильевичъ предоставилъ имъ свободно бродить по Новгородскимъ областямъ, зная, что отсюда его враги не получаютъ уже ни какой помощи. Стоя съ войскомъ слишкомъ два мѣсяца въ Коломнѣ, Иванъ Васильевичъ получалъ всѣ вѣсти о движеніяхъ Ахмата. Изъ словъ враждебнаго къ Ивану III лѣтописца можно заключить, что въ Коломнѣ Великій Князь и Бояре разсуждали объ образѣ обхожденія съ Татарами. Два Боярина, Ощера и Мамоновъ, были такихъ мнѣній, что за нихъ враждебный лѣтописецъ не знаетъ, какой брани прибрать; такъ объ одномъ замѣтилъ, что Князь Иванъ Андреевичъ Можайскій (надо помнить, что Можайскій былъ врагъ отца Ивана III) его мать за волшебство сжегъ, а вообще ихъ называетъ «богатыми, брюхатыми, сребролюбцами, предателями Христіанства, понаровниками Бусурманъ.» Между тѣмъ мы должны замѣтить, что этѣ Бояре и ихъ дѣти были людьми довольно образованными, по тогдашнему времени; потомъ они являлись лучшими дипломатами по степнымъ дѣламъ и въ Крымскихъ Статейныхъ спискахъ дошли до насъ записки объ ихъ посольствахъ, совершенно оправдывающіе ихъ отъ даннаго имъ названія измѣнниковъ. Обхожденіе съ Татарами, котораго совѣтовали придерживаться Ощера и Мамоновъ, послѣ постоянно держались, и покой Московскихъ границъ отъ степи, за время Ивана III, свѣдѣтельствуешь въ ихъ защиту. Изъ

словъ лѣтописца можно понять, что Ощера и Мамоновъ говорили Ивану Васильевичу, что нужно отправить къ Ахмату посла съ поминками, побольше тѣхъ, которые далъ Король, и тогда Ахматъ навѣрно повернетъ во свояси; въ подтвержденіе этого мнѣнія они могли указывать на то, что Ахматъ идетъ «тихо вельми.» Но враждебный лѣтописецъ записалъ о Боярахъ слѣдующее: они напомнили Великому Князю бой подъ Суздалемъ, и что на немъ Великій Князь Василій попался Татарамъ въ плѣнъ, и тамъ подвергся побоямъ; а когда приходилъ Тохтамышъ, то Дмитрій Донской бѣжалъ на Кострому, а не бился съ Царемъ; Бояре говорили, что «отъ прародителей Великаго Князя есть завѣтъ не поднимать рукъ на Царя, и кончали свои убѣжденія слѣдующими словами: «побѣги и не смѣй стать съ Царемъ на бой!» Нужно замѣтить, что въ этомъ рассказѣ лѣтописи потомству подана жалоба не на Бояръ, а на Донского, когда онъ самъ сталъ управлять Великимъ Княженіемъ, и вообще на весь «кровопійственный родъ,» а главное на человека, который, повинуясь мысли и думѣ этѣхъ Бояръ, оставилъ войско у Оки на берегу, городокъ Каширу самъ велѣлъ сжечь и побѣжалъ въ Москву. Но оказывается, что дѣло было проще: Иванъ Васильевичъ приказалъ войску ити на Угру къ сыну, у котораго былъ Воевода Князь Данило Холмскій; самъ же, не считая нужнымъ сопровождать войско отъ Коломны до Калуги, 30-го Сентября поѣхалъ въ Москву. Сюда явился Великій Князь для того, чтобы посоветоваться съ Митрополитомъ, своею матерью, Княземъ Михайломъ Андреевичемъ Верейскимъ и со всѣми Боярами, и, кромѣ того, сдѣлать многія распоряженія, объ которыхъ и враждебный лѣтописецъ тоже упоминаетъ: Дмитровцевъ перевелъ въ осаду въ Переяславль, и что потомъ въ это время прислали къ Великому Князю бунтующіе его братья съ предложеніемъ помощи и будто бы говорили такъ: «Мы придемъ къ тебѣ на помощь, если ты къ намъ исправишься и силы надъ нами не будешь чинить,» и Великій Князь «отдался во всю волю своихъ братьевъ.» А съ офиціальнымъ характеромъ рассказъ говоритъ, что братья Великаго Князя прислали о мирѣ, и онъ ихъ «пожаловалъ по печалованью матери,⁸⁶ и пр. Далѣе враждебный лѣтописецъ говоритъ, что когда Великій Князь въѣзжалъ изъ Ко-

---

⁸⁶ См. выше стр. 5—7.

ломны въ Москву, то горожане, перебивавшіеся въ осаду изъ посадовъ въ городъ, начали упрекать бѣгущаго Государя, что онъ во время мира дурно управляетъ Государствомъ, а теперь выдаетъ подданныхъ Татарамъ, по тому что не платитъ Царю выхода (выходъ, какъ извѣстно, былъ въ числѣ податей, и потому народъ будто бы упрекалъ Великаго Князя въ такомъ тонѣ, что онъ этотъ выходъ не отдаетъ Царю, а оставляетъ себѣ). Когда же Иванъ Васильевичъ вѣхалъ въ городъ, то Владыка Ростовскій началъ называть его въ глаза бѣгуномъ. Все это повело къ тому, что Иванъ Васильевичъ, зная ропотъ гражданъ, опасался жить въ городѣ, въ своемъ дворѣ, и помѣстился въ Красномъ Сельцѣ, и оттуда послалъ къ сыну грамоты, чтобъ вѣхалъ онъ въ Москву; тотъ же не поѣхалъ отъ Берега: мужество показалъ, брань принялъ отъ отца и не выдалъ Христіанство; тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ Князю Холмскому приказъ схватить сына и привести въ Москву, но и Князь Данило того не сотворилъ.

Здѣсь мы должны замѣтить, что извѣстная партія должна была съ сочувствіемъ говорить о знаменитомъ Князѣ Холмскомъ и о Великомъ Князѣ Иванѣ Ивановичѣ. Такъ, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Князь Данило первый изъ Князей принужденъ былъ дать о службѣ клятвенную запись, по которой, за неисполненіе обязательствъ, Государь воленъ его казнить,⁸⁷ и въ то же время извѣстно намъ, что за хлопоты о сынѣ Ивана Ивановича Ряполовскій потерялъ голову, а Патрикѣевы были пострижены въ монахи. Кромѣ этого, оказывается, что враждебный лѣтописецъ не совсѣмъ вѣрно передаетъ не только извѣстный тонъ событій, но и самыя событія; такъ, онъ рассказываетъ, что Великій Князь жилъ въ Красномъ Сельцѣ двѣ недѣли, и его едва умолили возвратиться къ войску. Но по самому посланію Владыки Вассіана на Угру видно, что въ Москвѣ было молебствіе о дарованіи побѣды надъ Невѣрными, и что Великій Князь обѣщалъ духовенству крѣпко стоять за Христіанство и льстивыхъ людей не слушать, а объ особенныхъ умоленіяхъ ничего не сказано; потомъ срокъ пребыванія въ Красномъ Сельцѣ, двѣ

⁸⁷ См. выше стр. 37.

недѣли, невѣренъ; по разсказу съ офиціальнымъ характеромъ оказывается, что Иванъ Васильевичъ пробылъ въ Москвѣ съ 30 Сентября по 3 Октября; что въ этомъ разсказѣ не ошибка, то это можно видѣть далѣе, что 9 Октября, когда то же не вышло двухъ недѣль съ 30 Сентября, совершилось чудо: у гроба Митрополита Петра загорѣлась сама свѣча, и ее отправили съ посломъ къ Великому Князю на Угру.

Такъ, или иначе, на Угрѣ происходило слѣдующее: когда Ахматъ подошелъ къ Угрѣ, то увидалъ, что все войско Великаго Князя тутъ стоитъ. Татары остановились на противоположной сторонѣ и стали думать, какъ перейти рѣку; они подошли къ берегу и начали стрѣлять, но Русскіе отвѣчали такъ же стрѣльбою изъ луковъ и пищалей; многихъ убили и не дали Татарамъ переправиться на свой берегъ. Рѣка раздѣляла враговъ; въ это время пріѣхалъ къ войску Иванъ Васильевичъ и остановился въ Кременцѣ; въ это же время пришли на Угру Князья Андрей Большой и Борисъ. Къ разсказу объ этѣхъ событіяхъ враждебный лѣтописецъ прибавляетъ слѣдующія подробности: Иванъ Васильевичъ, не обращая вниманія на то, что толковалъ ему въ Москвѣ Владыка Вассіанъ, послалъ къ Царю Товаркова съ челобитьемъ и дарами, прося жалованья, чтобъ отступилъ прочь, а улуса своего не воевалъ. Царь отвѣчалъ: «Жалую его добрѣ, чтобы самъ пріѣхалъ бить челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили.» Но Князь Великій опасался ѣхать, подозрѣвая Цареву измѣну и злаго его помысла боялся. Это извѣстіе можно заподозрить: Ивану Васильевичу нечего было бояться, онъ просто не поѣхалъ, и дальнѣйшія слова того же лѣтописца объясняютъ, что если были заведены этѣ переговоры съ Царемъ, то Иванъ Васильевичъ зналъ, съ кѣмъ имѣло дѣло. Царь, слыша, что Великій Князь не хочетъ ѣхать, послалъ къ нему сказать: «Самъ не хочешь ѣхать, то пришли сына, или брата;» Князь же Великій сего не сотворилъ; тогда Царь опять прислалъ сказать: «Сына и брата не шлешь, то пришли Никифора Басенкова.» Никифоръ прежде былъ въ Ордѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ, и много алафу Татарамъ давалъ отъ себя, и за то былъ любимъ Царемъ и его Князьями. Но Князь Великій и Басенкова не послалъ. Когда въ Москвѣ узнали объ этѣхъ переговорахъ, то Владыка Вассіанъ написалъ длинное посланіе къ Ивану

Васильевичу, упрекая его, за чѣмъ онъ опять слушаетъ тѣхъ людей, которыхъ не слушать обѣщался, а по примѣру бы Донского при Мамаѣ и другихъ знаменитыхъ предковъ, какъ на примѣръ, Владимира Мономаха, вступилъ бы въ бой съ Невѣрными. Говорятъ, Иванъ Васильевичъ исполнился веселія, мужества и крѣпости послѣ прочтенія этого письма, но въ бой съ Невѣрными все таки не вступилъ, а тѣ, не перепускаемые черезъ рѣку, злились и кричали Русскимъ: «Дастъ Богъ на васъ зиму, то много будетъ дорогъ на Русь.» Зима наконецъ пришла, рѣки стали, начались морозы великіе, такъ что трудно было смотрѣть. Великій Князь приказалъ отступить войску къ Кременцу; Татары же, которые были наги, босы и ободрались, 11-го Ноября побѣжали черезъ Литовскія владѣнія въ степи. Черезъ два дни послѣ этого бѣгства, о которомъ можетъ быть въ Москвѣ и не знали, Русское духовенство приготовило соборное посланіе къ Великому Князю, благословляя его на битву съ Невѣрными. Въ посланіи нѣтъ ни какихъ намековъ на обстоятельства, о которыхъ такъ много говорится въ посланіи Вассіана.⁸⁸

Нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, при описаніи этого происшествія поразило то, что Орда и Русскіе будто бы одновременно бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимые.⁸⁹ Но насъ больше занимаетъ, что такое за враждебный рассказъ къ Ивану III? Въ немъ все сочувствіе обращено ко всѣмъ Русскимъ, исключая только Ивана III, нѣкоторыхъ его Бояръ и его жены, «Римлянки», которая, какъ извѣстно, какова бы она ни была, но къ нестроенію извѣстной партіи пришла, и теперь объ ней лѣтописецъ говоритъ, что она съ казною Великаго Князя «бѣгала» на Бѣлоозеро, а не хотѣла поступить такъ, какъ сдѣлала мать Великаго Князя, которая «изволила сидѣть въ осадѣ.» Всѣ выраженія, для произведенія, извѣстнаго впечатлѣнія на читателя, подобраны лѣтописцемъ, авторитеты самые уважительные въ Россіи выставлены въ укоръ Ивану III, а посланіе Владыки Вассіана, если только оно не поддѣлка, давало опору написать рассказъ о

⁸⁸ Ак. Ист. т. 1, № 90.

⁸⁹ О времени бѣгства Татаръ отъ Угры см. Ист. Р. т. 3, стр. 113—114.

нашествіи Ахмата и подшутить надъ Иваномъ III такъ, чтобы потомки не очень-то благоговѣли предъ первымъ Русскимъ Государемъ, который даже мужества не имѣлъ и былъ до того слабъ, что на него, сорокалѣтняго, могли навести ужасъ рассказы о плѣнѣ отца у Татаръ и т. д. Но странно только то, что можно было навести ужасъ рассказами на человѣка (притомъ человѣка XV вѣка), который имѣлъ такіе крѣпкіе нервы, что въ началѣ этого же года въ Новгородѣ, въ теченіи одного мѣсяца, десятками казнилъ, сотнями пыталъ и десятками тысячъ отправлялъ въ ссылку. Самое нашествіе Ахмата подъ Угру имѣетъ немного болѣе важное значеніе, чѣмъ нашествіе его же подъ Алексинъ и, кажется, въ слѣдствіе этого лѣтописнаго рассказа и посланія Вассіана, ему придали особенное значеніе. Писалъ этотъ рассказъ человѣкъ очень образованный и вставилъ его въ лѣтопись очень ловко, хотя и можетъ броситься въ глаза то, что офиціальный рассказъ сокращенъ и находится передъ посланіемъ Вассіана; въ немъ уже рассказано, что Иванъ Васильевичъ находится въ Кременцѣ, а потомъ слѣдуетъ посланіе, и послѣ него вдругъ начинаются подробности о томъ, какъ Иванъ Васильевичъ вѣзжалъ въ Москву и т. д. Этотъ рассказъ могъ написать не только человѣкъ, начитанный и образованный, но такой, который могъ своими глазами видѣть Государей и многихъ Грековъ и Славянъ, которые, сохраняя свои имѣнія, но, не имѣя мужества, потеряли отечество и, поругаемые, скитаются по чужимъ странамъ. Завоеванія, которыя Иванъ III дѣлалъ, были совершены съ помощію дружины, во главѣ которой стояли Князья и Бояре; они въ года опасности отечества не выдали своего Государя; но когда Государственный порядокъ коснулся и интересовъ Князей, то въ это время, въ минуту раздумья, они захотѣли взять себѣ всю славу знаменитыхъ дѣлъ и указать потомству, что руководитель народа не такъ былъ великъ, какъ можно судить по дѣламъ, случившимся при немъ.

Карамзинъ, описывая нашествіе Ахмата подъ Угру и подавшійся вліянію рассказа враждебнаго лѣтописца, но въ то же время желая спасти славу своего героя, говоритъ, что Иванъ Васильевичъ, помня, что было съ Донскимъ при Тохтамышѣ и съ Витовтомъ на берегахъ Ворсклы, и зная, что «Золотая Орда нынѣ, или завтра, долженствовала исчезнуть, по ея собственнымъ внутрен-

нимъ причинамъ, имѣлъ славолюбіе не война, но Государя, а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію.... и т. д. Но въ Исторіи Россіи объ лѣтописи и посланія Вассіяна говорится такъ, что они «удивительнымъ для насъ образомъ смѣшиваютъ двѣ вещи: удаленіе Великаго Князя отъ войска и бѣгство цѣлаго войска, покинутіе Государства на жертву Татарамъ, что, по ихъ словамъ, Ощера и Мамоновъ именно совѣтовали.»

Какъ бы то ни было, но Ахматъ ушелъ отъ Угры; за Царемъ ходили въ погоню. Ахматъ возвращался въ степи чрезъ Литовскія владѣнія и грабилъ ихъ; пришедши на зиму къ устью Дона, онъ здѣсь расположился. 6 Генваря, 1481 года, онъ тутъ былъ убитъ Царемъ Шибанской или Тюменской Орды, Ивакомъ, который соединился съ Ногайскими Мурзами, для отнятія у Ахмата награбленнаго въ Литвѣ. Кончивши успѣшно дѣло, Ивакъ извѣстилъ объ этомъ Ивана Васильевича.⁹⁰

III.

Выше мы видѣли, какой наказъ получилъ Князь Звѣнецъ, отправившійся весною 1480 года въ Крымъ. Здѣсь обстоятельства благопріятствовали ему. Когда Менгли-Гирей, въ 1479 году, занялъ Крымскій престолъ, то отправилъ не только въ Москву, но и къ Казимиру пословъ. Главнымъ посломъ къ Королю былъ Ази-Баба, который далъ присягу за своего Царя и его Князей, чтобъ быть имъ съ Королемъ другъ другу, а недругу недругомъ. Ази-Баба такъ же говорилъ отъ Менгли-Гирея о бывшихъ Крымскихъ Царяхъ, Нуръ-Даулетъ съ братомъ, которые пріѣхали жить въ Литву. Слабость Менгли-Гирея въ это время, а главное, должно быть, по тому, что Казимиръ въ это время завелъ дружественныя сношенія съ врагомъ Менгли-Гирея, Ахматомъ, сдѣлали то, что два посольства изъ Крыма были задержаны въ Литвѣ. Въ это время явился въ

⁹⁰ Арх. Лѣт., стр. 158—159.

Крымъ Князь Звѣнецъ; Ахматъ шелъ подъ Русь Московскую, и по этому можно судить, какъ долженъ былъ дѣйствовать Московскій посолъ. Менгли-Гирей самъ сѣлъ на конь, вышелъ изъ Перекопа и началъ воевать Подольскую землю, дружа Великому Князю Московскому. Казимиръ не помогъ братьямъ Великаго Князя, не далъ помощи и Ахмату, по тому что, какъ мы видѣли, говоря объ Новгородѣ, началъ сношенія съ Московскимъ Государемъ, и, какъ наша лѣтопись говоритъ, что были у него еще свои уособицы. Казимиръ только послѣ всего этого рѣшился возобновить сношенія съ Менгли-Гиреемъ. Отъ него былъ отправленъ посломъ Князь Иванъ Глинскій, который долженъ былъ говорить, что его Государь хочетъ жить съ Менгли-Гиреемъ, какъ жилъ съ его отцомъ, а онъ, посолъ, пріѣхалъ видѣть присягу Царя на томъ, что обѣщаль Ази-Баба относительно Нуръ-Даулета и его брата. Глинскій долженъ былъ, въ случаѣ вопроса Царя, говорить: «Король говоритъ, что не выступилъ ничего, а за чѣмъ же принялъ Нуръ-Даулета и Айдара? Вѣдь въ dokonчанѣ стоитъ быть другу другомъ, а недругу недругомъ?» то говорить отъ себя, что Король ихъ принялъ по тому, что, какъ и прежде бывало, когда на котораго изъ Царей придетъ невремя, то они приходили въ Великое Княжество Литовское, и имъ въ хлѣбѣ и соли не отказывалось, и какъ они добровольно приходили, такъ добровольно и уходили, и этѣмъ съ тѣми, которые сидѣли въ Ордѣ на Царствѣ, дружба не нарушалась; а Нуръ-Даулетъ съ братомъ, какъ добровольно пришли, такъ добровольно и ушли, и живутъ теперь, гдѣ имъ любо.» Это посольство Глинскаго явилось къ Менгли-Гирею уже поздно: Глинскій встрѣтилъ Царя за Перекопомъ, когда тотъ шелъ опустошать Литовскія владѣнія. Удруживъ Московскому Государю, Менгли-Гирей отправилъ посла къ Казимиру, въ отвѣтъ на посольство Глинскаго. Менгли-Гирей объяснялъ свой набѣгъ тѣмъ, что когда онъ отправилъ Аз-Бабу, то назначилъ срокъ для возвращенія его, но онъ цѣлыхъ полгода не вернулся, а потому Царь заключилъ изъ этого, что Король присягу и пріязнь отложилъ, а люди лихіе этѣ мысли похвалили, и по этому Царь на конь всѣлъ и вышелъ изъ Перекопа; здѣсь его встрѣтилъ Глинскій, который всю правду повѣдалъ, но было уже поздно и лихихъ людей нельзя было осилить. Къ этѣмъ объясненіямъ одинъ Крымскій Князь прибавилъ, что набѣгъ былъ произведенъ по тому, что Ази-Баба

не возвращался, а они слышали, что изъ Литвы пошелъ къ Ахмату посолъ. Не смотря на всѣ этѣ обстоятельства, Крымцы вступили въ сношенія съ Литвой, и Менгли-Гирей просилъ у Казимира, точно такъ же, какъ и у Ивана Васильевича, себѣ опасной грамоты на свободный прїѣздъ и отъѣздъ въ Литву, на случай пришествія на него невремени, и предлагалъ дать своего сына въ Литву, въ знакъ прїязни и правды. Казимиръ отвѣчалъ на это, что опасный листъ дастъ, а сына приметъ съ удовольствіемъ и будетъ его держать въ чести и ласкѣ. Во время этѣхъ сношеній съ Литвою, въ Крымъ пришло извѣстіе о смерти Ахмата, и Менгли-Гирей извѣстилъ Казимира, что «Царь Шибанской, Ивакъ Солтанъ, съ Мурзами, пришедши, Ахматову Орду потоптали, самого его умертвили, людей и улусы его побрали и пошли прочь, а Князь Темиръ съ Ахматовыми дѣтьми къ намъ прибѣжали; надъ Ахматомъ такъ стало—умеръ: намъ братъ былъ, а вамъ прїятель, то есть Божье дѣло, и были бы вы здоровы да мы, я же Ахматовымъ дѣтямъ не панъ.»⁹¹

Менгли-Гирей обѣщалъ Казимиру дать присягу въ своей прїязни. Во время этѣхъ сношеній Князя Звѣнца уже не было въ Крыму; онъ, исполнивъ свое дѣло, возвратился въ Москву. Весною 1481 года поѣхалъ въ Крымъ Бояринъ Тимоѣей Игнатьевичъ Скряба; онъ долженъ былъ говорить: «Ахматъ на меня приходилъ, но Богъ милосердый помиловалъ меня отъ него; а нынѣ вѣсть пришла, что Царя Ахмата въ животѣ не стало, и ты бы пожаловалъ: кто будетъ на его юртѣ и подкочуетъ къ моей землѣ, и ты бы на того пошелъ.» О своихъ отношеніяхъ къ Казимиру Великій Князь приказалъ говорить: «Нынѣ Король далъ посламъ чрезъ свою землю путь, и прислалъ ко мнѣ Король, чтобы между нами были любовь и докончанье, и я къ нему своихъ пословъ отправилъ, и каково между насъ дѣло будетъ, то тебѣ будетъ вѣдомо.» Если Менгли-Гирей захочетъ ити на Литовскую землю, то Скряба долженъ былъ говорить: «чтобы Царь жало-

---

⁹¹ Сборникъ Муханова, стр. 24—29. Здѣсь переводы съ Татарскаго въ Литовской Метрикѣ отличаются наборомъ словъ болѣе вѣжливыхъ, чѣмъ въ Московскихъ переводахъ; однако и у Литовцевъ встрѣчаются слова въ родѣ того, что «Орда Орду потоптала.»

валъ, шелъ бы на Ахмата, или кто на его юртѣ, а объ томъ Государь не наказывалъ, чтобы тебѣ ити на Литовскую землю.» Но такъ какъ переговоры у Ивана Васильевича съ Казимиромъ продолжались, то какую уступку изъ своихъ приобрѣтеній хотѣли теперь сдѣлать Москвичи, служатъ доказательствомъ слѣдующія слова Наказа Скрыбѣ: «а услышитъ, что Король пошелъ на Великаго Князя, то говорить Царю, чтобы онъ самъ сѣлъ на конь и пошелъ на Короля.» Иванъ Васильевичъ уступокъ не сдѣлалъ, Казимиръ же за это на него войною не пошелъ. Въ слѣдствіе этѣхъ обстоятельствъ Скрыба долженъ былъ проговорить только первую часть Наказа, изъ которой было ясно, что Москва съ Литвой помирились. Сейчасъ мы видѣли, въ какихъ отношеніяхъ Менгли-Гирей былъ къ Казимиру, и по этому Менгли-Гирей далъ такой отвѣтъ, который очень обезпокоилъ Московское Правительство. Въ слѣдующемъ 1482 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ Москвы былъ отправленъ Юрій Шестакъ, который везъ съ собою Тимофея Скрыбу, для выдачи его Татарамъ. Шестакъ говорилъ Царю отъ Великаго Князя: «Говорили намъ твои послы, что будто бы я тебѣ наказывалъ, съ своимъ Бояриномъ Тимофеемъ, чтобы ты помирился съ Королемъ и не воевалъ его земли до тѣхъ поръ, пока къ тебѣ будетъ вѣсть отъ насъ, и что ты по всему этому сдѣлалъ. Такъ я тебѣ этого не приказывалъ, а говорилъ, что Король присылалъ ко мнѣ своихъ пословъ о любви и докончаньѣ. Если же все это наговорилъ тебѣ мой посолъ Бояринъ, не по нашему наказу, то я его къ тебѣ послалъ, и онъ передъ тобою.» Въ это время благопріятныя обстоятельства для Казимира въ отношеніи Крыма прекратились: разбитая Ивакомъ Орда начала опять собираться около Ахматовыхъ сыновей, и по этому Шестакъ долженъ былъ прибавить къ своимъ рѣчамъ, что съ Великимъ Княземъ Король мира не хочетъ, и посылаетъ въ Орду своихъ недруговъ поднимать. Шестакъ долженъ былъ стараться, чтобы Менгли-Гирей былъ съ Великимъ Княземъ на Короля недругомъ «именемъ», и если у него есть шерть къ Казимиру, то ее бы сложилъ.

Въ слѣдъ за Шестакомъ, въ Маѣ мѣсяцѣ поѣхалъ въ Крымъ другой посолъ, Михайло Кутузовъ. Причина его посольства объясняется его рѣчами къ Менгли-Гирею: «Послѣ того, какъ послали

къ тебѣ Боярина Юрія, то прїѣхалъ ко мнѣ отъ Короля посолъ Богданъ, и Король мира не хочетъ, не отдаетъ мнѣ моихъ городовъ, и ты бы къ Королю шерть сложилъ и рать бы на него пустилъ.» Если Царь скажетъ, что онъ помирился съ Королемъ, по приказу Великаго Князя съ Бояриномъ Тимоѣеємъ Скрыбою, то Кутузовъ долженъ былъ сказать: «Если бы Государь то приказывалъ, то онъ тебѣ Боярина не выдавалъ бы.» Для Ивана Васильевича, какъ видно, было необходимо, въ слѣдствіе своихъ отношеній къ Казимиру, нападеніе Менгли-Гирея на Литовскія владѣнія. Особенныхъ подробностей объ отношеніяхъ Орды между собою и ихъ внутреннемъ состояніи мы не знаемъ, но слѣдующіе пункты Наказовъ Шестаку и Кутузову отчасти объясняютъ, по чему Иванъ Васильевичъ надѣялся, что Менгли-Гирей такъ, или иначе, по нападетъ на Литовскія владѣнія. Шестаку было приказано, что если придетъ къ нему на дорогѣ достовѣрная вѣсть, что «Царь въ Крыму перемѣнился,» то воротиться домой. А Кутузову было приказано: «и учнетъ Царь говорить: «Какъ мнѣ на Короля рать послать: Именекъ (значительный Крымскій вельможа) отъ меня бѣжалъ и наводитъ на меня моихъ недруговъ, а люди мои въ розни;» тогда Михайлу сказать: «Будетъ нельзя большой рати послать, то пошли сколько пригоже!» и учнетъ Царь говорить: «Я шерть къ Королю сложу и на него рать пошлю, а Великій Князь поберегъ бы моего дѣла — брата моего Нуръ-Даулета держалъ бы у себя;» — и Михайлу на это сказать: «Государю моему никакой корысти нѣтъ выпускать твоего брата, и держать онъ его для твоего дѣла, а твое дѣло и впередъ хочетъ смотрѣть.» Вообще же Кутузову было наказано, какъ бы долго ни было, но непременно дожидаться того, когда Царь пошлетъ свою рать на Литовскую землю.⁹¹

Какъ надѣялись въ Москвѣ, такъ и случилось: весною прїѣхалъ въ Москву Королевскій посолъ съ требованіемъ Новгорода и Великихъ Лукъ, лѣтомъ былъ бунтъ въ Литвѣ Бѣльскаго съ товарищами, и послѣ этого въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Менгли-Гирей, со всею своею силою, напалъ на городъ Кіевъ, по тому что сюда именно, или на Подоль, совѣтовали ему ити Московскіе послы. Татары зажгли Кіевъ съ двухъ сторонъ; тѣ жи-

⁹¹ Дѣла Крымскія № 1: Посольства выше сказанныхъ пословъ.

тели, которые выбѣжали изъ города, попадались въ плѣнъ Татарамъ; Кіевскій Намѣстникъ, Хоткевичъ, съ семействомъ, тоже выбѣжалъ изъ города, и такъ же попалъ въ ихъ руки. Татары много пакостей при этомъ учинили: Печерскую церковь и монастырь разграбили, многіе жители забѣжали въ пещеры, и тамъ задохлись. Татары погналы плѣнныхъ въ Крымъ, а Менгли-Гирей служебные сосуды Софійскаго храма, золотые потиръ и дискось, прислалъ къ Ивану Васильевичу.

Но можетъ возникнуть вопросъ: по чему Иванъ Васильевичъ не воспользовался столь благопріятными обстоятельствами этого времени? Если Казимиръ дозволилъ поочередно отдѣлаться Ивану Васильевичу послѣ завоеванія Новгорода, отъ братьевъ и Ахмата, то теперь и Иванъ Васильевичъ выдалъ Казимиру Бѣльскаго съ товарищами и не помогъ Менгли-Гирею, хотя, впрочемъ, послѣднему впередъ объявлялъ, что помочь не можетъ. Такъ еще Юрію Шестаку было наказано, что если Царь будетъ говорить: «Великій Князь приказываетъ мнѣ шертъ къ Королю сложить, а Великій Князь на Короля идетъ ли?» отвѣчать: «Государь мой дѣлаетъ нынѣ свое дѣло съ Казанскимъ.» Дѣйствительно, послѣ смерти Казанскаго Царя, Ибрагима, умершаго около 1480 года, въ Казани начались смуты, и Иванъ Васильевичъ долго былъ занятъ Казанскими дѣлами; въ 1482 году онъ посылалъ рать на Казань, на Царя Ильгама: Воеводы Великаго Князя простояли все лѣто на Волгѣ и, помирившись съ Царемъ, пошли домой.⁹²

Такъ кончился 1482 годъ; въ Мартѣ слѣдующаго года поѣхалъ въ Крымъ посломъ Князь Иванъ Лыко, долженствовавшій говорить Царю отъ Великаго Князя, по случаю взятія Кіева: «Ты какъ свое слово молвилъ, такъ и дѣло исполняешь, и я тебѣ за то челомъ бую.» Какъ прежніе послы, Князь Лыко долженъ былъ просить Царя ити на недруга Короля и указывать на то, что Великій Князь для Царя держитъ у себя его братьевъ.⁹³ Ни лѣтописи, ни офиціальныя бумаги за лѣто 1483 года не сообщаютъ

⁹² Арх: Лѣт., стр. 160; Вельяминова-Зернова Исслѣдованіе о Касимовскихъ Царяхъ, стр. 158 и слѣд.; Разрядныя книги Арх. Мин. Ип. Дѣлъ № 1, 6990 годъ.

⁹³ Дѣла Крымскія № 1: Посольства 1483 года.

ничего особенно важнаго о степныхъ дѣлахъ; самый Наказъ Князя Лыко состоитъ изъ общихъ мѣстъ; только можно предположить, что Воеводы по прежнему должны были быть готовыми къ тому, или другому, дѣлу. 1484 годъ не ознаменовался тоже ни чѣмъ особенно важнымъ, хотя за это время мы имѣемъ и болѣе матеріаловъ, чѣмъ за предшествовавшій годъ, однако они только показываютъ, какъ развивались событія. 11 Апрѣля послалъ Великій Князь Воеводъ своихъ на Казань, и посадилъ, вмѣсто Ильгама Царя, его брата, Магметъ-Аминя.⁹⁴ Потомъ еще въ Мартѣ Князь Ноздреватый, отправленный посломъ въ Крымъ, долженъ былъ, кромѣ обыкновенныхъ рѣчей о Королѣ, говорить, что Нуръ-Даулета держитъ у себя Великій Князь, а онъ хотѣлъ было бѣжать; и при томъ Великій Князь просилъ Менгли-Гирея, чтобы онъ защитилъ его, если пойдетъ на него Ордынскій Царь. Объ этомъ Царѣ прежде ничего не упоминалось въ посольствахъ въ Крымъ: то былъ Муртоза. Послѣ отправления въ Мартѣ посольства въ Крымъ, въ Юнѣ отправлены были туда же грамоты и Наказъ Князю Ноздреватову, чтобы говорить отъ Государя къ Царю: «Пріѣхали ко мнѣ мои люди изъ Орды и сказываютъ, что у Царей Муртозы и Седе-Ахмата есть Королевы послы, и ити имъ изъ Орды скоро, и если они еще не прошли, то Царь, если пригоже, поберегъ бы своего дѣла и моего и тѣхъ Королевскихъ Пословъ велѣлъ бы постеречи; да сказываютъ, что тѣ послы ходятъ въ Орду и изъ Орды близко Перекопа; да и впередъ бы велѣлъ стеречи пословъ Литовскихъ, если пригоже.» При этомъ было наказано, что если Царь спроситъ, что онъ слышалъ, что у Великаго Князя былъ Королевскій посолъ, Янъ Забережскій, то сказать, что онъ былъ о порубежныхъ дѣлахъ.⁹⁵

Важныя событія приготовлялись. Были ли у Казимира въ 1483 и 84 годахъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ, утверждать, кажется, нельзя, и Хоткевичъ сидѣлъ въ плѣну. Но въ 1484 году случился голодъ въ Золотой Ордѣ, и, въ слѣдующую зиму, Ордынскій Царь, Муртоза, пришелъ въ Крымъ зимовать. Такъ какъ мы

⁹⁴ Разрядныя книги Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 1, годъ 6991.

⁹⁵ Дѣла Крымскія № 1: Посольства 1484 года.

могли изъ посольствъ видѣть, что вражда между Ордами не прекратилась; то Менгли-Гирей схватилъ Муртозу и послалъ его въ Кафу; кромѣ того, онъ отправилъ своего меньшаго брата на остатки Орды, Темиревъ улусъ, и досталь ихъ разогналъ. Тогда другой Ахматовъ сынъ; Седе-Ахматъ, вмѣстѣ съ Княземъ Темиромъ, изгономъ пришелъ на Менгли-Гирея, разбилъ его, такъ что тотъ тайно убѣжалъ съ бою изъ своей Орды; Седе-Ахматъ освободилъ Муртозу и посадилъ его на Царствѣ. Менгли-Гирей просилъ себѣ помощи у Султана;⁹⁶ но Иванъ Васильевичъ, узнавши объ этѣхъ событіяхъ, послалъ подъ Золотую Орду Князей, Улановъ и Казаковъ, т. е., служащихъ ему Татаръ, и велѣлъ имъ преслѣдовать Ордынцевъ и отнимать у нихъ Крымскій плѣнъ. Всѣ этѣ послѣднія событія были ранней весной 1485 года, и Иванъ Васильевичъ только 31 Юля отправилъ въ Крымъ сказать Менгли-Гирею объ этомъ и объявить, что раньше извѣстить не могъ по тому, что между Крымомъ и Московскими владѣніями въ полѣ ходятъ ихъ недруги, и по этому проѣхать нельзя.⁹⁷ Посланные подъ Орду Татары Великаго Князя пробыли въ степяхъ все лѣто и отнимали у Золотоордынцевъ плѣнныхъ Крымцевъ. Таковы были дѣла съ одной стороны степей, а съ другой Казанскія дѣла тоже не прекращались. Послѣ того, какъ прошлымъ годомъ Магметъ-Аминъ былъ посаженъ на престолъ, онъ опять потерялъ его; но Великій Князь послалъ въ Казань снова Магметъ-Аминя и далъ ему войско; дѣло кончилось тѣмъ, что Магметъ-Аминъ побѣдилъ, а соперникъ его, Ильгамъ, сбѣжалъ съ Казани.⁹⁸ Такимъ образомъ Иванъ Васильевичъ весь годъ былъ занятъ Татарскими дѣлами, и по этому покореніе Твери въ два пріема (въ 1485 году), кажется, можетъ объясниться такъ, что Иванъ Васильевичъ, начавши дѣло съ нею зимою, поспѣшилъ потомъ помириться, а когда освободился отъ Казанскихъ дѣлъ, то тотчасъ же порѣшилъ окончательно и съ Тверью, которую возбуждалъ Казимиръ. Казимиръ

⁹⁶ П. С. Р. Л. т. 6, стр. 236—237.

⁹⁷ Дѣла Крымскія № 1, Посольство 1485 г.

⁹⁸ Разрядная кн. Арх: М. Ин. Дѣлъ № 1, 6993 г.; сл. у Вельяминова Зернова; въ его сочиненіи приведены другія Разряд. кн., носяція названіе Башмаковскихъ (ч. I, стр. 171). Далѣе, въ Разрядной книгѣ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ находится разрядъ похода подъ Тверь.

не помогъ Твери, не помогъ онъ и Ордынцамъ. Что было въ концѣ лѣта и зимой 1485—86 года, намъ можетъ объяснить постоянный источникъ извѣстій о томъ времени, Наказъ послу въ Крымъ. Въ Мартѣ 1486 года отправленъ былъ посломъ въ Крымъ Бояринъ Семенъ Борисовичъ; онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею отъ Великаго Князя: «Посылалъ ты ко мнѣ посла и извѣстилъ, что Король, недругъ нашъ общій, хотѣлъ на тебя ити, а которые люди твои были посланы ко мнѣ Кіевскою дорогою, и онъ велѣлъ ихъ поимать. И ты ко мнѣ наказывалъ, что Король идетъ на тебя, и мнѣ бы Королю крѣпко недружбу учинить, то я съ тобой на нашего общаго недруга одинъ человекъ.» Далѣе Наказъ объясняетъ, что Менгли-Гирей просилъ у Ивана Васильевича, если Муртоза и Седе-Ахматъ будутъ на этой сторонѣ Волги и пойдутъ на Крымъ, то послать Нуръ-Даулета съ Царевичами и Татарами на нихъ. На это Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что Татары и такъ все лѣто были подъ Ордой. Потомъ Наказъ открываетъ, что Иванъ Васильевичъ ссылался съ Казимиромъ въ это время. Мы это знаемъ, и кромѣ этого Наказа, изъ дошедшихъ до насъ посольствъ Казимира въ Москву, въ которыхъ онъ, во первыхъ, объявляетъ, что Тверскаго Князя принялъ и въ хлѣбѣ-соли не отказалъ, во вторыхъ, приглашаетъ Ивана Васильевича къ союзу противъ Турокъ.⁹⁹ Этѣ пересылки Наказъ объяснялъ такъ, что Великій Князь съ Казимиромъ пересылается о мелкихъ порубежныхъ дѣлахъ (что и было отчасти предметомъ сношеній), а «гладкости въ сношеніяхъ ни которые нѣтъ.» Такъ какъ Иванъ Васильевичъ въ Августѣ 1485 года взялъ Тверь, и это считалъ побѣдою надъ Литвою, то въ Наказѣ говорилось, чтобы Царь «пожаловалъ, послалъ своихъ людей на Королевскую землю, по тому что чѣмъ недругу истомитъ, тѣмъ лучше, а люди Государевы землю Королевскую безпрестанно имають.» Въ какихъ отношеніяхъ послѣ взятія Твери былъ Иванъ Васильевичъ къ Казимиру, служить слѣдующая часть Наказа: «Пойдетъ Царь на Литовскую землю и захочетъ Семена съ собой взять, то ему отговариваться; но если ради Семенова отговора Царь будетъ отлагать свой походъ, то ему ити; при чемъ если

⁹⁹ Ак. З. Р. т. 1, № 88 и 89.

захочетъ ити къ Путивлю, или на Сѣверу, то говорить, чтобы шелъ на Подолъ, или Кіевскія мѣста.

Еще Семенъ Борисовичъ не воротился изъ Крыма, какъ Менгли-Гирей прислалъ въ Москву грамоту, извѣщая, что стоитъ на общаго недруга и съ нимъ не помирится; да такъ же извѣщалъ, что Король послалъ своего человѣка въ Орду и ведетъ къ себѣ Муртозу и Седе-Ахмата и хочетъ съ ними мириться крѣпко. На этѣ грамоты былъ отвѣтъ (3 Августа), что Король явно ведетъ Царей на Менгли-Гирея; если они будутъ близко, то ему иного дѣла, конечно, нѣтъ, кромѣ этого.¹⁰⁰ Въ Сентябрѣ, послѣ отсылки этѣхъ грамотъ, пріѣхалъ изъ Крыма и Семенъ Борисовичъ: онъ привезъ отвѣтъ отъ Менгли-Гирея, уже отличающійся отъ предшествующихъ грамотъ: «Что ты мнѣ говорилъ о Литовской войнѣ, то того дѣла мнѣ дѣлать нельзя теперь, а можно зимой; Орды же я не боюсь, и если Цари пойдутъ на Великаго Князя, то я на нихъ пойду, а на меня пойдутъ, то Великій Князь послалъ бы на нихъ моего брата.»¹⁰¹

Этотъ отвѣтъ объясняется слѣдующимъ: когда прошлогодняя гроза со стороны Орды прошла, то Менгли-Гирей послалъ къ Казимиру своего человѣка съ предложеніемъ, по прежнему быть въ братствѣ и дружбѣ; требовалъ у него поминокъ и выкупа за плѣнныхъ, взятыхъ въ Кіевѣ; Казимиръ на это отвѣчалъ, что онъ всегда стоитъ въ своей правдѣ и никогда не выступаетъ; а Царю извѣстно, какъ онъ самъ своей правды не сдержалъ, и по этому Казимиръ предлагалъ Менгли-Гирею подтвердить снова свою правду, и наконецъ прямо говорилъ: «Мы слышали, что Царь теперь слуга Турецкому Царю: такъ самъ бы посмотрѣлъ: онъ, будучи вольный человѣкъ отъ отцевъ, теперь какъ свою честь уважаетъ, и если бы Турецкой, врагъ Короля, пошелъ на его землю, то Царь на чьей сторонѣ стоялъ бы? А Король теперь готовъ вмѣстѣ съ другими Государями на Турецкаго.»¹⁰²

---

¹⁰⁰ Этѣ грамоты напечатаны у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 182—184.

¹⁰¹ Дѣла Крымскія № 1.

¹⁰² Сбор. Муханова № 25.

Но обстоятельства повели къ тому, что Менгли-Гирей сталъ дѣйствовать въ пользу Москвы. Въ степяхъ, въ теченіи лѣта 1486 года, происходило то, что бывшая Золотая Орда рассыпалась по степи и грабила попадающеся. Иванъ Васильевичъ на разбойниковъ высылалъ Нуръ-Даулета съ Татарами. Въ началѣ Марта, 1487, года, поѣхалъ въ Крымъ посолъ, котораго Наказъ объяснилъ намъ состояніе степныхъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею: «Ордынскіе люди стерегутъ нашихъ пословъ, ѣдущихъ по степямъ, и прошлымъ лѣтомъ только сами послы пріѣхали къ тебѣ, а съ людьми, которые ихъ провожали, самъ знаешь, что случилось и убытка въ томъ мнѣ много учинилось. Да нынче пришли ко мнѣ достовѣрныя вѣсти изъ Орды, что оттуда вышли многіе люди стеречи нашихъ пословъ: такъ ты поберегъ бы того дѣла, чтобы между нами путь не затворился, и отправлялъ бы людей на встрѣчу посламъ.» Весною 1487 года извѣстилъ Менгли-Гирей въ Москву, что на него идутъ сами Ордынскіе Цари, что онъ схватилъ Королевскихъ пословъ, присланныхъ къ нему, и спрашивалъ, что съ ними дѣлать. Этѣ послы, вѣроятно, были тѣ, которые поѣхали съ вышеизложеннымъ отвѣтомъ на посольства Менгли-Гирея. Въ слѣдствіе этѣхъ присылокъ Иванъ Васильевичъ отправилъ Нуръ-Даулета съ его Татарами на Ордынцевъ, и въ то же время послалъ къ Менгли-Гирею, извѣщая его на счетъ Королевскихъ пословъ: «Король, нашъ общій недругъ: ино самъ знаешь, какъ тебѣ надъ его послами учинить.» Посланному съ этѣми словами наказано было, что если Царь спроситъ, что же, однако, учинить надъ послами, то отвѣчать: «Самъ вѣдаешь, какъ недругу недружбу чинить: чѣмъ ему досаднѣе, тѣмъ лучше.»

Муртоза, который только страшалъ Менгли-Гирея своимъ появленіемъ въ степяхъ и не давалъ ему возможности быть въ миру съ Москвою и Литвою, и обоихъ ихъ грабилъ, придумалъ еще слѣдующее. Его постоянно беспокоили Татары Великаго Князя, которыми иногда предводительствовалъ Нуръ-Даулетъ. Муртоза прислалъ Ивану Васильевичу слѣдующую грамоту: «Нуръ-Даулетъ Царь отъ отца моего до сѣхъ мѣстъ со мною въ любви былъ, а Менгли-Гирей въ своей правдѣ не устоялъ, и нынѣча онъ нашъ недругъ, и я надежду имѣю, вмѣсто него, Царемъ Нуръ-Даулета учинить, и послалъ его звать къ себѣ; и ты за то не стой, и къ намъ отпусти,

а жены и дѣти его останутся у тебя. Если Богъ помилуетъ и тотъ юртъ дастъ, то тогда онъ у тебя ихъ добромъ возметъ. Менгли-Гирей тебѣ другъ, но и Нуръ-Даулетъ тебѣ не недругъ же, а онъ намъ пригожъ.» ¹⁰³ Муртоза о своей любви и желаніяхъ извѣщалъ такъ же Нуръ-Даулета. По этому поводу Иванъ Васильевичъ, въ Октябрѣ, 1487 года, чрезъ посла, Дмитрія Шеина, извѣщалъ Менгли-Гирея: «Муртоза прислалъ къ твоему брату ярлыкъ свой, и зоветъ его къ себѣ на тебя, и ко мнѣ прислалъ о томъ же ярлыкъ, и я, берегучи твоего дѣла, Муртозины ярлыки взялъ у Нуръ-Даулета и къ тебѣ послалъ.» Но изъ Наказа Шеину оказывается, что Менгли-Гирей уже зналъ о замыслахъ Муртозы и прислалъ къ Ивану Васильевичу грамоты, на которыя тотъ давалъ слѣдующій отвѣтъ: «Ты зовешь своего брата къ себѣ, чтобы стать вамъ на своемъ юртѣ за одинъ на своихъ недруговъ: такъ, вѣдь, Муртоза звалъ твоего брата на твое лихо, и я по этому твоего ярлыка къ Нуръ-Даулету не послалъ, и свое слово не сказывалъ, берегучи твоего дѣла.» Но Менгли-Гирей этѣмъ не успокоился, онъ Шеину отвѣтилъ, что о Нуръ-Даулетѣ пришлетъ съ своими послами «маленькое словцо.» На это маленькое словцо Иванъ Васильевичъ послѣ, въ 1488 году, отвѣчалъ слѣдующей грамотой: «Тебѣ вѣдомо изъ старины и отъ отцовъ вашихъ, на одномъ юртѣ два господаря бывали ли? а гдѣ бывали, то какое добро между нихъ бывало ли? А на счетъ того, чтобы укрѣпить Нуръ-Даулета, чтобы ему подъ тобою Царства не хотѣть, то когда онъ будетъ съ тобою, такъ мнѣ по чему вѣдать, что будетъ у него въ мысли? Вы съ Нуръ-Даулетомъ одного отца дѣти, а послѣ отца вашего сколько лѣтъ былъ Нуръ-Даулетъ на Царствѣ? Вѣдь тѣ же люди ему служили, которые и тебѣ служатъ? А по чемъ вѣдать мысль твоихъ людей: всѣ ли они хотятъ твоего господарства? Это моя мысль о твоємъ дѣлѣ, а какая твоя, и ты меня объ томъ извѣсти! А я теперь твоей грамоты и слова Нуръ-Даулету не передавалъ, и не передамъ до тѣхъ поръ, какъ намъ твоя мысль будетъ объ томъ, а если захочешь, мы къ тебѣ Нуръ-Даулета отпустимъ.» ¹⁰⁴ Менгли-

¹⁰³ Эта грамота изъ Крымскихъ дѣлъ напечатана у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 201—202. Отсюда, вѣроятно, перепечатана въ 5 т. С. Г. Г. и Д. № 5.

¹⁰⁴ Эта грамота напечатана у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 203—205.

Гирей не присылалъ своей мысли объ этомъ дѣлѣ. Но такъ какъ, кромѣ Нуръ-Даулета, былъ въ Москвѣ еще другой младшій братъ Менгли-Гирея, Айдаръ (который, впрочемъ, былъ въ заключеніи), то когда Менгли-Гирей просилъ отпустить къ себѣ старшаго, писалъ, что Король хочетъ Айдара выкрасть; на это Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что онъ его содержитъ въ крѣпости; а когда Менгли-Гирей общалъ объ Нуръ-Даулетѣ прислать маленькое словцо, то извѣстилъ, что если Король хочетъ выкрасть Айдара, то можетъ, по тому что онъ его не боится.

Выходъ Муртозы въ 1487 году въ степи съ своихъ качевьевъ окончился по прежнему ничѣмъ. Но въ это время самъ Иванъ Васильевичъ былъ, какъ въ 1486, такъ 1487 году, занятъ Казанскими дѣлами, гдѣ перемѣнялись Цари, то Ильгамъ, то Магметъ-Аминь. Къ этѣмъ Казанскимъ дѣламъ примѣшался и Крымъ, по тому что мать Магметъ-Аминя, Нуръ-Салтанъ, вышла за мужъ за Менгли-Гирея, и по этому стала хлопотать у Московскаго Государя о сынѣ. Въ Мартѣ 1487 года Иванъ Васильевичъ приказалъ сказать Нуръ-Салтанъ: «Что писала въ своей грамотѣ о своемъ сынѣ — Магметъ Аминѣ, мы какъ напередъ его добра смотрѣли, такъ и нынѣ смотримъ, какъ Богъ поможетъ.» Въ 1486 году Иванъ Васильевичъ посылалъ свои войска на поддержку Магметъ-Аминя на Казанскомъ престолѣ; однако же онъ тамъ не удержался, и Ильгамъ, должно быть, осенью, согналъ Магметъ-Аминя съ Казани, пришедши изъ Ногаевъ, по приглашенію Казанцевъ. Въ Мартѣ Иванъ Васильевичъ общалъ матери Магметъ-Аминя поддержать ея сына, а 11 Апрѣля отпустилъ Воеводъ своихъ къ Казани; 24-го Апрѣля туда же отправился Магметъ-Аминь; 18 Мая Воеводы были подъ Казанью, а 9 Юля Казань была взята. Ильгамъ съ Царицею, братьями, сестрою и съ множествомъ Князей, были приведены въ Москву; ихъ Великій Князь разослалъ въ заточенье въ Вологду, Каргополь и Бѣлоозеро.¹⁰⁵ Послѣ этого

¹⁰⁵ Миллеровская тетрадь Разрядовъ въ Арх. Мин. Ип. Дѣлъ; тамъ же Разрядная книга № 1. Въ Миллеровской тетрадѣ рассказано Казанское взятіе почти слово въ слово, какъ въ Никонов. Лѣт. подъ 1487 годомъ; что касается Софійской, то въ ней, подъ 6993 годомъ, рассказано нѣсколько событій другихъ близкихъ годовъ; лучшимъ подтвержденіемъ времени окончательнаго взятія Казани можетъ служить письмо въ Крымъ; см. Крымскихъ дѣлъ № 1, стр. 145 — 147.

10 Августа Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Крымъ сказать: «Посылалъ я на недруга своего, Ильгама, Царя Казанскаго, своихъ Воеводъ: наши Воеводы Казань взяли и Царя Ильгама поймали, съ его братією и Князьями, а Магметъ-Аминя на Казань посадили.» Послѣ этого Казанскій Царь, опираясь на Московскую силу, долженъ былъ принять участіе въ степныхъ дѣлахъ. Въ Октябрѣ того же года, какъ сѣлъ на престолъ Магметъ-Аминь, послу, Дмитрію Шеину, наказано было, если спросятъ: «Къ Казанскому Царю послалъ ли Князь Великій, чтобы онъ слалъ свою рать на нашихъ недруговъ?» то говорить: «Государь хотѣлъ послать объ томъ часа того.»

Между Ордами Крымской и Золотой послѣ 1487 года ничего важнаго не происходило. Цари начали кочевать на сѣверѣ Азовскаго моря, и по этому вниманіе Менгли-Гирея было поглощено ихъ движеніями. Иванъ Васильевичъ, извѣщая Менгли-Гирея, что посылаетъ постоянно Нуръ-Даулета на Муртозу, объявлялъ, что люди отъ Ордынцевъ стерегутъ пословъ, ѣдущихъ въ Крымъ, и по этому нужно устроить хорошія сообщенія, и, кромѣ того, указывалось, чтобы Менгли-Гирей, дѣйствуя противъ недруговъ, ссылался съ братомъ, находящимся въ степяхъ. Въ слѣдствіе того, что ничего важнаго между Ордами не происходило, то и сношенія по поводу степныхъ дѣлъ съ Крымомъ сдѣлались очень однообразны. Послѣ Нуръ-Даулета на Орду въ степи сталъ выходить его сынъ, Сатылганъ; въ этѣхъ степныхъ походахъ участвовали иногда Казанцы, когда были свободны отъ ихъ враговъ, Ногаевъ. Въ 1491 году былъ предпринятъ довольно значительный походъ въ степь, съ участіемъ Великокняжескихъ Воеводъ, по тому что узнали въ Москвѣ, что Цари идутъ на Менгли-Гирея къ Перекопу. Золотоордынцы, узнавши объ этомъ походѣ, ушли въ свои кочевья.¹⁰⁶ Главная забота относительно Золотоордынцевъ заключалась въ томъ, чтобы они наконецъ ушли за Донъ, къ Кавказу. Такъ какъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ начались отѣзды Литовскихъ служебныхъ Князей, то теперь Ивану Васильевичу особенно нужно было, чтобы Менгли-Гирей началъ свои нападенія на Литовскія владѣнія. Въ Апрѣлѣ 1490 года Мо-

---

¹⁰⁶ П. С. Р. Л. т. 6, стр. 38.

сковскій посолъ въ Крыму, Князь Ромодановскій, прислалъ грамоту къ Великому Князю, что Царь ему говорилъ: «На Царей Ордынскихъ и на Короля я съ Великимъ Княземъ одинъ человекъ, и доколѣ буду живъ, мнѣ съ Королемъ въ миру не бывать.» Я, Государь, Царю говорилъ, что пойдутъ Цари къ Черкасамъ, и тебѣ, Господине, ити на Королевскую землю. Царь мнѣ сказалъ: «Дастъ Богъ, управимся съ большими недругами, то Королевской землѣ отъ насъ не отдалѣтъ.» Менгли-Гирей искалъ всюду помощи на Золотоордынцевъ: онъ обратился къ Султану, и тотъ ему прислалъ на помощь до 2000 человекъ, и приказалъ въ то же время Царямъ, чтобы они ушли съ того поля прочь. Наконецъ Менгли-Гирей обратился за помощію и къ Казимиру; но этѣ сношенія не были особенно мирны; вотъ письмо Менгли-Гирея къ Казимиру, которое можно отнести къ этому времени: «Говорите, что Московскій Великій Князь велѣлъ мнѣ Королевскую землю воевать: какъ мнѣ Московскій Князь можетъ такое слово сказать? Вы это слово изъ мысли выкиньте!»¹⁰⁷ Когда Московскій посолъ узналъ объ этѣхъ сношеніяхъ, то обратился къ Царю и послѣ такъ описалъ свой разговоръ съ нимъ: «Пріѣхалъ къ тебѣ твой человекъ отъ Короля, и съ чѣмъ пріѣхалъ, добро мнѣ написать къ моему Государю.» Царь отвѣчалъ: «Пиши къ Великому Князю, изъ моихъ устъ слышавши,—посылалъ я къ Королю о моихъ побитыхъ людяхъ и чтобы онъ далъ помощь на Орду, и онъ мнѣ отказалъ: «Нынѣча у меня дѣти между собою сѣкутся и помочи отъ меня нѣтъ.» И я Царю молвилъ: «Государю моему нужно, чтобы у тебя съ Королемъ дружбы не было;» и Царь молвилъ: «Дружбы у меня съ Королемъ нѣтъ, да и дѣла мнѣ до него нѣтъ.»

Наконецъ къ 1492 году Ахматовы дѣти ушли за Донъ, къ Каспійскому морю, и Московскій посолъ въ Крыму, Лобанъ Колычевъ, долженъ былъ говорить отъ Великаго Князя Менгли-Гирею: «Приказывалъ ты съ своими послами, что хочешь ити на Королевскую землю, такъ ты вѣдаешь, какъ нашъ недругъ Король намъ недружбу учинилъ и нашихъ недруговъ, Ахматовыхъ дѣтей, на насъ навелъ, и каково они лихо тебѣ учинили; и нынѣ тѣ, недруги наши, отъ насъ поотдалѣли, и ты бы теперь пошелъ на Ко-

¹⁰⁷ Сбор. Муханова стр. 38.

ролевскую землю, и я хочу на него ити, а тебѣ вѣдомо, какъ я тебѣ помогалъ на Ахматовыхъ дѣтей.» Уже давно послы въ Крыму начали говорить объ отѣздахъ Князей изъ Литовской въ Московскую службу, и теперь посолъ долженъ былъ говорить, что «люди Великаго Князя со всѣхъ сторонъ берутъ Королевскую землю—отъ Новгорода, Пскова, Твери и Московской земли; а Князей Воротынскихъ и Бѣльскихъ Великій Князь отъ Короля съ ихъ землею поималъ...» и т. д. Въ Юнѣ того же года Лобанъ Колычевъ прислалъ въ Москву записку о Крымскихъ дѣлахъ, и въ ней писалъ: «Царь мнѣ говорилъ: «На Короля и Ахматовыхъ дѣтей я одинъ человекъ съ Великимъ Княземъ; а что мнѣ на Королевскую землю ити, то я нынѣча такъ вздумалъ: есть на Королевской землѣ, ниже Товани, на той сторонѣ Днѣпра, городище надъ Днѣпромъ (Очаковъ), и нынѣча я пошелъ со всѣми людьми тотъ городъ дѣлать, и какъ сдѣлаю, то буду недругу недружбу чинить.» Объ Ордѣ Ахматовыхъ дѣтей Колычевъ писалъ: «Про Ахматовыхъ людей сказывали вѣсти Царевы люди, что они зимовали въ полѣ, да на веснѣ угонили у Орды стадо, и за ними съ погонею пришелъ одинъ Царевичъ, и Царевы люди погоню побили, а Царевичу голову срѣзали да къ Царю привезли, передъ моимъ прїѣздомъ дней за шесть. Да нынѣ прїѣхалъ Царевъ человекъ изъ Орды и сказывалъ, что она пахала пашню на Кумѣ, а пошла, сказывасть, на Черкасцы воевать....» Самъ Менгли-Гирей писалъ также къ Ивану Васильевичу, и изъ его письма мы узнаемъ, что Литовцы прежде, когда Ахматовы дѣти сдерживали Менгли-Гирея, какъ мы видѣли, гордо съ нимъ обращались; теперь же, когда на Сѣверѣ начались отѣзды Князей съ отчинами, а Ахматовы дѣти откочевали къ Кавказу, то, съ одной стороны, самъ Менгли-Гирей хотѣлъ получить поминки съ Литвы, а съ другой, какъ онъ извѣщалъ: «Король большого посла уже послалъ къ намъ, и хотя онъ не прїѣхалъ, но его слово то: «У меня два брата твои въ рукахъ, имъ я далъ помѣстья и противъ тебя не пущу; когда Орда придетъ, то будемъ съ тобою противъ нихъ недругами; а что къ отцу твоему ежегодно посылалъ я поминковъ, то и тебѣ пошлю, только бы между нами было добро и послы бы ѣздили.» Далѣе Менгли-Гирей продолжаетъ: «Наша мысль такова: съ Королемъ коли недружбу принять, то малая недружба—ничто, а недружба пойдетъ такъ: нынѣшніе зимы съ женами и со всѣми улусами

въ свой городъ кочую (въ Очаковъ) и Королю съ обманомъ добрые рѣчи молвлю, а ты своихъ тысячу людей полемъ пришли—я возму тебѣ Кіевъ, и въ Литвѣ какъ противъ насъ обоихъ стоятъ: Вильну и Краковъ дастъ Богъ возмемъ...» Но Менгли-Гирей свой разбойническій характеръ не только выказывалъ въ этомъ планѣ, но какъ бы, въ вознагражденіе за то, что, по видимому, отказывался отъ Литовскихъ поминковъ, требовалъ ихъ отъ Ивана Васильевича, и не только обыкновенныхъ, которые ему посылали, но еще: «въ Кафу ѣздилъ и зимовалъ, истратился и задолжалъ 100,000 денегъ да 33,000 алтынъ, надобно въ шесть мѣсяцевъ отдать, и ты братство свое учини, отъ долга сего меня избавь и въ соромъ и ложь не введи...» 30 Августа, 1492 года, поѣхалъ съ отвѣтомъ на этѣ письма Менгли-Гирея Константинъ Григорьевичъ Заболотской; его Наказъ былъ слѣдующій; говоритъ Царю: «Нынѣ, по Божьей волѣ, нашего недруга, Короля Казимира, не стало, а его дѣти намъ такъ же недруги, и ты бы шелъ на нихъ ратью, а миру съ ними не бралъ, самъ я хочу тоже сѣсть на конь противъ нихъ; а что ты городъ дѣлаешь, то намъ сказываютъ, что онъ далеко отъ Литовской земли, у устья Днѣпра, такъ ты садись на конь и иди на Литовскую землю не мотчая!» Заболотскому наказано не отговариваясь ити вмѣстѣ съ Царемъ въ Литовскую землю, и если Царь, повоевавши, воротится въ Перекопъ, то говорить, чтобы опять шелъ.

Въ это время Заболотскому предстояло много трудовъ въ Крыму. Передъ тѣмъ, какъ ему пріѣхать, обѣщанный посолъ отъ Казимира, явился уже отъ Александра. То былъ Князь Иванъ Борисовичъ Глинскій. Посольство его къ Царю состояло въ слѣдующемъ: «Нашъ отецъ, передъ назначеннымъ къ тебѣ посломъ, отправилъ къ тебѣ своего толмача, чтобы ты прислалъ Тимеша Улана, въ закладъ того посла, пока онъ вернется отъ тебя, такъ какъ передъ этѣмъ ты пословъ отца нашего задерживалъ и иные изъ ихъ у тебя въ Ордѣ умерли. Теперь отца нашего въ животѣ не стало, и мы посла, назначеннаго имъ къ тебѣ, не задержали и послали, а ты бы вспомнилъ присягу отца твоего да и твою, и вспомнилъ бы, что когда которому Царю, или Царевичу, Орды Перекопской бывало несчастіе, то они нигдѣ коня потнаго не разсѣдывали, кромѣ какъ только въ нашей отчинѣ, и имъ у насъ въ

хлѣбѣ и соли не было отказу. И ты, если хочешь жить съ нами и быть, какъ твой отецъ съ нашимъ отцомъ, то передъ Княземъ Глинскимъ далъ бы правду и послалъ бы своего посла къ намъ.» Далѣе Глинскій долженъ былъ говорить о городѣ, который строилъ Менгли-Гирей.¹⁰⁸ Дѣйствовать противъ сношеній, заведенныхъ Менгли-Гиреемъ съ Литвою, Заболотскому отчасти облегчалось только тѣмъ, что Царь передъ его пріѣздомъ писалъ въ Москву: «Король (то есть, Великій Князь) прислалъ своего посла, но то посолъ легкій, съ легкими поминками;» но все таки Менгли-Гирей твердилъ старое, что онъ городъ строить: «а какъ тотъ городъ содержать, то на харчи денегъ нѣтъ... да еще приказывалъ я о своемъ долгѣ.» Когда же Лобанъ Колычевъ напоминалъ Царю, чтобы онъ шелъ на Литовскія земли, то получалъ отвѣтъ: «Тебѣ вѣдомо, что послалъ свою мысль къ своему брату, Великому Князю, и жду его отвѣта.»

Объ дѣлахъ Крымцевъ сначала, по видимому, приходили утѣшительныя извѣстія. Заболотской писалъ (грамота его получена 31 Декабря): «Я говорилъ Царю накрѣпко, чтобы онъ поималъ Литовскаго посла, и онъ его поималъ на Михайловъ день (8 Ноября), а самъ объявилъ, что садится на коня, но мнѣ съ собою ити не велѣлъ, и мы по этому съ Лобаномъ Колычевымъ рѣшили послать съ нимъ своихъ Казаковъ, чтобъ они видѣли, какъ Царь будетъ дѣло дѣлать.» Въ слѣдъ за этой грамотой пріѣхалъ въ Москву Лобанъ Колычевъ съ послами Менгли-Гирея, который въ грамотѣ своей писалъ, что Глинскій, кромѣ выше приведенныхъ предложеній, объявлялъ отъ Александра, что «онъ готовъ заплатить тѣ деньги, которыя Царь занялъ въ Кафѣ, и впередъ платить опредѣленные поминки, но онъ, Менгли-Гирей, ждалъ отвѣта объ этомъ отъ Великаго Князя, и теперь, вѣря словамъ Заболотскаго, идетъ на Литву.» Но такъ какъ и изъ Москвы этѣхъ денегъ тоже не дали, какъ изъ Литвы, то Заболотской писалъ, что дѣла находятся въ слѣдующемъ состояніи: «Царь отпустилъ Литовскаго посла на Николинъ день (6 Декабря) и мнѣ говорилъ, что ему о послѣ били челомъ вельможи. Да мнѣ, Государь, Царь не вѣрилъ, что ты Литовскую землю воюешь и самъ хочешь сѣсть

---

¹⁰⁸ Ак. З. Р. т. 1, № 102.

на конь, да только тогда, когда пріѣхалъ отъ Александра Литовскаго толмачъ съ грамотами и съ рѣчами о Глинскомъ, и сказалъ, что ты воюешь и города поймаешь, то мнѣ Царь повѣрилъ и сѣлъ часа того на конь, а того толмача съ собою взялъ. Да я попыталъ Царя о послѣ Литовскомъ; и онъ мнѣ сказалъ: «быть ему пойману у меня въ новомъ городкѣ, какъ туда доѣду.» При этомъ Заболотской извѣщалъ, что Царь посылалъ одного сына Мурзы воевать и про Великаго Князя отвѣдывать, и они воевали между Кіевомъ и Черниговомъ, а сказываютъ, много полону брали. Объ этомъ набѣгѣ Менгли-Гирей писалъ, что Татаръ пошло 500 человекъ, и они объ рати Великаго Князя ничего не знали, а онъ, Царь, приказалъ имъ тамъ въ полѣ зимовать, и они зимуютъ: «конямъ ихъ истома пришла, и что съ ними случилось, не вѣдаемъ; да еще посылалъ людей подъ Кіевъ воевать, и они, повоевавши, пришли назадъ; да на дорогѣ встрѣтились они съ Ордынскими Казаками, и были пограблены.»

Такимъ образомъ изъ выше изложеннаго можно видѣть, что въ настоящее время въ Крыму открылся аукціонъ, такъ какъ для обоихъ Государей, Московскаго и Литовскаго, нужно было направить Крымскую Орду, куда имъ хотѣлось. Но въ это самое время въ Литвѣ готовились встрѣтить Менгли-Гирея. Александръ назначилъ посольство въ Польшу, извѣщая, что «Перекопской Царь вышелъ изъ Крыма, идетъ къ своему городу; что на этой сторонѣ Днѣпра, только неизвѣстно куда, этотъ поганинъ потянется, и если обернетъ на Литовскіе предѣлы, то Янъ Альбрехтъ далъ бы помощь на Невѣрныхъ.»¹⁰⁹ Въ Крымъ же Александръ писалъ къ Царю: «Ты къ намъ прислалъ, объявляя, что хочешь добраго житья, и въ то же время, послѣ своего посла, пустилъ въ нашу землю войну: гораздо ли такъ дѣлается? доброе ли то знамя пріязни? и если хочешь съ нами добраго житья, то войны въ наши земли не пускай, а плѣнныхъ людей выпусти!»¹¹⁰ Опасности со стороны Ахматовыхъ дѣтей теперь для Крымцевъ не существовало; Заболотской извѣщалъ въ Москву: «Сказываютъ, Орда подъ Астраханью; а сказываютъ, что на нее идутъ Ногаи; а Орда, Государь,

¹⁰⁹ Ак. З. Р. т. 1, № 104.

¹¹⁰ Тамъ же, № 107.

сказываютъ голодна.» Къ этѣмъ краснорѣчивымъ словамъ Менгли-Гирей прибавилъ въ своей грамотѣ: «Наши люди встрѣтили Ахматовыхъ дѣтей людей, что пришли нашихъ улусовъ грабить, и я велѣлъ ихъ побить.»

Послѣ полученія этѣхъ извѣстій, изъ Крыма почти полгода не приходило ни какихъ вѣстей, такъ что въ срединѣ Іюня Иванъ Васильевичъ отправилъ своихъ Татаръ съ грамотами къ Менгли-Гирею и Заболотскому, чтобы узнать, что дѣлается въ Крыму. Но когда были посланы этѣ Татары, то пришли изъ Крыма грамоты отъ Менгли-Гирея, изъ которыхъ Иванъ Васильевичъ не много узналъ. Менгли-Гирей писалъ, что онъ посылалъ людей на Литовскую землю и самъ почалъ садиться на конь, но за зимою нельзя было того дѣлать, и обѣщалъ, что въ слѣдующее лѣто, какъ жнитво будетъ, пошлетъ рать подъ начальствомъ сына. На эту грамоту послѣдовалъ соотвѣтствующій отвѣтъ; въ то же время Иванъ Васильевичъ приказывалъ Заболотскому, чтобы онъ объяснилъ ему, по чему Менгли-Гирей самъ не ходилъ воевать Литву, и что такое значитъ, что онъ пишетъ, будто его люди безпрестанно и много землю воюютъ, а въ Москвѣ знаютъ, что воюютъ небольшіе отряды (малые люди). Въ Октябрѣ были наконецъ получены достовѣрныя вѣсти изъ Крыма, изъ которыхъ оказалось, что Менгли-Гирей все еще ожидалъ, или изъ Литвы, или изъ Москвы, себѣ денегъ.

Въ Литвѣ объ отношеніяхъ къ Крыму разсуждали такъ же, какъ и въ Москвѣ; какъ изъ Москвы Нуръ-Даулета съ братіею обыкновенно выпускали противъ Золотоордынцевъ, такъ и изъ Литвы выпустили одного изъ братьевъ Менгли-Гирея съ Воеводой Черкаскимъ, и они напали на новыи городокъ (Очаковъ) и взяли его. Менгли-Гирей, разсердившись на это, самъ сѣлъ на конь и пошелъ на Литовскую землю. Заболотской такъ описываетъ это нашествіе Крымцевъ: «Царь перевезся за Днѣпръ, и пошелъ отъ Днѣпра на Воздвиженевъ день (14 Сентября) въ Литовскую землю, къ Кіеву, а Уланы и Князя его говорятъ, чтобы онъ къ Кіеву не приступалъ, а пошелъ бы въ землю въ глубь. Князь же Великій Александръ послалъ къ Царю человека своего, и я Царю не разъ говорилъ, чтобы онъ тѣхъ людей не отпускалъ къ Литовскому, и Царь съ моихъ рѣчей того человека поималъ, а людей его перепродалъ.» Казалось, дѣло шло въ пользу Московскому

Государю, но уже въ это время Царь писалъ Ивану Васильевичу, что онъ, «слугъ наряжая на рать и много имъ давая, много одолжалъ;» а когда послѣ этѣхъ грамотъ въ Москву, въ Октябрѣ же, пріѣхалъ отпущенный Менгли-Гиреемъ Заболотской, то Царь писалъ: «что городъ, который у него Литовцы разорили, стоитъ ему 150,000 долгу, и я тебѣ то не солгу, по тому что въ томъ роту далъ. А Литовскій посолъ у меня, и я его держу, пока вѣсть отъ тебя придетъ; я лиха ему не чиню: послу лиха чинить непригоже...» Заболотской объявилъ въ Москвѣ, что Менгли - Гирей воротился, не сдѣлавши ни какого вреда Литвѣ.

На смѣну послѣ Заболотскаго былъ посланъ въ Крымъ, въ Ноябрѣ, того же 1493 года, посломъ Константинъ Малечникъ. Онъ долженъ былъ узнать, какого ради дѣла воротился Царь и не пошелъ на Литву. Потомъ наказано было говорить Царю, чтобы Литовскаго посла не отпускалъ, такъ же и людей, которыхъ пришлетъ Александръ въ Перекопъ, и къ нему бы не посылалъ, а недружбу врагу дѣлалъ. Это обыкновенная форма Наказа, а далѣе Наказъ показываетъ, какъ уже смотрѣли въ Москвѣ на Крымцевъ: «А взмолвить Царь: «Какъ мнѣ Литовскихъ пословъ не отпустить: къ Великому Князю послы Литовскіе ѣздятъ же, и онъ ихъ отпускаетъ?» то отвѣчать на это: «Были, Господине, послы у нашего Государя отъ Литовскаго, а пріѣзжали о тѣхъ городахъ и волостяхъ, что Государь у него поималъ, ино нельзя было тѣхъ пословъ не отпустить, занеже они пріѣзжали за опасомъ, а своихъ пословъ Государь къ Литовскому не посылавалъ и нынѣ не пошлетъ.» А спросить Царь: «Отдастъ ли Великій Князь города, которые у Литовскаго поималъ?» отвѣчать: «Тѣхъ городовъ, волостей и селъ не отдастъ, да и иные нынѣ еще поималъ;» и взолвить Царь: «Я самъ ходилъ на Литовскую землю, а Великій Князь за чѣмъ не ходилъ?» отвѣчать: «Государь не успѣлъ сѣсть на конь за нарядомъ за тяжелымъ, занеже Государь хочетъ ити на недруга нарядясь, чтобы недружбу крѣпче учинить; а рать свою на Литовскую землю посылалъ.» Самая любопытная часть Наказа была слѣдующая: «Взмолвить Царь о харчу, что давалъ своимъ людямъ, какъ ходилъ на Литовскую землю, то говорить: «Государь мой недружбу отъ себя общимъ недругамъ доводить, а о чемъ прикажешь къ нему, и онъ тебѣ пошлетъ.» Въ заключеніе было наказано говорить

Царю, чтобы онъ не унималъ Царевичей, если они хотятъ воевать Литовскую землю.

Отправивши посла въ Крымъ съ такимъ Наказомъ, Иванъ Васильевичъ прекратилъ сношенія съ Царемъ на цѣлыхъ полтора года, по тому что видѣлъ, что этѣ сношенія были такія, отъ которыхъ пользы ни какой не было, кромѣ убытка. Въ это время переговоры между Москвою и Литвою о мирѣ и брачномъ союзѣ шли уже къ концу. Только лѣтомъ 1494 года Менгли-Гирей прислалъ въ Москву грамоты. Ихъ содержаніе было то, что прошлою осенью «посылалъ своихъ людей на Литву, и какъ нынѣ они воротились, то пришелъ недругъ и улусы повоевалъ, дѣтей и дочерей въ полонъ поималъ, да много коней взялъ; да посылалъ нынѣ своихъ людей къ Бѣлгороду, Литовскую землю воевать, и, сколько могъ, конями ихъ снабдилъ, а тамъ ихъ много померло...» Далѣе Менгли-Гирей извѣщаетъ, какъ его люди воевали Литовскую землю и какъ Литовскій началъ съ нимъ переговоры о мирѣ, сначала чрезъ посредничество Султана, и предлагалъ дань, но онъ, Царь, съ нимъ не помирился.¹¹¹ Въ заключеніе, Царь извѣщалъ, что Орда рѣжется между собою, и потомъ выставялъ цѣлый рядъ запросовъ.¹¹²

Подобныя грамоты изъ Крыма, съ такими извѣстіями и требованіями, были только повтореніемъ стараго, и по тому могли только подтвердить убѣжденіе, что слѣдуетъ на время прекратить сношенія, и на грамоты не было отвѣта.

---

¹¹¹ Вообще грамоты Менгли-Гирея трудно читать, такъ какъ онѣ, кажется, подстрочный переводъ съ Татарскаго; эта же грамота особенно страдаетъ по этому безсмыслицею.

¹¹² Дѣла Крым. № 1, Посольства выше означенныхъ годовъ: они кончаются на 446 стран.

